

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 2 (81)
2023

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Социально-экономическое положение россиян в контексте сбережения народа: социологический анализ

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Результативность федерального проекта «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» в контексте предотвратимых причин в городских и сельских поселениях России

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2023 Т. 17, № 2 (81)

MANAGEMENT ISSUES

2023, vol. 17, no. 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия);

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

- на официальном сайте;
- в научной электронной библиотеке eLibrary.ru;
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru;
- в ЭБС *Лань*;
- в библиотеке *ЛитРес*.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

TECHNICAL SECRETARY

Dmitriy I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPa

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science:

5.2.1. Economic theory (Economic Sciences)

5.2.3. Regional and sectoral economy (Economic Sciences)

5.2.4. Finance (Economic Sciences)

5.2.6. Management (Economic Sciences)

5.4.4. Social structure, social institutions and processes (Sociological Sciences)

5.4.7. Sociology of management (Sociological Sciences)

5.5.2. Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 66020

https://www.akc.ru/itm/voprosy_i-upravleniy_a/

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

Шушпанова И. С.

Социально-экономическое положение россиян в контексте сбережения народа: социологический анализ

Shushpanova, I. S.

The socio-economic situation of the Russians in the context of saving people: sociological analysis

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

Ростовская Т. К., Рычихина Н. С.

Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем

Rostovskaya, T. K., & Rychikhina, N. S.

21 Developing a system for training demographers for comprehensive solution of demographic problems

Великая Н. М., Гребняк О. В.

Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России

Velikaya, N. M., & Grebnyak, O. V.

33 Human potential development in the context of digital transformation in modern Russia

Левченко Н. В., Роговая А. В.

Экологическое образование как условие формирования человеческого потенциала

Levchenko, N. V., & Rogovaya, A. V.

45 Environmental education as a condition of human potential development

Саралиева З. Х., Судьин С. А., Егорова Н. Ю.

Качество жизни пожилых vs социальная политика в России

Saralievа, Z. Kh., Sudin, S. A., & Egorova, N. Yu.

58 The quality of life of the elderly vs social policy in Russia

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

Сабгайда Т. П., Зубко А. В., Семенова В. Г.

Результативность федерального проекта «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» в контексте предотвратимых причин в городских и сельских поселениях России

Sabgayda, T. P., Zubko, A. V., & Semyonova, V. G.

71 Effectiveness of the Federal project “Fight against cardiovascular diseases” in the context of preventable causes of death in the Russian urban and rural settlements

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается второй в 2023 году номер журнала «Вопросы управления», являющийся результатом плодотворной работы ведущих российских ученых – социологов, экономистов, политологов.

Современная картина мира формируется в сложных геополитических, экономических и эпидемиологических условиях. Это определяет озабоченность вопросами обеспечения национальной безопасности, одной из приоритетных и неотъемлемых составляющих которой является демографическая безопасность. В этой связи в фокусе научного внимания исследователей актуальными остаются темы сбережения народа России и развития человеческого потенциала, которые являются ключевыми целями обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации и приоритетными национальными интересами на долгосрочную перспективу¹.

Особая ценность результатов научных исследований, представленных в этом номере, заключается в возможности их конвертации в положения доказательной базы и опережающие предложения по решению ключевых задач в области демографической безопасности.

В тематическом номере особое внимание уделяется вопросам, связанным с системной подготовкой демографов для комплексного решения демографических проблем. Формирование системы кадрового потенциала в этой области является в настоящее время одной из ключевых задач государственной социальной политики. В связи с этим очевидна актуальность и важность создания Координационного центра развития кадрового потенциала в области демографии в структуре Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

В статье **Т. К. Ростовской** и **Н. С. Рычиной** (Россия, Москва, Иваново) «Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем» определена роль федеральных экспертов по независимой оценке квалификаций в области демографии в системе подготовки специалистов для комплексного решения демографических проблем в обществе; рассмотрены особенности подготовки федеральных экспертов по независимой оценке квалификаций в области демографии; составлен портрет современного эксперта по независимой оценке квалификации демографа; предложена матрица компетенций федерального эксперта в области демографии.

Н. М. Великая и **О. В. Гребняк** (Россия, Москва) в материалах статьи «Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России» выявляют тенденции воспроизводства человеческого потенциала в Российской Федерации в контексте дигитализации общественной жизни, что сопровождается ускорением распространения информации, изменением структуры рынка труда и формированием экономики знаний, что требует от граждан владения новыми навыками и расширения практик взаимодействия с цифровой средой.

И. С. Шушпанова (Россия, Москва) в статье «Социально-экономическое положение россиян в контексте сбережения народа: социологический анализ» обращает внимание на оценку экспертов, характеризующих общие тренды сложившейся социально-экономической ситуации в российском обществе. Многие социологи и демографы сходятся во мнениях, что Россия нуждается в обновлении социально-экономической модели развития, делая акцент на сокращении неравенства в обществе, росте доходов населения и социального оптимизма.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко и В. Г. Семенова в исследовании «Результативность федерального проекта „Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями“ в контексте предотвратимых причин в городских и сельских поселениях России» анализируют смертность населения РФ в возрасте от 5 до 64 лет в период 2003-2021 гг. Авторы делают вывод, что концепция предотвратимой смертности применима в рамках класса болезней системы кровообращения; показаны факты улучшения диагностических возможностей, доступности и качества оказания медицинской помощи.

З. Х. Саралиева, С. А. Судьин и Н. Ю. Егорова (Россия, Нижний Новгород) в статье «Качество жизни пожилых vs социальная политика в России» анализируют количественные и качественные результаты реализации мер, направленных на формирование активного долголетия и на повышение качества жизни пожилых в России, и делают вывод о несоответствии предпринимаемых мер декларируемым целям социальной политики в отношении людей старшего поколения.

Н. В. Левченко и А. В. Роговая (Россия, Москва) в материалах статьи «Экологическое образование как условие формирования человеческого потенциала» раскрывают потенциал

экологического образования и просвещения в формировании человеческого потенциала; рассматривают репертуар действий представителей формального и неформального образования, а также способы их взаимодействия с другими институтами общества на региональном уровне на примере Смоленской, Свердловской и Омской областей.

От лица редакционной коллегии благодарим авторов за представленные статьи, от лица авторов – выражаем надежду на дальнейшее сотрудничество с редакцией (в том числе международное) и уверенность в том, что журнал продолжит публикацию интересных и важных для науки и общества материалов научных исследований.

Благодарим вас за живой интерес к новому выпуску журнала «Вопросы управления»!

*С уважением,
заместитель директора по научной работе
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
доктор социологических наук, профессор
Тамара Керимовна Ростовская*

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СБЕРЕЖЕНИЯ НАРОДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Шушпанова И. С.^а

^а Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Введение. В условиях острой депопуляции, сложной международной и санитарно-эпидемиологической обстановки актуальной становится тематика сбережения народа. Цель исследования – социологическое изучение социально-экономического положения граждан через призму сбережения народонаселения России в современных условиях.

Материалы и методы. Эмпирической базой авторского исследования являются результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» и «Куда идешь, Россия?», проводимого коллективом ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН с участием автора. В статье проведен анализ мнений экспертов, характеризующий общие тренды сложившейся социально-экономической ситуации в российском обществе. Многие социологи и демографы сходятся во мнениях, что Россия нуждается в обновлении социально-экономической модели развития, делая акцент на сокращении неравенства в обществе, рост доходов населения и социального оптимизма. В основе авторского анализа лежит многомерная модель, наиболее полно раскрывающая тенденции социально-экономического положения российского общества в контексте сбережения народа.

Результаты. Анализ мнений граждан показал, что россияне критически воспринимают изменения, происходившие в различных сферах общества в течение 30 лет. Среди положительных тенденций можно отметить рост уровня доверия граждан к институтам власти и одобрения социально-экономической политики. В статье предложен авторский подход к анализу потребностей россиян, основанный на депривационной методологии. Результаты социологического измерения показали, что базисными являются следующие потребности: потребление электричества, поездки на транспорте, покупка лекарств и продуктов питания, медицинское обслуживание. Изредка ограничивали себя россияне в покупке одежды и обуви, в посещении театра и кино, в ремонте жилья (второй уровень). Постоянными депривациями стали ограничения в покупке бытовой техники и мебели, в отдыхе и поездках в отпуск, в посещении ресторанов и мест общественного питания (третий уровень).

Обсуждение и выводы. В 2022 году уровень бедности, рассчитанный автором, находился на уровне 23–24 %. Надежность модели подтверждается значениями субъективных показателей бедности. Согласно измерениям автора, за четыре года уровень бедности в России снизился с 27 до 23 %. Минимизировав риски, можно предположить, что при благоприятном стечении обстоятельств, основываясь на оценках и прогнозе россиян, к 2027 году число бедных может сократиться с 25 до 17 %.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социально-экономическое положение, гражданское общество, государство, бедность, сбережение народа, социальная структура, доходы, депривация, потребности, политика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шушпанова И. С. Социально-экономическое положение россиян в контексте сбережения народа: социологический анализ // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 7-19. EDN ZUWJUH. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-7-19.

■ ВВЕДЕНИЕ

Сбережение народа России является одной из ключевых политических, социально-экономических и демографических задач, требующих скорейшего решения в сложившихся непростых условиях геополитической ситуации в мире. Базовым документом, в основе которого заложена сущность сбережения народонаселения, является Указ Президента РФ от 02.07.2021 года № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В нем указано, что проводимая государством социально-экономическая политика должна быть направлена, прежде всего, на обеспечение достойного уровня и качества жизни граждан, а также повышение демографических показателей. В частности, в Указе особое значение придается снижению уровня бедности и расслоения российского общества по социально-экономическим критериям, укреплению здоровья граждан и культивированию в социуме социально значимых традиционных духовно-нравственных ценностей.

Актуальность данной тематики систематически поддерживается на государственном уровне. В 2021 году в своем Послании Федеральному Собранию РФ В. В. Путин отметил важность решения таких задач: «Сбережение народа России – наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры»¹. Подводя итоги 2022 года на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, Президент России определил ключевые ориентиры, которые должны быть положены в основу развития нашей страны до 2030 года. Рост реальных доходов и материального благополучия граждан, развитие социальной инфраструктуры и сбережение народа как «абсолютная, непререкаемая ценность для каждого из нас, для всей страны»² являются приоритетами устойчивого развития России и благоприятного социального самочувствия гражданского общества.

¹ Послание Президента России Федеральному Собранию. Официальный сайт Президента России. 21 апреля 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65418>.

² Речь В.В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Официальный сайт Президента России. 15 декабря 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70086>.

■ АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЯН: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Сбережение народа находится в тесной связи с состоянием социально-экономического благополучия граждан и макроэкономическими показателями страны в целом. Уровень и качество жизни россиян становятся маркерами и векторами формирования консолидационных процессов, демографической безопасности и реализуемых на практике форм легитимности в стране [1]. Актуальными факторами, влияющими на социально-экономическое положение граждан, стали пандемия COVID-19, а также сложная экономическая и политическая обстановка на международной арене. В отношении России были применены многочисленные пакеты санкций, давление, политический шантаж и диктатура со стороны недружественных стран. В этой непростой обстановке на первый план выходит необходимость модернизации существующей социально-экономической модели и обновление демографического курса. Согласно точке зрения О. А. Рыбаковского и О. А. Таюновой, успешная демографическая политика и сбережение народа, в основе которых лежат комплексность, ориентированность на будущее и устойчивость, предполагают осуществление эффективных социально-экономических преобразований [2]. По мнению В. В. Коссова, в России необходимо проводить реформирование в направлении создания условий для развития предпринимательства и роста числа «экономически самостоятельных людей, доходы которых не зависят от работодателя» [3, с. 81]. Данный подход позволит создать в регионах новые рабочие места, повысить уровень материального обеспечения и восстановить естественный прирост населения. В исследованиях А. Г. Аганбегяна описывается усилившийся в стране процесс депопуляции населения. На его взгляд, решением вопроса сбережения населения может стать «возобновление социально-экономического роста с 2023–2025 гг. по 3–4 % в год» [4, с. 16]. Как следствие, увеличится уровень дохода граждан и улучшится их качество жизни. Многократный рост уровня государственной поддержки во многом будет способствовать улучшению социально-экономического положения российского гражданского общества. Сбережение российского

народа, в первую очередь, лежит в зоне ответственности органов власти [5]. Граждане должны разделять установки и культивировать ценностные ориентации в отношении рождения детей и вступления в брак, сформированные государством в рамках управляемой политической системы [6, с. 42].

Ряд исследователей отмечают, что в период COVID-кризиса вырос уровень бедности в стране, существенно снизились реальные доходы граждан, зафиксирован рост цен на социальные значимые продукты питания, усилились риски демографической безопасности [7, 8, 9]. В критическом положении оказались жители отдельных регионов. Например, по оценкам М. А. Зыряновой, в Республике Коми к 2020 году за чертой бедности оказалось 32,5 % населения репродуктивного возраста, около 31,3 % респондентов признались, что им денег хватает только на оплату продуктов питания и коммунальных услуг [10, с. 72–73]. Результаты исследования Е. В. Кабашовой, проведенного в Республике Башкортостан, показали, что на фоне общей неудовлетворенности уровнем и качеством жизни население региона стареет, а рождаемость снижается [11].

Социологический анализ социально-экономического положения российского общества, основанный на мнениях и оценках граждан, позволит выявить явные и латентные риски социальной и демографической безопасности, а также устойчивости страны в целом. Большой вклад в исследование социально-экономического положения российского общества в современных условиях сделан учеными ФНИСЦ РАН. Результаты социологического изучения П. М. Козыревой и А. И. Смирнова показали, что новая гибридная реальность, сформированная под влиянием внешних и внутренних событий, с которой пришлось столкнуться российскому обществу, сопровождалась качественными и количественными изменениями характеристик социального самочувствия, сложными адаптационными процессами и низким уровнем стабильности [12]. Более того, исследователи отмечали, что в 2021 году россияне испытывали весь спектр эмоциональной напряженности и время от времени чувство страха и тревоги. Научный взгляд А. Л. Андреева и И. А. Андреева зафиксировал усталость общества от большого числа проблем и отсутствие понимания

стратегии развития нашей страны в будущем [13]. По мнению Е. П. Сигаревой, С. Ю. Сивопясовой и Ю. Э. Плетневой, для улучшения демографической ситуации и сбережения народа необходимо зафиксировать внутреннюю «уверенность» граждан в своем будущем, снижение уровня тревожности и повышение доверия граждан к социальным и политическим институтам [14]. В исследовании Н. В. Латовой выделены следующие актуальные тренды, являющиеся основными социально-экономическими факторами благополучия граждан в современной реальности. Во-первых, россияне склонны считать источником всех проблем в стране события, которые происходят внутри государства. Во-вторых, в настроениях россиян наблюдается пессимизм в отношении их социально-экономического положения: в 2020 году 68 % респондентов сказали, что уровень жизни населения за последние два года ухудшился [15, с. 44]. Более того, социологические замеры коллектива исследователей позволили зафиксировать доминирующий в массовом сознании образ государства, которое должно бороться не с бедностью, а с растущим социально-экономическим неравенством в стране. Авторы пришли к выводу о том, что большинство респондентов винят в росте бедности, прежде всего, государство [16, с. 294–295].

Высокий уровень социально-экономического расслоения в российском обществе зафиксирован в исследовании ВЦИОМ. Согласно результатам опроса, проведенного в 2022 году, 69 % респондентов в разной степени согласились с утверждением, что различия в доходах граждан очень велики³. Противоположного мнения придерживались 10 % опрошенных. Более того, по мнению 55 % респондентов, именно органы власти должны сокращать различия в доходах населения. Таким образом, роль государства в вопросах улучшения социально-экономического положения гражданского общества очень важна. Создание благоприятных условий для роста социального благополучия граждан является первостепенной задачей для сбережения народонаселения России.

³ Неравенство доходов: мониторинг. Официальный сайт ВЦИОМ. 21 июня 2022 г. URL: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring>.

■ ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью социологического изучения социально-экономического положения россиян в контексте сбережения народа автором построена модель исследования, включающая в себя анализ ряда ключевых аспектов. Первый вектор предполагает изучение мнений граждан о состоянии социально-экономической инфраструктуры и о взаимоотношениях российского социума и государства. Поддержка гражданским обществом политики, проводимой органами власти, во многом формирует благоприятную среду для улучшения качества жизни граждан, развития демографических процессов, снижая градус тревожности и повышая трудовую мотивацию. Второе направление, детерминирующее социально-экономическое положение, включает в себя более глубокое изучение структуры потребностей и деприваций граждан. Третий аспект дополняет анализ и предполагает исследование показателей оценок и прогнозов материального положения граждан.

В основе построения авторской пирамиды потребностей российских граждан лежит депривационный подход. Он базируется на изучении показателей реального потребления, описывающих характер ограничений граждан, полной или частичной невозможности удовлетворить свои витальные потребности в рамках своей жизнедеятельности. Широко известно применение депривационной методологии к исследованию уровня бедности, основателем которой стал социолог Питер Таунсенд. Как правило, список деприваций для изучения бедности формируется на основе экспертного опроса [17].

В 2017 году специалисты Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) анонсировали применение многомерного подхода к измерению уровня бедности. Одним из элементов этой модели стал расчет индекса материальной депривации, состоящий из 16 показателей. Порогом бедности по данному индикатору является число домохозяйств, испытывающих минимум шесть материальных деприваций. В настоящее время Росстат публикует официальную статистику измерения уровня бедности, основанную на абсолютных показателях. Так, в третьем квартале 2022 года число бедных граждан составило 10,5 % от общей

численности населения, или 15,3 млн человек⁴. По сравнению со вторым кварталом 2022 года их количество снизилось на 1,3 процентных пункта, или на 2,3 млн человек. Снижение числа бедных граждан объясняется ростом размера государственной поддержки российского общества. Однако рост цен, тарифов в социально значимых сферах нивелировали положительную динамику снижения бедности в стране, неоднозначно отразившись на социальном самочувствии российского общества.

В исследовании П. В. Белопашенцевой в число анализируемых показателей входят депривации в еде, в одежде, в условиях жизни, в обеспеченности жилой площадью, в наличии собственного жилья и товаров длительного пользования, в медицине, в образовании для детей и в доступе к информационным технологиям [18]. Согласно измерениям, в 2019 году доля относительной бедности по депривационным показателям составила 18 % – такое число россиян испытывали три депривации (пороговое значение). В то же время показатель абсолютной бедности находился на уровне 16,7 %, а субъективной – 31 % (самооценка граждан по шкале «бедные – богатые»). Автор приходит к выводу о том, что показатель абсолютной бедности не коррелирует с субъективной, а значит, не отражает изменения социального благополучия и самочувствия граждан. Более того, индикатор относительной бедности, построенный по депривациям, имеет тесную связь с субъективным и абсолютным показателями. Именно депривационный подход дает возможность оценить социально-экономическое положение граждан, изучая широкий горизонт разносторонних аспектов жизнедеятельности. Например, низкий уровень доходов россиян не всегда ведет к росту числа деприваций. А высокий показатель материальной обеспеченности может предполагать существенное число ограничений в жизни граждан, снижая уровень субъективного восприятия своего места в обществе.

Эмпирической базой авторского исследования являются результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» и «Куда идешь, Россия?» (руководитель – д-р социол. наук

⁴ Росстат представляет информацию о границе бедности в III квартале 2022 года. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 2 декабря 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/189829>.

В. К. Левашов) [19, 20]. Социологические исследования проводятся ежегодно Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в мониторинговом режиме с участием автора статьи. На разных этапах объем выборки составлял от 1312 до 1866 респондентов. В основе мониторинга лежит метод опроса (анкетирование). Выборочная совокупность является репрезентативной. Ошибка выборки не превышает 3 %. В частности, автор статьи анализирует результаты 52-го этапа социологического мониторинга, проведенного в мае 2022 года [21]. Объем выборочной совокупности – 1700 респондентов. В основе построения выборки лежит квотно-пропорциональная модель с ключевыми характеристиками генеральной совокупности.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Сбережение народа во многом зависит от обеспеченности социально-экономической инфраструктурой в стране. Уровень и качество жизни граждан, доступность медицины, образования, технологического и научного потенциала – далеко не исчерпывающий список ключевых критериев, влияющих на демографическую ситуацию. Согласно результатам опроса, в 2022 году до половины респондентов зафиксировали негативные изменения в нашей стране за последние 30 лет по ряду индикаторов. По мнению наибольшего числа граждан, в России наблюдалось ухудшение качества образования (53 %), интеллектуального (40 %) и культурного развития граждан (42 %), уровня и качества жизни (38 %), доступности медицинского обслуживания (38 %), свободы слова (34 %), свободы совести (32 %) и участия общества в управлении и принятии решений (28 %). Позитивные изменения наибольшее количество респондентов увидели в областях технологического развития страны (62 %), экономического потенциала (44 %), экономической независимости (43 %), развития науки (42 %) и безопасности (34 %). Таким образом, в сферах, непосредственно связанных с жизнедеятельностью и сбережением народа, граждане отметили в большей степени негативные тренды.

Тем не менее экономическая политика, проводимая государством, стала более понятной и адекватной запросам российского общества. За год с 23 % до 42 % возросло число россиян,

положительно относившихся к курсу экономических реформ. С 34 % до 23 % уменьшилось число респондентов с противоположным мнением. Безразличие и отстраненность от экономических преобразований выразили лишь 17 % опрошенных в 2022 году против 28 % в 2021. Более того, до минимума сократился разрыв в численности двух групп респондентов: в мае 2022 года 45 % граждан считали, что, работая, можно обеспечить свое материальное благополучие, а 44 % настроены крайне пессимистично в отношении суждения о своей трудовой мотивации. Отметим, что с 60 % в июне 2021 года до 42 % в мае 2022 года уменьшилось число граждан считавших, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения нашей страны. Несмотря на положительную динамику, количество сторонников таких взглядов еще достаточно велико. Численность их оппонентов за данный период увеличилась в 1,8 раза – с 20 % до 36 %. Около пятой части опрошенных затруднились ответить на вопрос (20–22 %).

Легитимность российских органов власти и лояльность гражданского общества по отношению к проводимой социально-экономической политике постепенно находят свое выражение в увеличении уровня доверия социума государственным институтам. По сравнению с июнем 2021 года в мае 2022 года существенно выросли значения показателей доверия граждан к Президенту РФ (с 50 % до 74 %), Правительству РФ (с 35 % до 52 %), Администрации Президента РФ (с 36 % до 49 %) и Государственной Думе (с 23 % до 31 %). В период с сентября 2020 года по май 2022 года наблюдался рост значений оценок российского общества деятельности В. В. Путина и М. В. Мишустина на постах Президента РФ и председателя Правительства РФ: с 6 до 7,8 баллов и с 5 до 6,4 баллов по десятибалльной шкале соответственно.

Авторский поход к изучению структуры потребностей и деприваций граждан предполагает более глубокий анализ, описывающий частоту вынужденных ограничений, позволяющий более точно охарактеризовать социально-экономическое положение, влияющее на сбережение народа. Согласно результатам майского исследования 2022 года, за последние двенадцать месяцев наибольшее число граждан «никогда» не ограничивали себя в потреблении

электричества (67 %), в поездках на транспорте и топливе для автомобиля (56 %), в лекарствах (54 %), в медицинском обслуживании (49 %) и в продуктах питания (46 %) (см. табл. 1).

«Изредка» наибольшее число респондентов отказывались от покупки одежды и обуви (45 %), бытовой техники (41 %) и ремонта жилья (39 %). Походы в театр и кино (35 %), отдых и поездки в отпуск (44 %), а также посещение ресторанов и мест общественного питания (44 %) наибольшему количеству граждан приходилось ограничивать «постоянно».

В основе авторского подхода изучения структуры потребления и деприваций, а также построения пирамиды актуальных потребностей лежит сконструированный индекс потребления гражданами товаров и услуг (I_n). Условно континуум изменения значений индекса можно разделить на четыре диапазона. Первый уровень пирамиды потребностей граждан включает в себя категории, удовлетворение которых напрямую связано с витальными, базовыми потребностями ($I_n \geq 0,5$). Согласно авторским социологическим измерениям, данную группу составили депривации россиян, связанные с потреблением электричества, поездками на транспорте, покупкой лекарств и продуктов питания, медицинским обслуживанием. Второй уровень занимают товары и услуги, потреблять которые россияне позволяли себе изредка ($0 \leq I_n \leq 0,4$). К ним относятся ограничения граждан в покупке одежды и обуви, в посещении театра и кино, в ремонте жилья. Третий уровень пирамиды потребностей состоит из товаров и услуг, потребление которых граждане ограничивали постоянно ($-0,4 \leq I_n < 0$). В данную группу вошли депривации граждан в покупке бытовой техники и мебели, в отдыхе и поездках в отпуск, в посещении ресторанов и мест общественного питания. На четвертом уровне находятся категории, от потребления которых россияне могут отказаться без существенного ущерба для жизнедеятельности ($I_n \leq -0,5$). Отметим, что данная группа не исследовалась автором, так как не относится к жизненно необходимым.

Рассматривая гендерный аспект, отметим, что базовый первый уровень пирамиды потребностей у мужчин и женщин составляют одинаковые категории товаров и услуг, характерные для российского общества в целом. Второй и третий уровень имеют ряд различий. Россий-

ские женщины редко ограничивали себя в приобретении одежды и обуви, а также в посещениях театра и кино. У мужчин, кроме названных двух наименований деприваций, данный уровень дополнили категории, в которых они ограничивали себя реже, чем женщины: ремонт жилья и покупка бытовой техники и мебели. Данная особенность, вероятно, детерминирована тем, что ремонт жилья и покупка бытовой техники, как правило, лежат в сфере компетенции и ответственности мужчин. Согласно результатам исследования, проведенного в мае 2022 года, российские мужчины, отвечая на вопрос о своем месте в обществе по критерию размера своего денежного дохода, ставили более высокие оценки по сравнению с женщинами: 4,74 балла против 4,46 баллов по десятибалльной шкале (разница в оценках статистически значима). К категории малообеспеченных граждан чаще относили себя женщины по сравнению с мужчинами (26 % против 18 %). Российские женщины критически относятся к своему уровню дохода и семейному бюджету, тратя свои сбережения на удовлетворение базовых потребностей.

Третий уровень в структуре пирамиды потребностей у женщин составили отдых и поездки в отпуск, ремонт жилья, покупка бытовой техники и мебели, посещение ресторанов и мест общественного питания. У мужчин на данном уровне находились депривации, связанные с отдыхом и поездками в отпуск, посещениями ресторанов и мест общественного питания.

Анализируя возрастные группы, отметим, что молодежь и взрослые граждане⁵ имели одинаковый набор витальных деприваций, лежащих в основе пирамиды потребностей (1 уровень). Он совпадает с общероссийской структурой базисных потребностей. Второй и третий уровень имеют ряд особенностей. Российская молодежь редко отказывалась от покупки одежды и обуви, ремонта жилья, посещения театра и кино, ресторанов и мест общественного питания, покупки бытовой техники и мебели, отдыха и поездок в отпуск. Пирамида анализируемых потребностей молодых людей представлена первым и вторым уровнями. Российская молодежь предпочитала не отказывать себе в удовлетворении потребностей. Более критич-

⁵ Анализируемые группы по возрасту: до 35 лет (молодежь), старше 36 лет (взрослые).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто за последние двенадцать месяцев Вашей семье приходилось ограничивать себя в следующем?» (РФ, % от числа опрошенных)
Table 1 – Distribution of respondents' answers to the question: “How often in the last twelve months has your family had to limit themselves in the following?” (RF, % of respondents)

Категории	Постоянно		Иногда		Никогда		Затрудн. отв.		I _n
	2018, V	2022, V	2018, V	2022, V	2018, V	2022, V	2018, V	2022, V	
В потреблении электричества	11	10	20	20	66	67	3	3	0,67
В поездках на транспорте, бензине для автомобиля	14	12	35	28	44	56	7	4	0,58
В лекарствах	18	13	31	30	41	54	10	3	0,56
В продуктах питания	14	13	35	39	47	46	4	2	0,52
В медицинском обслуживании	18	15	29	34	45	49	8	2	0,51
В одежде и обуви	22	19	43	45	31	34	4	2	0,37
В посещениях театра и кино	24	35	26	30	28	25	22	10	0,14
В ремонте жилья	34	33	31	39	18	20	17	8	0,11
В покупке бытовой техники, мебели	—	38	—	41	—	16	—	5	-0,01
В отдыхе, поездках в отпуск	36	44	32	38	26	16	6	2	-0,09
В посещениях ресторанов, мест общественного питания	—	44	—	29	—	19	—	8	-0,10
В газетах	14	—	14	—	42	—	30	—	—

Прим.: «—» означает, что альтернатива не входила в шкалу индикатора.

но выглядит структура пирамиды потребностей взрослых граждан. Второй уровень составляют депривации, связанные с покупкой одежды и обуви, а также ремонтом жилья. На третьем уровне находятся категории, в которых взрослые постоянно ограничивают себя: покупка бытовой техники и мебели, отдых и поездки в отпуск, посещение театра и кино, ресторанов и мест общественного питания.

В основе пирамиды потребностей (первый уровень) лежат пять витальных деприваций, сформированных на эмпирической основе. В 2022 году от 10 % до 15 % респондентов постоянно ограничивали потребление базовых товаров и услуг. Из них 5,2 % граждан постоянно не удовлетворяли все жизненно важные потребности одновременно. Более того, 23,8 % россиян постоянно ограничивали покупку товаров и услуг хотя бы одной категории первого уровня. Таким образом, по нашим оценкам, уровень бедности в России по критерию депривации может достигать 23–24 %. Данный вывод подтверждается значением субъективного показателя бедности. Результаты социологического опроса показали, что в мае 2022 года 4 % респондентов были существенно ограничены в деньгах для покупки продуктов питания, а 19 % сказали, что материальных средств им хватало только на еду. Суммируя, отметим, что число малообеспеченных граждан в России по критерию самоидентификации своих денежных доходов

достигло 23 %. Значения уровней бедности, рассчитанные по критериям депривации и самоидентификации, совпадают.

За четыре года структура базовых потребностей в пирамиде не изменилась. В динамике социально-экономическое положение граждан улучшилось. В 2018 году от 11 % до 18 % россиян постоянно ограничивали себя в удовлетворении витальных потребностей, а 26,9 % граждан испытывали хотя бы одну депривацию из данной группы. В то же время по критерию самоидентификации денежных доходов число малообеспеченных граждан составляло 27 %: «нищих» насчитывалось 4 %, а «бедных» – 23 %. Таким образом, за четыре года значение уровней субъективного и относительного показателей бедности снизилось с 27 % в 2018 году до 23 % в 2022 году. В контексте сбережения народонаселения данный факт позволяет зафиксировать положительную тенденцию и снижение рисков демографической безопасности. В будущем пролонгирующийся тренд будет способствовать снижению оттока россиян в другие страны, росту рождаемости, улучшению продолжительности жизни и других важных для устойчивого развития страны демографических показателей.

Дополняя социально-экономическую структуру социума по критерию самооценок своих денежных доходов, отметим, что в 2022 году 58 % респондентов сказали, что им «денег до-

статочны для приобретения необходимых продуктов и одежды». Численность среднего класса находилась на уровне 17 %. Данную категорию граждан можно считать обеспеченной: «покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей». Богатых россиян, у которых денег хватает ни в чем себе не отказывать, насчитывалось около 2 %.

Картину актуального уровня социально-экономического благополучия расширяет социологическое понимание оценок граждан своего материального положения. В мае 2022 года 1 % и 12 % респондентов охарактеризовали уровень своих доходов в категориях «очень хороший» и «хороший». Среднее материальное положение зафиксировано у 61 % граждан. По данному критерию четверть опрошенных можно отнести к категории «бедных» (25 %): 21 % граждан считали свое материальное положение «плохим» и 4 % – «очень плохим».

В ближайшей перспективе условия для сбережения народа с некоторой долей вероятности могут складываться благоприятным образом. Только 17 % граждан через пять лет прогнозировали уровень доходов своей семьи в категориях «плохое» (11 %) и «очень плохое» (6 %). Более позитивный прогноз дали 23 % опрошенных: 4 % ожидают «очень хорошего» материального благополучия, а 19 % – «хорошего». По оценкам 35 % граждан, их доход через пять лет будет на уровне «среднего». Затруднились дать прогноз 25 % респондентов. Можно предположить, что, основываясь на прогнозе россиян, к 2027 году число бедных может сократиться с 25 % до 17 %. Достаточно большая когорта респондентов, которые не смогли ответить на вопрос, существенно снижает вероятность наступления позитивного сценария социально-экономического и демографического развития. Социально-психологическое здоровье россиян остается на критически низком уровне. В 2022 году большинство респондентов сказали, что они не чувствуют уверенности в завтрашнем дне (56 %). Положительный настрой имели 26 % опрошенных. Затруднились ответить 18 % респондентов. Таким образом, многоаспектность социального-экономического положения россиян, сильное влияние внешнего фактора усложняют прогнозирование наиболее вероятного сценария развития демографических процессов. Однако в настоящее вре-

мя политика государства, направленная на поддержание устойчивого развития и сбережения народа, способствует формированию благоприятных условий для улучшения демографической ситуации. Положительные тенденции все больше находят свое развитие.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание органами власти условий для роста социального благополучия россиян, их уровня доходов, широкого и разностороннего удовлетворения потребностей в большинстве сфер жизнедеятельности, отвечающих за качество жизни, является важной задачей на пути к сбережению народа России. Анализ мнений экспертов позволил сделать ряд выводов и выделить ключевые тренды, определяющие социально-экономическое положение российского общества в контексте сбережения народонаселения. Во-первых, в сложившихся условиях депопуляции и неблагоприятных обстоятельствах на международной арене нашей стране нужна обновленная модель социально-экономического развития, направленная на поддержание устойчивости и рост демографических показателей. Во-вторых, гражданское общество, в течение 30 лет потрясенное различного рода реформами и кризисами, с опасением смотрит в будущее. Некоторые регионы страны оказались в кризисном положении: наблюдались существенный рост бедности и ухудшение социально-экономического положения граждан. Многие инфраструктурные объекты и ключевые сферы, необходимые для жизнедеятельности россиян, нуждаются в обновлении и улучшении. В-третьих, эксперты отметили важную и определяющую роль государства, формирующего экономический курс и политику сбережения народа. Оперативная корректировка социально-экономической политики органов власти, адекватная запросам общества, позволила минимизировать риски роста бедности в стране. Увеличение социально-экономической государственной поддержки граждан различных категорий и слоев населения положительно повлияло на социальное благополучие российского общества в сложившейся реальности. Однако уровень субъективной оценки гражданами своего социально-экономического благополучия все еще находится на критически низком уровне. Граждан тревожат рост

цен на продукты питания и расходов на коммунальные услуги, высокая инфляция и страх перед будущим.

В основу авторской модели исследования социально-экономического положения россиян положены принципы системности, комплексности и многоаспектности. Эмпирической базой анализа стали результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого ежегодно коллективом ученых с участием автора. Изучение мнений граждан о состоянии ключевых сфер, детерминирующих жизнедеятельность социума, а также отношения граждан к проводимой государством политике позволили сделать ряд выводов. С одной стороны, зафиксированы положительные тенденции в сторону сокращения дистанции между гражданским обществом и властью, а также роста уровня доверия граждан государственным институтам. Уровень лояльности россиян к проводимой государством социально-экономической политике постепенно растет. С другой стороны, граждане отмечали ухудшение состояния социально-экономической инфраструктуры в стране. В частности, респонденты отметили за последние 30 лет ухудшение качества образования, интеллектуального и культурного развития граждан, уровня и качества жизни, доступности медицинского обслуживания и других. В российском обществе доминировало мнение о том, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения нашей страны.

Предложенная автором модель изучения социально-экономического положения граждан включает в себя анализ пирамиды потребности, основанной на депривационной методологии. Такой подход позволил наиболее глубоко и четко зафиксировать состояние социально-экономического положения россиян. Социологические измерения показали, что бази-

сом для жизнедеятельности социума являются потребности, связанные с потреблением электричества, поездками на транспорте, покупкой лекарств и продуктов питания, медицинским обслуживанием. Постоянное ограничение в удовлетворении данных потребностей ведет к ситуации бедности и ухудшению социального самочувствия. Базисный уровень витальных потребностей является постоянным и не детерминирован возрастом или полом граждан. На втором уровне находятся депривации граждан, связанные с покупкой одежды и обуви, посещением театра и кино, ремонтом жилья. Третий уровень составляли постоянные ограничения россиян: покупка бытовой техники и мебели, отдых и поездки в отпуск, посещение ресторанов и мест общественного питания.

Согласно социологическим измерениям автора, в 2022 году уровень бедности, зафиксированный по субъективным и относительным показателям, в стране достиг отметки в 23–24 %. В динамике наблюдалась положительная тенденция. Согласно значениям данных показателей, за четыре года уровень бедности в России снизился с 27 % до 23 %. Большинство граждан оказались ограниченными в средствах для приобретения продуктов питания и одежды. Около шестой части социума, согласно стандартам, составили численность среднего класса. Делая прогноз социально-экономического положения, отметим, что возможны разные сценарии развития. Четверть респондентов находятся в состоянии неопределенности своего материального положения в будущем. Более того, большинство граждан не чувствовали уверенности в завтрашнем дне. Однако с учетом создания органами власти благоприятных условий для сбережения народонаселения улучшение социально-экономического положения граждан является вероятностным сценарием в ближайшей перспективе. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **КОМБАРОВА Е. В.**, Корнукова Е. В., **СТАРШОВА У. А.** Проблемы реализации концепции социального государства в современной России // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2022. № 5 (148). С. 276-281. EDN SXVUOE.

2. **РЫБАКОВСКИЙ О. А.**, **ТАЮНОВА О. А.** Демографическая политика: определение, структура, цели // *Наука. Культура. Общество*. 2019. № 1. С. 100-111. EDN ZARAEP.

3. **КОССОВ В. В.** Для сбережения народа необходима реформа управления // *Экономическая*

наука современной России. 2022. № 2 (97). С. 72-85. EDN **VDEIKY**.

4. **АГАНБЕГЯН А. Г.** Как восстановить сохранность народа России // **Народонаселение**. 2021. Т. 24, № 2. С. 4-18. EDN **ASFWIC**.

5. **РЫБАКОВСКИЙ Л. Л., САВИНКОВ В. И., КОЖЕВНИКОВА Н. И.** Особенности демографического развития России: прошлое, настоящее, будущее // **Социально-трудовые исследования**. 2021. № 2 (43). С. 8-18. EDN **CQGAUG**.

6. **РОСТОВСКАЯ Т. К., ШАБУНОВА А. А., ВАСИЛЬЕВА Е. Н., КАЛАЧИКОВА О. Н.** Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности / под ред. Т. К. Ростовской. М. : Проспект, 2022. 264 с. EDN **QWUTOR**.

7. **ГРИШИНА Е. Е.** Эпидемиологический кризис 2020 г.: материальное положение населения и меры поддержки // **Народонаселение**. 2021. Т. 24, № 1. С. 15-23. EDN **FDHGEW**.

8. **ВЕРЕЩАГИНА А. В.** Социально-экономические факторы демографической безопасности российских регионов в постпандемической реальности // **Caucasian Science Bridge**. 2020. Т. 3, № 4 (10). С. 50-54. EDN **XDQENQ**.

9. **АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Н., ВОРОБЬЕВА О. Д., ГНЕВАШЕВА В. И., ДОБРОХЛЕБ В. Г., ИВАНОВА А. Е., КУЧМАЕВА О. В., ЛУКЬЯНЕЦ А. С., РОСТОВСКАЯ Т. К., РЫБАКОВСКИЙ Л. Л., РЫБАКОВСКИЙ О. Л., СЕМЕНОВА В. Г., ТОПИЛИН А. В., ХРАМОВА М. Н.** Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры: Национальный демографический доклад - 2020 : монография / под ред. С. В. Рязанцева. М. : Объединенная редакция, 2020. 155 с. EDN **STFBWI**.

10. **ЗЫРЯНОВА М. А.** Рождаемость в период пандемии COVID-19: причины формирования динамики // **Вопросы управления**. 2022. № 5 (78). С. 66-80. EDN **BVSVGY**.

11. **КАВАШОВА Е. В.** Уровень жизни населения и демографическое развитие региона // **Вестник евразийской науки**. 2021. Т. 13, № 6. С. 10. EDN **JUPWEE**.

12. **КОЗЫРЕВА П. М., СМИРНОВ А. И.** Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994-2021) // **Социологические исследования**. 2022. № 12. С. 29-41. EDN **JOBIII**.

13. **АНДРЕЕВ А. Л., АНДРЕЕВ И. А.** Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее // **Социологические исследования**. 2021. № 8. С. 82-92. EDN **XGFFSD**.

14. **СИГАРЕВА Е. П., СИВОПЛЯСОВА С. Ю., ПЛЕТНЕВА Ю. Э.** Риски демографического развития в условиях пандемии // **Наука. Культура. Общество**. 2020. Т. 26, № 4. С. 98-116. EDN **GKKAON**.

15. **ЛАТОВА Н. В.** Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // **Социологические исследования**. 2021. № 4. С. 37-49. EDN **ICRONI**.

16. **ТИХОНОВА Н. Е., МАРЕЕВА С. В., АНИКИН В. А., ЛЕЖНИНА Ю. П., КАРАВАЙ А. В., СЛОБОДЕНЮК Е. Д.** Общество неравных возможностей: социальная структура современной России : коллективная монография. М. : ООО «Издательство „Весь Мир“», 2022. 422 с. EDN **XJGBFE**.

17. **КОРЧАГИНА И. И., ПРОКОФЬЕВА Л. М., ТЕР-АКОПОВ С. А.** Материальные депривации в оценках бедности // **Народонаселение**. 2019. № 2. С. 51-63. EDN **JFLDAB**.

18. **БЕЛОПАШЕНЦЕВА П. В.** Что говорит о российской бедности депривационный подход? // **Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены**. 2022. № 4 (170). С. 110-129. EDN **WUOLWD**.

19. **ЛЕВАШОВ В. К., ВЕЛИКАЯ Н. М., ШУШПАНОВА И. С., ГРЕВНЯК О. В., НОВОЖЕНИНА О. П., ПОЛЯКОВА И. А.** Российское гражданское общество и государство в условиях пандемии и парламентских выборов / под ред. В. К. Левашова. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 110 с. EDN **FXYWMY**.

20. **ЛЕВАШОВ В. К., ВЕЛИКАЯ Н. М., ШУШПАНОВА И. С., АФАНАСЬЕВ В. А., ГРЕВНЯК О. В., НОВОЖЕНИНА О. П.** Куда идешь, Россия?: Экспресс-информация : брошюра. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 47 с. EDN **GGBSEK**.

21. **ЛЕВАШОВ В. К., ВЕЛИКАЯ Н. М., ШУШПАНОВА И. С., ГРЕВНЯК О. В., НОВОЖЕНИНА О. П.** Как живешь, Россия? : Бюллетень: Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года : монография / под ред. В. К. Левашова. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. 91 с. EDN **BNJMLL**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шушпанова Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ведущий научный сотрудник; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); i.s.shushpanova@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 152975, ORCID: 0000-0002-2877-1814, ScopusID: 25936830000, ResearcherID: R-4713-2016.

Статья получена: 27.02.2023. Заключение рецензента: 04.03.2023. Принята к печати: 21.03.2023.

THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE RUSSIANS IN THE CONTEXT OF SAVING PEOPLE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Shushpanova I. S.^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

Introduction. In the conditions of acute depopulation, a complex international and sanitary-epidemiological situation, the issue of saving people becomes relevant. The purpose of the research is a sociological study of the socio-economic situation of citizens through the prism of saving the Russian population in modern conditions.

Materials and methods. The empirical basis of the author's research is the results of sociological monitoring "How are you doing, Russia?" and "Where are you going, Russia?" conducted by a team of scientists from the Institute for Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, including the author. The article analyzes expert assessments, identifying general trends of the current socio-economic situation in the Russian society. Many sociologists and demographers agree that Russia needs to update the socio-economic development model focusing on social inequality reduction, population income growth and social optimism. The basis of the author's analysis is a multidimensional model that most fully reveals the trends in the socio-economic situation of Russian society in the context of people saving.

Results. The citizens' opinion analysis showed that the Russians are critical to the changes in various social fields over the last 30 years. Among the positive trends one can mention an increased level of citizens' confidence in public authorities and approval of socio-economic policy. The author's model of the needs of Russians based on the deprivation methodology is proposed in the article. According to the results of the sociological measurement, the basic needs are the following: electricity consumption, travel by transport, purchase of medicines and food and medical care. Occasionally, the Russians cut down on clothes and shoes, theaters and cinemas, and home renovation (the second level). Permanent deprivations were restrictions on household appliances and furniture, vacations and travels, on restaurants and catering places (third level).

Discussion and conclusions. In 2022, the poverty rate calculated by the author was at the level of 23-24%. The fidelity and adequacy of the model is confirmed by the values of subjective indicators of poverty. According to the author's measurements, in four years the poverty rate in Russia has decreased from 27% to 23%. Having minimized the risks, it can be assumed that under favorable circumstances, based on the Russians' estimates and forecasts, by 2027 the number of poor people may decrease from 25% to 17%.

KEYWORDS: socio-economic situation, civil society, state, poverty, saving people, social structure, income, deprivation, needs, politics

FOR CITATION: Shushpanova, I. S. (2023). The socio-economic situation of the Russians in the context of saving people: sociological analysis. *Management Issues*, 17(2), 7–19. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-7-19>.

REFERENCES

1. KOMBAROVA, E. V., KORNUKOVA, E. V., & STARSHOVA, U. A. (2022). Problems of implementing the concept of the social state in contemporary Russia. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, (5), 276–281. <https://elibrary.ru/sxvuoe>.
2. RYBAKOVSKIY, O. L., & TAYUNOVA, O. A. (2019). Population policy: definition, structure, objectives. *Science. Culture. Society*, (1), 100–111. <https://elibrary.ru/zaraep>.
3. KOSOV, V. V. (2022). Governance reform is needed to save the people. *Economics of Contemporary Russia*, (2), 72–85. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-2\(97\)-72-85](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-2(97)-72-85).
4. AGANBEGYAN, A. G. (2021). How to restore the safety of the people of Russia. *Population*, 24(2), 4–18. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1>.
5. RYBAKOVSKIY, L. L., SAVINKOV, V. I., & KOZHEVNIKOVA, N. I. (2021). Demographic development in Russia: past, present, and future. *Social & Labor Research*, (2), 8–18. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-43-2-8-18>.
6. ROSTOVSKAYA, T. K., SHABUNOVA, A. A., VASILEVA, E. N., & KALACHIKOVA, O. N. (2022). *Demographic development of Russia in the context of national security*. Prospekt. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-36915-7.2022>.
7. GRISHINA, E. E. (2021). Epidemiological crisis of 2020: Financial situation of the population and social support. *Population*, 24(1), 15–23. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.2>.
8. VERESHCHAGINA, A. V. (2020). Socio-economic factors of demographic security of Russian regions in the post-pandemic reality. *Caucasian Science Bridge*, 3(4), 50–54. <https://elibrary.ru/xdqehq>.
9. ARKHANGELSKIY, V. N., VOROBEVA, O. D., GNEVASHOVA, V. I., DOBROKHLEB, V. G., IVANOVA, A. E., KUCHMAEVA, O. V., LUKYANETS, A. S., ROSTOVSKAYA, T. K., RYBAKOVSKIY, L. L., RYBAKOVSKIY, O. L., SEMENOVA, V. G., TOPILIN, A. V., & KHRAMOVA, M. N. (2020). *Demographic Development of Russia: Trends, Forecasts, Measures: National Demographic Report – 2020*. Ob'edinennaya Redaktsiya. <https://elibrary.ru/stfbwi>.
10. ZYRYANOVA, M. A. (2022). Fertility in the COVID-19 pandemic: dynamics reasons. *Management Issues*, (5), 66–80. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-5-66-80>.
11. KABASHOVA, E. V. (2021). Standard of living of the population and demographic development of the region. *Bulletin of Eurasian Science*, 13(6), Article 10. <https://doi.org/10.15862/12ECVN621>.
12. KOZYREVA, P. M., & SMIRNOV, A. I. (2022). The evolution of Russian people's social wellbeing during the Post-Soviet era: from collapse to contrasting stability (1994-2021). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (12), 29–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250021523-8>.
13. ANDREEV, A. L., & ANDREEV, I. A. (2021). Russia-2021: Experiencing the present and looking into the future. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (8), 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250015258-6>.
14. SIGAREVA, E. P., SIVOPLYASOVA, S. YU., & PLETNEVA, YU. E. (2020). Risks of demographic development in a pandemic. *Science. Culture. Society*, 26(4), 98–116. <https://doi.org/10.19181/2308829X-2020-4.8>.
15. LATOVA, N. V. (2021). Situation in the country and its prospects through the prism of public opinion during the pandemic. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 37–49. <https://doi.org/10.31857/S013216250013734-0>.
16. TIKHONOVA, N. E., MAREEVA, S. V., ANIKIN, V. A., LEZHNIINA, YU. P., KARAVAY, A. V., & SLOBODENYUK, E. D. (2022). *Society of unequal opportunities: social structure of modern Russia*. Publishing house “Ves Mir”. <https://doi.org/10.55604/9785777708731>.
17. KORCHAGINA, I. I., PROKOFEVA, L. M., & TERAKOPOV, S. A. (2019). Material deprivations in poverty estimations. *Population*, (2), 51–63. <https://elibrary.ru/jfldab>.
18. BELOPASHENTSEVA, P. V. (2022). What does the deprivation approach say about Russian poverty? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 110–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2224>.
19. LEVASHOV, V. K., VELIKAYA, N. M., SHUSHPANOVA, I. S., GREBNIYAK, O. V., NOVOZHENINA, O. P., & POLYAKOVA, I. A. (2021). *Russian civil society and state in the context of the pandemic and parliamentary elections*. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-385-0.2021>.
20. LEVASHOV, V. K., VELIKAYA, N. M., SHUSHPANOVA, I. S., AFANASEV, V. A., GREBNIYAK, O. V., & NOVOZHENINA, O. P. (2021). *What is your image of future, Russia? Express information*. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021>.
21. LEVASHOV, V. K., VELIKAYA, N. M., SHUSHPANOVA, I. S., GREBNIYAK, O. V., & NOVOZHENINA, O. P.

(2022). *How are you, Russia?*. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian

Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022>.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina S. Shushpanova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (leading researcher; 6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); i.s.shushpanova@mail.ru. RSCI AuthorID: 152975, ORCID: 0000-0002-2877-1814, ScopusID: 25936830000, ResearcherID: R-4713-2016.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ДЕМОГРАФОВ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Ростовская Т. К.^{ab}, Рычихина Н. С.^c

^a Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

^b Российский университет дружбы народов

^c Ивановский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

Актуализирована значимость разработки системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем, в рамках которой выделено пять основных блоков: определение потребности в демографах и перечень решаемых ими задач; подготовка и обучение демографов высшими учебными заведениями; повышение квалификации демографов для улучшения качества выполняемых ими трудовых функций и карьерного роста демографов; подготовка федеральных экспертов по независимой оценке квалификации в области демографии; обеспечение предприятий и организаций, органов федеральной и муниципальной власти квалифицированными демографами и своевременная их переподготовка. Определена роль федеральных экспертов по независимой оценке квалификации в области демографии в системе подготовки специалистов для комплексного решения демографических проблем в обществе. От качества работы эксперта в дальнейшем будет зависеть, какие специалисты в области демографии будут консультировать и проводить экспертизу общественно значимых национальных и региональных проектов по народосбережению и выравниванию демографического дисбаланса. Рассмотрены особенности подготовки федеральных экспертов по независимой оценке квалификации в области демографии. Эксперт должен знать требования законодательства в области независимой оценки квалификации и нормативное обеспечение в заявляемой деятельности, в соответствии с утвержденным профессиональным стандартом «Демограф», а также проводить экзамен по установленному регламенту. При подготовке к экзамену для каждого уровня квалификации демографа эксперт должен уметь составлять перечень оценочных средств, позволяющих оценить необходимые знания, умения и трудовые действия претендента на подтверждение квалификационного уровня. На основании авторского исследования кандидатов в федеральные эксперты в сфере демографии по уровню образования, ученой степени, званию, публикационной активности, инициативности участия в научных и практических мероприятиях, по возрасту авторами составлен портрет современного эксперта по независимой оценке квалификации демографа. Предложена матрица компетенций федерального эксперта в области демографии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: федеральный эксперт, демограф, независимая оценка квалификации, компетенции.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 21-32. EDN YWPSJD. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-21-32.

■ ВВЕДЕНИЕ

Одним из ключевых приоритетов в рамках реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации является «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала»¹. К основным задачам, позволяющим достигнуть цель, следует отнести реализацию мер, направленных на укрепление института многопоколенной семьи, формирование мотивации к многодетности, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение смертности [1].

Острая необходимость научно обоснованного информационно-аналитического обеспечения по демографическим вопросам актуализирует значимость появления новой профессии – демографа² – и привлечения данных специалистов в команды по разработке и реализации общественно значимых проектов в качестве экспертов и консультантов по народосбережению и выравниванию демографического дисбаланса. В ноябре 2022 года на заседании Совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения (далее – СПК) были рассмотрены и получили одобрение проекты наименований следующих квалификаций, разработанных по наименованиям квалификаций в соответствии с положениями профессионального стандарта «Демограф»:

- «Специалист в области демографии (демограф)» (6 уровень квалификации);
- «Аналитик в демографической сфере» (7 уровень квалификации).

Одобренные проекты наименований квалификации и требований к квалификациям утверждены приказом Национального агентства развития квалификаций от 14.11.2022 № 129/22-ПР.

Утвержденный и действующий профессиональный стандарт «Демограф» расширяет возможности образовательных организаций с позиции подготовки выпускников, имеющих знания в части профессиональных компетенций о демографических закономерностях и особенностях [2; 11; 12; 13; 14]. Отмечая важность профессиональных стандартов, следует согласиться

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 24.12.2021).

² Об утверждении профессионального стандарта «Демограф» : Приказ Минтруда России от 08.06.2022 № 346н. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368>.

с М. А. Троянской, которая считает, что профессиональные стандарты могут рассматриваться в качестве одного из способов формирования эффективного и устойчивого взаимодействия сфер образования и труда для обеспечения рационального использования человеческих ресурсов [15, с. 274]. «Профессиональные стандарты очень удобны в использовании и создают основу для обоснованного отбора содержания образовательных программ», – отмечают специалисты Уральского федерального университета [16, с. 42]. Включение в профессиональные стандарты требований в области демографических знаний одновременно влечет за собой появление федерального государственного образовательного стандарта с соответствующим наполнением [16, с. 42].

Значимость подготовки кадров высшей квалификации с учетом требований профессиональной деятельности (трудовых функций, трудовых действий, умений и знаний) отмечается в ряде трудов отечественных ученых и экспертов [3; 4; 5; 6; 7 и др.].

Таким образом, актуальной является разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем, в рамках которой выделены пять основных блоков: определение потребности в демографах и перечень решаемых ими задач; подготовка и обучение демографов высшими учебными заведениями; повышение квалификации демографов для улучшения качества выполняемых ими трудовых функций и карьерного роста демографов; подготовка федеральных экспертов по независимой оценке квалификаций в области демографии; обеспечение предприятий и организаций, органов федеральной и муниципальной власти квалифицированными демографами и своевременная их переподготовка.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции демографического развития. В процессе написания статьи были использованы нормативно-правовые акты и научная литература по теме исследования. К используемым научным методам относят сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время основными демографическими проблемами являются снижение рож-

даемости, рост смертности, миграционная убыль, старение населения и пр.³ [8]. Отмечая значимость разработки системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем, следует выделить пять основных блоков (рисунок 1):

- 1) определение потребности в демографах и перечень решаемых ими задач;
- 2) подготовка и обучение демографов высшими учебными заведениями;
- 3) повышение квалификации демографов для улучшения качества выполняемых ими трудовых функций и карьерного роста демографов;
- 4) подготовка федеральных экспертов по независимой оценке в области демографии;
- 5) обеспечение предприятий и организаций, органов федеральной и муниципальной власти квалифицированными демографами и обеспечение своевременной переподготовки специалистов и руководителей в соответствии с нововведениями.

Рассмотрим более подробно все блоки системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем.

Первый блок. *Определение потребности в демографах и перечень решаемых ими задач.*

По состоянию на 2022 год в России потребность в демографах органами государственной и муниципальной власти, аналитическими центрами, внебюджетными фондами, Росстатом, социологическими службами, крупными компаниями составляет примерно 5300 человек. Демографы должны уметь формировать демографические базы данных, определять демографическую конъюнктуру, моделировать и разрабатывать сценарии развития демографических процессов, формировать информационно-аналитическое обеспечение и проводить экспертизу программ и проектов развития общества.

Второй блок. *Подготовка и обучение демографов высшими учебными заведениями.*

По состоянию на 2022 год в России всего три высших учебных заведения ведут образовательную деятельность по программам демографии: Высшая школа экономики (далее – ВШЭ), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (далее – МГУ) и Московский

государственный институт международных отношений (МГИМО) [1].

В Высшей школе экономики, в Институте демографии имени А. Г. Вишневого, действует кафедра демографии.

На трёх факультетах МГУ ведется подготовка кадров в области демографии: на экономическом факультете функционирует кафедра народонаселения, в высшей школе современных социальных наук работает кафедра демографии, а также на социологическом факультете действует кафедра социологии семьи и демографии.

В МГИМО, на Факультете управления и политики, проходят обучение студенты кафедры демографической и миграционной политики.

Рис. 1. Система подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем
Fig. 1. Demographer training system for comprehensive solution of demographic problems

³ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. – 220 с.

Таким образом, в настоящее время в России работает пять кафедр демографии и народонаселения. Несомненно, образовательный потенциал по выпуску демографов больше. Образовательным потенциалом по выпуску высококвалифицированных демографов обладают другие и столичные, и региональные вузы страны, в которых уже сейчас действуют научные центры, проводящие демографические исследования по актуальным в обществе проблемам, а преподаватели данных учебных заведений имеют ученую степень, проходят повышение квалификации на базе ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» (далее – ВНИИ труда) по современным тенденциям демографии, активно изучают и отслеживают тенденции развития демографической ситуации в своих регионах, публикуют результаты своих научных исследований и учувствуют в симпозиумах, круглых столах и научных конференциях с докладами.

Третий блок. *Повышение квалификации демографов для улучшения качества выполняемых ими трудовых функций и карьерного роста демографов.*

Несомненно, покрыть действующую потребность в демографах трем вузам не под силу. Однако согласно профессиональному стандарту «Демограф», демограф может иметь высшее социологическое, экономическое, статистическое образование, а также в области менеджмента или государственного и муниципального управления уровня бакалавриата (образование данного уровня он может получить уже в более широком перечне вузов) и пройти программу повышения квалификации по демографическому профилю. Программу повышения квалификации рекомендуется пройти во ВНИИ труда. Данный институт предлагает широкий перечень программ для повышения квалификации: «Демограф», «Основы демографии: теория и практика», «Подготовка экспертов центров оценки квалификаций и экзаменационных центров в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения» и пр. Прохождение программы повышения квалификации позволит специалисту с высшим образованием занять должность специалиста демографа, демографа в социологической сфере или экономиста-демографа. Для своего карьерного роста в будущем демограф должен закончить

программу специалитета или магистратуру и проработать не менее одного года, например, в области анализа данных в региональных органах власти [9].

Четвертый блок. *Подготовка федеральных экспертов по независимой оценке в области демографии.*

Важным элементом системы подготовки и оценки работы демографов является подготовка экспертов по независимой оценке квалификации демографа. На них возлагается огромная функция по оценке качества подготовки специалистов, квалификационного уровня демографа и постановки его в кадровый резерв на руководящую должность. Определяя роль федеральных экспертов по независимой оценке квалификации в области демографии, следует в первую очередь отметить, что федеральный эксперт по независимой оценке квалификации в области демографии – это специалист, имеющий подтвержденную в порядке, установленном Советом по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения (далее – СПК), квалификацию эксперта, обладающий знаниями и опытом для проведения работ в области профессиональной квалификации. Для получения соответствующего статуса эксперт должен иметь:

- высшее образование и/или учёную степень, соответствующую заявляемой области деятельности;
- стаж работы по соответствующему виду профессиональной деятельности не менее пяти лет;
- действующее удостоверение о повышении квалификации по программам в области независимой оценки квалификации, утвержденным Национальным агентством развития квалификаций и (или) СПК.

В период с 25 по 27 октября 2022 года на базе ВНИИ труда была осуществлена подготовка первых экспертов по независимым оценкам квалификации демографа. В ходе подготовки были обучены и подготовлены к практической деятельности 23 эксперта по независимой оценке квалификации демографа. Отметим, что на обучение было подано большое количество заявок, однако в команду обучающихся на экспертов по независимой оценке квалификации демографа были отобраны лучшие кандидаты исходя из их образовательного уровня, занимаемой должности и необходимости получения

Таблица 1 – Сведения по кандидатам в эксперты по демографии
Table 1 – Information about candidates for demography experts

№ п/п	Ученая степень	Руководящая должность	Пол	Активность участия в научных мероприятиях по проблемам демографии	Публикационная активность (оценивалась по индексу Хирша)
1	д-р экон. наук	директор	жен	высокая	высокая
2	д-р экон. наук	зам. директора	жен	высокая	высокая
3	д-р экон. наук, член-корр. РАН	директор	муж	высокая	высокая
4	канд. экон. наук	—	жен	высокая	высокая
5	канд. экон. наук	—	жен	высокая	высокая
6	д-р экон. наук	руководитель отдела	жен	высокая	высокая
7	д-р социол. наук	директор	жен	высокая	высокая
8	канд. экон. наук	зам. директора	жен	высокая	высокая
9	д-р экон. наук		жен	высокая	высокая
10	д-р социол. наук	руководитель отдела	жен	высокая	высокая
11	канд. экон. наук	зам. директора	муж	высокая	высокая
12	д-р социол. наук		жен	высокая	высокая
13	д-р социол. наук		жен	высокая	высокая
14	д-р социол. наук	зам. директора	жен	высокая	высокая
15	канд. экон. наук		муж	высокая	высокая
16	канд. физ.-мат. наук	зам. директора	жен	высокая	высокая
17	канд. экон. наук	зам. директора	муж	высокая	высокая
18	канд. социол. наук	декан	муж	высокая	высокая
19	д-р социол. наук		жен	высокая	высокая
20	д-р социол. наук	руководитель отдела	жен	высокая	высокая
21	д-р экон. наук		жен	высокая	высокая
22	канд. экон. наук	зам.зав. отделом	жен	высокая	высокая
23	канд. экон. наук		жен	высокая	высокая

ими знаний и умений для применения в своей профессиональной деятельности.

Далее проведем исследование кандидатов в федеральные эксперты в сфере демографии по уровню образования, ученой степени, званию, публикационной активности, активности участия в научных и практических мероприятиях, полу и возрасту (таблица 1).

Подготовленные эксперты по независимой оценке квалификации демографа работают в лучших высших учебных заведениях страны: институте демографических исследований ИДИ ФНИСЦ РАН (г. Москва), Башкирском государственном университете (г. Уфа), Вологодском научном центре Российской академии наук (г. Вологда), Ивановском государственном университете (г. Иваново) и пр. Как видно, география экспертов широкая. Это связано с тем, что профессиональные демографы нужны во всех регионах России.

В соответствии с СПК СТС выдвигаются следующие требования к экспертам: образование, учёная степень, стаж работы по соответ-

ствующему наличие действующего удостоверения о повышении квалификации по программам «Подготовка экспертов ЦОК, ЭЦ, ЭП» или «Независимая оценка квалификации». Эксперты по независимой оценке квалификации демографа должны быть статусными людьми в научной среде. 56,5 % обучающихся на экспертов в области демографии имели ученую степень доктора наук (13 человек), 43,5 % – кандидата наук (10 человек) (рисунок 2).

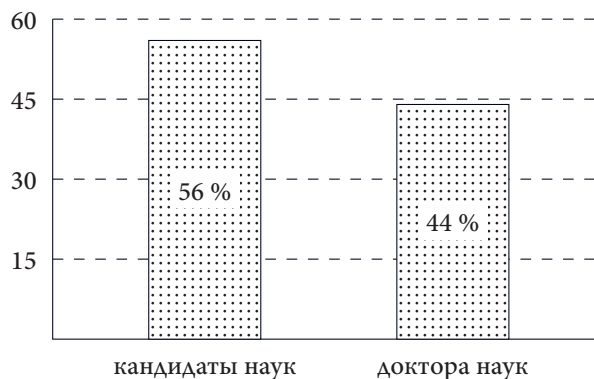

Рис. 2. Ученая степень экспертов демографии
Fig. 2. Demography experts' academic degree

Если посмотреть в разрезе, то 50 % всех докторов – это доктора социологических наук и 50 % составляют доктора экономических наук. Если мы посмотрим экспертов со степенью кандидата наук, то семь человек (78 % от всех кандидатов наук) – это кандидаты экономических наук, 22 % – это кандидаты социологических наук и физико-математических наук. 44 % экспертов по независимой оценке квалификации демографа – это профессора. Высокие требования к образовательному уровню претендентов обусловлены высокими требованиями к уровню знаний экспертов.

Эксперты в области демографии должны не только обладать теоретическими знаниями, но и иметь практический опыт в области демографических исследований, являться консультантами по народосбережению и выравниванию демографического дисбаланса, быть уважаемыми в научной и образовательной среде людьми. 14 человек, или 61 % принявших решение стать экспертами, занимают должности руководителей высшего и среднего звена, а именно являются директорами институтов и центров, заместителями директоров, руководителями отделов, заведующими лабораториями региональных исследований, деканами факультетов и пр.

Среди первых экспертов по независимой оценке квалификации демографа есть как мужчины, так и женщины: из 23 обучающихся 22 % составляют мужчины и 78 % – женщины (рисунок 3).

Все эксперты по независимой оценке квалификации демографа имеют значительные научные труды за последние пять лет в области демографии, активно выступают на научных конференциях: ежегодном демографическом до-

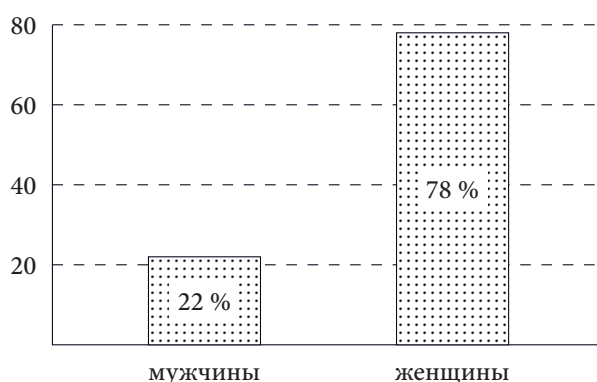

Рис. 3. Соотношение мужчин и женщин среди обучающихся экспертов демографии

Fig. 3. Ratio of males and females among trained demographic experts

кладе «Демографическое самочувствие регионов России», «Всероссийском демографическом форуме», международном симпозиуме «Семья и преемственность поколений», всероссийском фестивале «Студенческая семья» и пр.

Средний возраст эксперта в области демографии – 44–53 лет (рисунок 4).

Пятый блок. Обеспечение предприятий и организаций, органов федеральной и муниципальной власти квалифицированными главными демографами, специалистами в области народосбережения, консультантами и советниками при разработке региональных проектов и обеспечение своевременной переподготовки специалистов и руководителей в соответствии с нововведениями

При планировании карьерного роста демографов и их переподготовки следует руководствоваться компетентностным подходом, который основывается на знаниях, умениях сотрудника и трудовых функциях, которые он должен выполнять [9]. В таблице 2 представлена матрица трудовых функций демографа шестого уровня квалификации, который в своей работе осуществляет формирование демографических баз данных на основе современных цифровых технологий.

В таблице 3 представлены требования к демографу седьмого уровня квалификации, который осуществляет трудовую функцию по проведению демографических экспертиз проектов и работ. Для каждого уровня квалификации эксперт должен составить свой перечень оценочных средств, позволяющих оценить необходимые знания, умения и трудовые действия претендента на подтверждение или повышение квалификационного уровня, а также федеральный эксперт должен проводить экзамен по установленному регламенту.

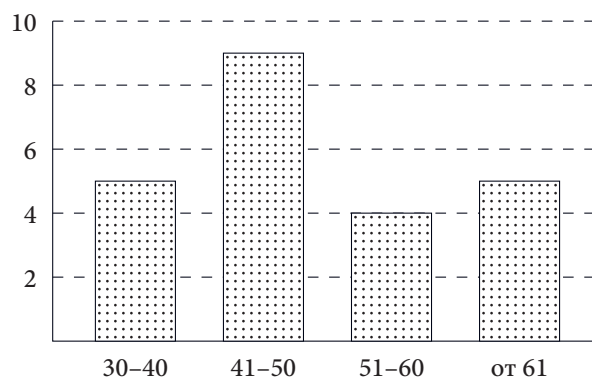

Рис. 4. Возрастная структура экспертов демографии

Fig. 4. Age structure of demography experts

Таблица 2 – Требования к демографу шестого уровня квалификации
Table 2 – Requirements for a demographer of the sixth level of qualification

Требования: высшее образование (бакалавриат) и дополнительно повышение квалификации в области демографии		
Необходимые знания	Необходимые умения	Трудовые действия
Национальные нормативные акты в области демографического развития, Международные нормативные акты в области демографического развития, Цифровые технологии для разработки без данных в области демографии. Индикаторы и факторы демографического развития, показатели измерения и диагностики демографически исследований и пр.	Проводить оценку актуальности, достоверности, полноты и доступности официальной статистической информации о населении и развитии демографических процессов. Разрабатывать анкеты для поведения мониторинговых исследований социально-демографически групп, домохозяйств и трудовых коллективов. Определять критерии формирования выборки для проведения социально-демографически исследований населения. Классифицировать и обобщать результаты мониторинговых исследований, выявлять состояние демографической ситуаций и пр.	Разработка инструментария мониторинговых исследований социально-демографических групп, домохозяйств, трудовых коллективов. Разработка системы показателей для формирования без данных в области демографии на основе современных цифровых технологий. Проведение мониторинговых исследований социально-демографических групп, домохозяйств, трудовых коллективов и пр.

Таблица 3 – Требования к демографу седьмого уровня квалификации
Table 3 – Requirements for a demographer of the seventh level of qualification

Требования: высшее образование (специалитет, магистратура) и дополнительно повышение квалификации в области демографии		
Опыт: не менее одного года в области аналитического обеспечения стратегий и программ государственных и коммерчески организаций		
Необходимые знания	Необходимые умения	Трудовые действия
Специфика экспертной деятельности в области демографии. Методы прикладной демографии в анализе бизнес-стратегий. Система прогнозирования демографического развития. Механизмы определения приоритетов долгосрочного демографического развития и пр.	Организовывать и проводить экспертизу инициатив и проектов в области демографического развития. Анализировать требования к экспертизе с точки зрения критериев качества, определяемых выбранными подходами и пр.	Проведения экспертизы программ и проектов законодательных, стратегически концептуальных документов в областях, влияющих на демографическое развитие. Экспертная оценка управленческих решений в сфере социально-экономического развития с учетом демографических факторов. Оценка результативности стратегий демографического развития пр.

Источник: Об утверждении профессионального стандарта «Демограф»: Приказ Минтруда России от 08.06.2022 № 346н. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368>.

При составлении оценочных средств эксперт должен руководствоваться рядом правил. Среди наиболее важных правил для составления теста хотелось бы отметить следующие.

1) Тестовые задания должны быть направлены на развитие, углубление освоенной компетенции.

2) Оценочное задание должно содержать деятельностный компонент на основе проецирования модельной ситуации, ориентированной на профессиональную деятельность.

3) Около каждого тестового задания следует указывать раскрываемую им компетенцию.

4) Не рекомендуется использовать много однотипных тестовых заданий (например, с выбором одного правильного ответа).

5) Тест должен иметь инструкцию, которая должна содержать правила: что должен сделать тестируемый (как записать ответ, куда записать ответ, словом или цифрой записать и т.д.).

Оценочные средства для демографа шестого уровня квалификации должны определить уровень его знаний нормативных актов в области демографического развития, индикаторов и факторов демографического развития. Они должны выявить его умения разрабатывать анкеты для поведения мониторинговых исследований социально-демографически групп, домохозяйств и трудовых коллективов. Оценочные задания должны раскрыть, может ли аттестуемый, претендующий на демографа шестой квалификации, разрабатывать систему показателей для формирования без данных в области демографии на основе современных цифровых технологий.

Оценочные средства для демографа седьмого уровня квалификации должны выявлять уровень его знаний методов прикладной демографии в анализе бизнес-стратегий и системы прогнозирования демографического развития; выявлять его умения организовывать и проводить экспертизу инициатив и проектов в обла-

Таблица 4 – Матрица компетенций федерального эксперта в области демографии
Table 4 – Competence matrix of the federal expert in the field of demography

Требования: высшее образование, ученая степень, опыт работы по соответствующему виду профессиональной деятельности не менее 5 лет, действующее удостоверение о повышении квалификации по программам: «Подготовка экспертов ЦОК, ЭЦ, ЭП» или «Независимая оценка квалификации»		
Знает	Умеет	Владеет навыками
Требования законодательства в области независимой оценки квалификации; требования соответствующих профессиональных стандартов; способы и процедуры оценки квалификации, порядок оформления результатов экзамена; требования к составлению и содержанию оценочных средств; регламент проведения оценки; требования материально-технического обеспечения проведения профессионального экзамена	Подбирать нормативные и правовые документы, которые необходимо использовать при подготовке комплекта оценочных средств; проводить теоретический этап профессионального экзамена; проводить второй, практический, этап экзамена; подготавливать оценочные средства и составлять задания для определения квалификации демографа; обрабатывать результаты экзамена	В заявленной деятельности эксперта (в области демографии); в работе с ПК и современных информационно-телекоммуникационных технологий; составления оценочных средств; оценки квалификации кандидата; подготовки и проведения экзамена

сти демографического развития. Оценочные задания должны показать, может ли кандидат, претендующий на демографа седьмой квалификации, на должном уровне осуществлять проведение экспертизы программ и проектов законодательных, стратегически концептуальных документов в областях, влияющих на демографическое развитие территории.

Авторами была изучена процедура подготовки экспертов по независимой оценке квалификации демографа. Выявлено, что в ходе обучения экспертов по программе «Подготовка экспертов центров оценки квалификаций и экзаменационных центров в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения» ими был изучен следующий перечень вопросов:

- нормативные и правовые документы, которые необходимо использовать при подготовке комплекта оценочных средств;
- требования к теоретическому и практическому этапам проведения профессионального экзамена;
- правила по подготовке оценочных средств и составлению заданий для определения квалификации демографа;
- особенности материально-технического обеспечения проведения профессионального экзамена;
- правила обработки результатов экзамена и принятия решения о выдаче удостоверения.

В результате обучения по направлению «Подготовка экспертов центров оценки квалификации и экзаменационных центров в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения» все обучающиеся получили удостоверения о повышении квалификации. А за-

тем, задав весь необходимый перечень документов (удостоверение по программе обучение на экспертов и трудовую книжку, подтверждающую опыт в нужной области деятельности) в Совет по профессиональной квалификации в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения, обучающиеся получили сертификат эксперта по независимой оценке квалификации демографа. Получение этого сертификата дает экспертам право принимать участие в работе экспертной комиссии по независимой оценке квалификации в форме профессионального экзамена при подтверждении соответствия квалификации соискателей в демографы.

На основании исследования кандидатов в федеральные эксперты в сфере демографии по уровню образования, ученой степени, званию, публикационной активности, активности участия в научных и практических мероприятиях, полу, возрасту, авторами составлен портрет современного эксперта по независимой оценке квалификации демографа. Портрет федерального эксперта в области демографии включает следующие основные элементы:

- имеет высшее образование (чаще всего социологическое или экономическое);
- имеет ученую степень (канд. или д-р наук);
- знает требования современного законодательства в вопросах демографии;
- знает теоретические и практические основы демографии как науки;
- имеет опыт работы по соответствующему виду профессиональной деятельности не менее пяти лет;
- активно участвует на протяжении послед-

них пяти лет в научных конференциях по вопросам демографии;

- активно занимается научной и исследовательской деятельностью по демографическим проблемам;
- имеет значимые научные публикации в области демографии;
- занимает руководящую должность или планирует карьерный рост в данном направлении;
- индекс Хирша более 10;
- обладает активной жизненной позицией.

Важно выделить компетенции федерального эксперта [10]. Авторами предложена матрица компетенций федерального эксперта в области демографии, которая включает в себя требования к его образованию, ученному званию, опыту работы по профилю, повышению квалификации, а также требования к его знаниям, умениям и навыкам (таблица 4).

В настоящее время все федеральные и региональные проекты и программы разрабатываются с учетом анализа демографической ситуации на конкретной территории [17; 18]. Эффективность реализации государственных программ напрямую зависит от проведенного комплексного анализа демографической ситуации в регионе и прогнозных показателей ее развития [19]. В современной России государственные органы столкнулись с проблемой дефицита квалифицированных специалистов [20; 21]. Подготовка экспертов в области демографии поможет решить возникший кадровый вопрос и является важным элементом системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем. От эффективности их работы зависит качество разработки и реализации проектов по сбережению народа России и развитию человеческого потенциала. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Ростовская Т. К., Шавунова А. А., Давлетшина Л. А.** Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 2. С. 55-72. EDN **LUBLQN**.

2. **Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Давлетшина Л. А.** Актуальные проблемы демографии и подготовки демографов в Туве // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 4. С. 146-168. EDN **KOXQFF**.

3. **Царегородцев Ю. Н., Башина О. Э., Карманов М. В.** Образование как основа формирования человеческого потенциала и человеческого капитала // *Социальная политика и социальное партнерство*. 2019. № 1. С. 12-20. EDN **VRLDVG**.

4. **Сюпова М. С.** Демографическая политика: опыт зарубежных стран // *Ученые заметки ТОГУ*. 2018. Т. 9, № 1. С. 272-278. EDN **UQVDDG**.

5. **Ярных Э. А., Агентова Г. В., Давлетшина Л. А.** Перспективы развития образовательной системы в России // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2021. Т. 18, № 3 (117). С. 44-55. EDN **IKINAZ**.

6. **Голенкова З. Т., Кошарная Г. Б., Кошарный В. П.** Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // *Интеграция образования*. 2018. Т. 22, № 2 (91). С. 262-273. EDN **XROLOX**.

7. **Хеннер Е. К.** Профессиональные знания и

профессиональные компетенции в высшем образовании // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 2. С. 9-31. EDN **NSHCCH**.

8. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / под ред. Т. К. Ростовской, А. А. Шавуновой. М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 220 с. EDN **URJOYC**.

9. **Рычихина Н. С., Зорик Ю. С.** Комплексная методика анализа карьерного роста и социальной мобильности сотрудников организации // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение к журналу*. 2019. № 1 (57). С. 68-75. EDN **SUNIKH**.

10. **Рычихина Н. С., Коробова О. О., Евдокимова О. В.** Компетентностный подход к построению карьеры HR-специалиста в компании // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2022. № 1 (51). С. 62-72. EDN **VXDOAL**.

11. **Ростовская Т. К., Золотарева О. А.** Профессиональный стандарт «демограф» как фактор формирования новой модели кадрового потенциала // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9, № 2 (34). С. 82-95. EDN **FKORYU**.

12. **Волошина И. А.** Профессиональные стандарты - инструмент обеспечения качества персонала // *Дополнительное профессиональное*

образование в стране и мире. 2017. № 4 (34). С. 1-8. EDN YLLLYA.

13. **КОРОЛЕВА Н. Н., ШЛЯХОВАЯ Е. В.** Разработка профессиональных стандартов руководителя и научного руководителя научной организации // *Управление наукой и наукометрия*. 2021. Т. 16, № 1. С. 47-78. EDN FSQCNU.

14. **СИЗИКОВА В. В., АНИКЕЕВА О. А.** Моделирование профессиональных стандартов специалистов социальной сферы как основа преобразования социальной практики // *Сервис в России и за рубежом*. 2016. Т. 10, № 8 (69). С. 105-119. EDN VIVVIC.

15. **ТРОЯНСКАЯ М. А.** Использование профессиональных стандартов на муниципальной службе // *Вестник Академии знаний*. 2021. № 42 (1). С. 273-279. EDN JCNPSR.

16. **БЕДРИНА Е. Б., ЧЕРНОВА К. В.** Профессиональные стандарты как основа развития и совершенствования знаний в области демографии // *Human Progress*. 2021. Т. 7, № 3. С. 5. EDN ORUGXV.

17. **ЧУМАКОВ М. В., ЕЛИЗАРОВА А. А., БЕРЕНДЕЕВА А. Б.** Анализ эффективности и рисков в реализации государственных программ, проектов, стратегий в регионах России // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2021. № 2 (66). С. 65-75. EDN FZBBEX.

18. **ШИРОКОВА Е. Ю.** Повышение эффективности стратегического планирования как фактор успешности федеральной региональной политики // *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки*. 2019. № 4 (22). С. 76-87. EDN EIBYRV.

19. **ФЕДЧЕНКО Е. А., БУРЯКОВА А. О.** Оценка эффективности государственных программ // *Вестник университета*. 2020. № 12. С. 76-86. EDN LBILOO.

20. **АНТРОПОВА Ю. Ю., БАННЫХ Г. А., ВАСИЛЬЕВА Е. И., ВОРОНИНА Л. И., ЗЕРЧАНИНОВА Т. Е., КОСТИНА С. Н., РУЧКИН А. В.** Современные кадровые технологии на государственной гражданской службе / под ред. Ю. Ю. Антроповой, Л. И. Ворониной. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2015. 172 с. EDN UWNZVB.

21. **НАЗАРОВА С. П.** Институт государственной службы в Российской Федерации: современное состояние и перспективы : автореф. дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / Назарова Светлана Петровна. Ростов н/Д, 2011. 27 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/rsl01004855903>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (заместитель директора по научной работе; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); Российский университет дружбы народов (профессор экономического факультета; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); rostovskaya.tamara@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 767943, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Рычихина Наталья Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент; Ивановский государственный университет (доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом; 153025, Россия, Иваново, ул. Ермака, 39); richihina@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 612314, ORCID: 0000-0001-9872-424X, ScopusID: 57218823088.

Статья получена: 27.02.2023. Заключение рецензента: 07.03.2023. Принята к печати: 27.03.2023.

DEVELOPING A SYSTEM FOR TRAINING DEMOGRAPHERS FOR COMPREHENSIVE SOLUTION OF DEMOGRAPHIC PROBLEMS

Rostovskaya T. K.^{ab}, Rychikhina N. S.^c

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

^b RUDN University

^c Ivanovo State University

ABSTRACT:

The importance of developing a system for training demographers for a comprehensive solution of demographic problems has been updated. In its framework, 5 main blocks have been identified. They are: identification of the need for demographers and a list of tasks they solve; training of demographers in higher educational institutions; re-training for demographers to improve the quality of their work and career growth; federal experts training to provide independent assessment in the field of demography; providing enterprises and organizations, federal and municipal authorities with qualified demographers and their timely re-training. The role of federal experts in independent assessment in the field of demography in the system of training specialists for a comprehensive solution of demographic problems in society is determined. The quality of the expert's work in the future will determine which demographic specialists will advise and conduct an examination of socially significant national and regional projects for saving people and leveling the demographic imbalance. The institutional basis for the training of federal experts in demography is considered. The expert must know the requirements of the legislation in the field of independent assessment of qualifications and regulatory support in the declared activity of the "Demograph", as well as conduct an exam in accordance with the established regulations. When preparing for an exam for each skill level of a demographer, an expert should be able to compile a list of assessment tools that allow assessing the necessary knowledge, skills and labor actions of an applicant for confirming a qualification level. Based on the author's study of candidates for federal experts in the field of demography by level of education, academic degree, rank, publication activity, initiative to participate in scientific and practical events, gender, age, the authors compiled a portrait of a modern expert in independent assessment of the demographer's qualifications. A competency matrix of a federal expert in the field of demography is proposed.

KEYWORDS: federal expert, demographer, independent assessment of qualifications, competencies.

FOR CITATION: Rostovskaya, T. K., & Rychikhina, N. S. (2023). Developing a system for training demographers for comprehensive solution of demographic problems. *Management Issues*, 17(2), 21–32. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-21-32>.

REFERENCES

1. ROSTOVSKAYA, T. K., SHABUNOVA, A. A., & DAVLETSHINA, L. A. (2022). Demographic education in modern Russia: Mismatch between the needs and opportunities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 55–72. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.4>.
2. RYAZANTSEV, S. V., ROSTOVSKAYA, T. K., & DAVLETSHINA, L. A. (2022). Current issues of demography and training of demographers in Tuva. *The New Research of Tuva*, (4), 146–168. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12>.
3. TSAREGORODTSEV, YU. N., BASHINA, O. E., & KARMANOV, M. V. (2019). Education as basis of forming of human potential and human capital. *Social policy and social partnership*, (1), 12–20. <https://elibrary.ru/vrldvg>.
4. SYUROVA, M. S. (2018). Population policy: The experience of foreign countries. *Scientific notes of PNU*, 9(1), 272–278. <https://elibrary.ru/uqvddg>.
5. YARNYKH, E. A., AGENTOVA, G. V., & DAVLETSHINA, L. A. (2021). Development prospects of education system in Russia. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 18(3), 44–55. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-3-44-55>.

6. GOLENKOVA, Z. T., KOSHARNAYA, G. B., & KOSHARNYY, V. P. (2018). Influence of education on improved competitiveness of employees in the labour market. *Integration of Education*, 22(2), 262–273. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.091.022.201802.262-273>.

7. KHENNER, E. K. (2018). Professional knowledge and professional competencies in higher education. *Education and Science Journal*, 20(2), 9–31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-9-31>.

8. ROSTOVSKAYA, T. K., & SHABUNOVA, A. A. (Eds.). (2022). *Demographic well-being of Russian regions. National population report 2022*. Publishing and Trade House "PERSPEKTIVA". <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022>.

9. RYCHIKHINA, N. S., & ZORIK, YU. S. (2019). Complex technique of the analysis of career development and social mobility of staff of the organization. *Modern science-intensive technologies. Regional supplement*, (1), 68–75. <https://elibrary.ru/syhikh>.

10. RYCHIKHINA, N. S., KOROBOVA, O. O., & EVDOKIMOVA, O. V. (2022). Competence-based approach to building a career of HR-specialist in the company. *Izvestiya of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management*, (1), 62–72. <https://elibrary.ru/vxdoal>.

11. ROSTOVSKAYA, T. K., & ZOLOTAREVA, O. A. (2021). Professional standard “demograph” as a factor of formation of a new human resources model. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 9(2), 82–95. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8106>.

12. VOLOSHINA, I. A. (2017). Professional standards as a tool for ensuring the quality of personnel. *Additional vocational education in the country and the world*, (4), 1–8. <https://elibrary.ru/ylllya>.

13. KOROLEVA, N. N., & SHLYAKHOVAYA, E. V. (2021). Developing professional guidelines for administrators and heads of research at research organisations. *Science Governance and Scientometrics*, 16(1), 47–78. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-1.47-78>.

14. SIZIKOVA, V. V., & ANIKEEVA, O. A. (2016).

Modeling professional standards for experts in social services as a basis for the social practice transformation. *Services in Russia and Abroad*, 10(8), 105–119. <https://elibrary.ru/vivvic>.

15. TROYANSKAYA, M. A. (2021). Use of professional standards in municipal service. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, (42), 273–279. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-10923>.

16. BEDRINA, E. B., & CHERNOVA, K. V. (2021). Professional standards as a basis for development and improvement of knowledge in the field of demography. *Human Progress*, 7(3), p. 5. <https://doi.org/10.34709/IM.173.5>.

17. CHUMAKOV, M. V., ELIZAROVA, A. A., & BERENDEEVA, A. B. (2021). Analysis of efficiency and risks in the implementation of state programs, projects, strategies in the regions of Russia. *Modern science-intensive technologies. Regional supplement*, (2), 65–75. <https://elibrary.ru/fzbbex>.

18. SHIROKOVA, E. YU. (2019). Improving the effectiveness of strategic planning as a factor for the success of federal regional policy. *Vestnik of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs. Series: Economic Sciences*, (4), 76–87. <https://elibrary.ru/eibyrv>.

19. FEDCHENKO, E. A., & BURYAKOVA, A. O. (2020). Assessing the effectiveness of government programs. *Vestnik Universiteta*, (12), 76–86. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-12-76-86>.

20. ANTROPOVA, YU. YU., BANNYKH, G. A., VASILEVA, E. I., VORONINA, L. I., ZERCHANINOVA, T. E., KOSTINA, S. N., & RUCHKIN, A. V. (2015). *Modern personnel technologies in the civil service*. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. <https://elibrary.ru/uwnszb>.

21. NAZAROVA, S. P. (2011). Institute of public service in the Russian Federation: Current state and prospects (Publication No. 01004855903) [Abstract of Ph.D. thesis]. Russian State Library. <https://viewer.rsl.ru/rsl01004855903>.

AUTHORS' INFORMATION:

Tamara K. Rostovskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (deputy director for research; 6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); RUDN University (professor of the faculty of economics; 6, Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia); rostovskaya.tamara@mail.ru. RSCI AuthorID: 767943, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Natal'ya S. Rychikhina – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ivanovo State University (associate professor of the department of sociology, social work and human resources management 39, Ermak St., Ivanovo, 153025, Russia); richihina@mail.ru. RSCI AuthorID: 612314, ORCID: 0000-0001-9872-424X, ScopusID: 57218823088.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Великая Н. М.^а, Гребняк О. В.^а

^а Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье рассматриваются некоторые тенденции воспроизводства человеческого потенциала в Российской Федерации в контексте дигитализации общественной жизни, что сопровождается ускорением распространения информации, изменением структуры рынка труда и формированием экономики знаний, что требует от граждан владения новыми навыками и расширения практик взаимодействия с цифровой средой.

Материалы и методы. Опираясь на данные актуальной статистики и результаты конкретных социологических исследований, авторы анализируют специфику использования цифровых технологий россиянами и отношение общества к цифровизации.

Результаты. Подчеркивая быстрые темпы развития Интернета и цифровых технологий в российском обществе, которые в целом соответствуют общемировым трендам, авторы отмечают, что рост цифровой грамотности связан главным образом с сокращением доли граждан с начальным уровнем цифровой грамотности. Неравномерный характер распространения цифровых технологий в разных сферах жизнедеятельности проявляется в том, что максимально быстрыми темпами осваиваются цифровые навыки в области повседневной жизни, быта, общения; благодаря усилиям государства в последние годы активно осуществляется цифровизация сферы образования. Напротив, использование цифровых технологий в политической жизни минимально. В целом, российские граждане, скорее, позитивно оценивают процесс цифровизации и в большинстве ожидают позитивных сдвигов как в экономической, так и в культурной сферах, рассчитывая на повышение уровня и качества жизни. В качестве негативных последствий цифровизации россиянами называются разрушение нравственности и моральной деградации, навязывание стандартов и ценностей массового потребления, деградация природы.

Выводы. Отдельно обращается внимание на то, что за последние десятилетия Россия теряет свое лидерство в сфере человеческого капитала и в ряде международных рейтингов спускается на низкие позиции. В частности, снижаются такие важнейшие составляющие человеческого капитала, как демографические показатели и образовательные, что диктует необходимость корректировки государственной политики в области демографического развития и образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человеческий капитал, человеческий потенциал, цифровая трансформация, цифровизация образования, стратегия развития, цифровая экономика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Великая Н. М., Гребняк О. В. Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 33-44. EDN XWSLDJ. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-33-44.

■ ВВЕДЕНИЕ

Текущие геополитические тенденции актуализируют и требуют ускоренного достижения целей, поставленных в Стратегии научно-технического развития РФ в отношении обеспечения «независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации»¹. В свою очередь качество интеллектуального потенциала предполагает формирование среды для развития человеческого капитала страны в целом, где обеспечивается возможность интеллектуальной деятельности по производству новых идей и их реализации в конструкторских, проектных и других разработках.

Хотя в научном дискурсе термин «человеческий капитал» используется с конца 50-х годов XX века, в политический язык он вошел после того, как Теодор Шульц, лауреат Нобелевской премии 1979 года, на основе статистических методов убедительно показал, что инвестиции в человеческий капитал (*human capital*) в США являются более доходными, чем инвестиции в ценные бумаги. В своих работах он выделил основные направления инвестиций в человеческий капитал: образование, науку, медицину и профессиональную квалификацию, подчеркивая максимальную эффективность первых двух направлений. Более фундаментальный взгляд предложил в 1991 году М. М. Критский, отметив, что человеческий капитал исходно выступает как всеобщая форма жизнедеятельности, осуществляющаяся как итог исторического движения человеческого общества к его современному состоянию².

В дальнейшем, анализируя процессы смены технологических укладов и типов общества, Ю. А. Корчагин показал, что рост и развитие человеческого капитала являются «главными факторами генерации инновационных волн развития и цикличного развития мировой экономики и общества» [1]. Инновационные волны, согласно этой концепции, представляют собой волны накопленного знания, что делает

человеческий капитал ключевым фактором формирования экономики знаний. То есть в основу успешного экономического развития ставится человек с его знаниями и способностями. Это диктует необходимость разработки и осуществления при переходе к новому, шестому технологическому укладу соответствующей государственной политики, призванной сформировать и обеспечить эффективное развитие так называемого «обучающегося общества» (*learning society*). Теория человеческого капитала, по мнению А. Ткаченко, связана непосредственно с новым понятием «информационного общества», которое нуждается в работниках, приобретающих целый ряд навыков и постоянно адаптирующих эти навыки, а также лежит в основе «экономики обучения» (*learning economics*) [2]. С другой исходной точки, не от экономической результативности, но в целом от изучения демографических показателей отталкивалась в своих работах Н. М. Римашевская при постановке и структурировании проблем повышения человеческого потенциала [3].

Мы разделяем позицию тех ученых, которые считают, что простого развития технологий недостаточно, чтобы стимулировать цифровую трансформацию [4]. Именно люди, человеческий капитал являются наиболее важным фактором для успешного цифрового преобразования. В то же время цифровая трансформация дает толчок к развитию и раскрытию человеческого потенциала. Подчеркнем, что рост интереса государства и бизнеса к наращиванию человеческого капитала встречает барьеры в виде фактического недостатка подготовленных работников, что формирует спрос на общекультурные, универсальные и профессиональные цифровые компетенции, знания, умения и практические навыки [5].

При этом технологии способствуют тому, что увеличивается рост скорости передачи информации, в жизнь человека активно внедряются программные устройства, применяются технологии 3D-печати, *BigData*. Это способствует изменению уклада жизни, структуры большинства связей экономики, перестройке рынка труда, где снижается удельный вес рутинных операций, но актуализируются новые цифровые навыки. С развитием цифры появились новые требования к подготовительной системе человеческого капитала, в первую очередь, к образованию [6].

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 (в редакции Указа Президента РФ от 15.03.2021 № 143) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 27.01.2023).

² Критский М. М. Человеческий капитал. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. 117 с.

Охватывающее на текущий момент большую часть страны и достигающее в последние годы отдалённых и малых населённых пунктов страны развитие сети широкополосного Интернета повышает и повсеместную возможность доступа к цифровым достижениям последних лет. Потребность в наращивании человеческого капитала, развитии его потенциала вкупе с продолжающимся старением населения задаёт чёткий вектор на внедрение в повседневное использование новейших технологий медицинского и образовательного назначения для максимального усиления умственных и физических возможностей человека.

В рамках данной статьи мы пытаемся проанализировать и выявить, в какой мере использование цифровых технологий в разных сферах жизни меняет повседневные социальные практики российских граждан, ведущие к повышению человеческого капитала на текущий момент, а также к дальнейшему развитию человеческого потенциала, оценить влияние текущей инновационной политики государства, проводимой в целях перехода к новому технологическому укладу, на общее место России в структуре глобальной экономики знаний.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Анализ строится на результатах социологических исследований, проводимых Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, в частности, исследования «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»³, а также данных 52-ого (2022 г.)⁴, 51-ого (2021 г.) и более ранних этапов ежегодного мониторинга «Как живёшь, Россия?», проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–

1866 респондентов. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением.

Также в качестве элемента эмпирической базы статьи были использованы открытые статистические данные, отечественные исследования и индексы международных рейтингов в области цифровизации.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассматривая условия для развития человеческого потенциала в современной российской реальности, подчеркнем, что Интернет и цифровые технологии развиваются в России столь же стремительно, как и во всем мире. Аудитория интернет-пользователей страны, согласно *Digital 2023 Global Overview Report*, составляет 88,2 % от всего населения России⁵. По оценке исследовательской компании *Statista*, Российская Федерация входит в первую десятку стран мира (6 место) по объему интернет-аудитории, насчитывающей в 2022 году 129,8 млн человек⁶.

Отставание при рассмотрении характеристик отмечается на текущий момент разве что в скорости мобильного Интернета: измерения в ноябре 2022 года показали среднюю скорость мобильного Интернета 21,73 Мб/с при среднем показателе в 33,97 Мб/с⁵. Причина объясняется постоянным ростом трафика, вызванным динамичным развитием сетей мобильной связи в рамках программы ликвидации цифрового неравенства в сочетании с отсутствием возможностей для опережающей модернизации этих сетей по ряду причин, среди которых можно выделить и санкционные меры [7].

Общий уровень цифровой грамотности российских граждан в целом растет, в мае 2022 года он составил 64 пункта из 100 возможных

³ Исследования по проекту проведены при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31142 опп. Объем выборочной совокупности составил 1 800 респондентов. Опрос населения проведен в мае-июне 2019 г. в 22 субъектах Российской Федерации.

⁴ Исследования 52 этапа проведены при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00013 а. Объем выборочной совокупности – 1700 респондентов. Опрос населения проведен в мае 2022 г. в 21 субъекте Российской Федерации.

⁵ Digital 2023 Global Overview Report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 27.01.2023).

⁶ Countries with the largest digital populations in the world. URL: <https://www.statista.com/statistics/262966/number-of-internet-users-in-selected-countries/> (дата обращения: 27.01.2023).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов о том, какими цифровыми информационными технологиями и услугами они пользуются в повседневной и общественно-политической жизни (РФ, июнь 2021, $N = 1\ 609$, % от числа опрошенных) [8, с. 47]

Table 1 – Distribution of respondents' answers about what digital information technologies and services they personally use in their daily and socio-political life (Russia, June 2021, $N = 1\ 609$, % of respondents) [8, p. 47]

Варианты ответов	Доля, %
Пользуюсь банковской картой при оплате товаров и услуг в магазинах, аптеках, учреждениях сферы обслуживания, банках и т.п.	68
Использую Интернет для досуга, отдыха и развлечений	62
Использую Интернет для общения и видеосвязи с членами семьи, знакомыми и друзьями	61
Использую современные цифровые услуги в банковской сфере: онлайн-банк, мобильный банк, виртуальная карта	51
Пользуюсь Интернетом для работы, учебы и дополнительного образования	49
Пользуюсь интернет-порталами государственных, муниципальных, образовательных, лечебных услуг, для обращений, жалоб, получения информации, документов, справок, записи на приём и т.п.	34
Пользуюсь или собираюсь воспользоваться возможностями дистанционного электронного голосования на выборах органов власти и Президента РФ	8
Участвую в интернет-дискуссиях по общественным и политическим проблемам, обсуждаю в социальных сетях события, положение дел в нашей стране и по месту жительства	7
Практически не пользуюсь услугами Интернета и цифровыми технологиями	10

(в 2021 г. – 58 пунктов)⁷. Правда, записывать этот успех «в копилку» развития человеческого потенциала было бы преждевременно: рост обеспечивается преимущественно за счет сокращения доли граждан с начальным уровнем цифровой грамотности (2020 г. – 7 %, 2021 г. – 4 %, 2022 г. – 3 %). При этом значимого роста числа граждан с базовым уровнем компетенций не отмечается, а доля обладателей продвинутого уровня уже несколько лет находится в стагнации.

Собственные исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН также демонстрируют тенденцию к росту интереса и пользовательской активности в отношении современных технологий и предлагаемых ими услуг, при этом новыми возможностями выражения гражданской позиции, взаимодействия с органами власти любых уровней развиты слабее (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, наиболее востребованы среди россиян финансовые, развлекательные услуги, а также средства коммуникации. Современными технологиями мобильного банкинга и банковской картой без материального носителя пользуется 51 % опрошенных. Говоря о характеристиках и потенциале этой группы, отметим, что подавляющее большинство ее проживает в городах, более половины имеют высшее образование и относятся к гражданам моложе 40 лет [9, с. 125].

⁷ Уровень цифровой грамотности в России и Беларуси // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-v-rossii-i-belarusi/> (дата обращения: 27.01.2023).

Чуть реже опрошенные в рамках мониторинга россияне пользуются Интернетом для работы и учёбы (49 %), в том числе, в области основного и дополнительного образования. Между тем успехи и конкурентоспособность современных государств предполагают эффективное использование человеческого капитала [10], важнейшим компонентом которого является интеллектуальный потенциал, который и определяет содержание и структуру современной экономики, где источником экономического роста становится производство знаний. Закономерно, что национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» регламентирует, кроме прочего, и мероприятия по цифровизации сферы образования⁸. В частности, программа предусматривает обновление в образовательных организациях материально-технической базы, развитие цифровой среды для взаимодействия (в том числе в формате «peer-to-peer»), платформ для проведения онлайн-занятий и многие другие мероприятия. Кроме того, в настоящее время создан портал «Современная цифровая образовательная среда в РФ» (СЦОС), который пока находится в режиме опытной эксплуатации⁹. Реализация образовательных программ в дистанционном

⁸ Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» // Официальный сайт правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF51ZYfTvOAG.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

⁹ Современная цифровая образовательная среда в РФ. URL: <https://online.edu.ru/public/promo> (дата обращения: 27.01.2022).

Таблица 2 – Распределение мнений респондентов о том, к каким результатам приводит внедрение в нашу жизнь цифровых технологий (РФ, % от числа опрошенных) [11, с. 39; 12, с. 64]**Table 2** – Distribution of respondents' opinions on what results of the results of the introduction of digital technology into our lives (Russia, % of respondents) [11, p. 39; 12, p. 64]

Варианты ответов	2020, XII	2022, V
К повышению уровня качества жизни всех граждан страны	50	61
К снижению уровня качества жизни, увеличению количества бедных граждан	19	12
Затруднились ответить	31	27
К участию граждан в управлении обществом и государством	27	42
К снижению уровня прав, свобод и безопасности граждан	26	27
Затруднились ответить	47	31
К укреплению суверенитета и безопасности страны	23	42
К ослаблению суверенитета и к росту зависимости извне	26	27
Затруднились ответить	51	31
К расширению свободного доступа к мировому культурному наследию, научному знанию и сохранению природы	44	48
К навязыванию стандартов и ценностей массового потребления товаров и услуг, к деградации природы	32	30
Затруднились ответить	24	22
К здоровому образу жизни и укреплению нравственности	23	31
К разрушению нравственности и моральной деградации	34	35
Затруднились ответить	43	34

формате является логичной траекторией в современном информационном обществе, позволяет активно использовать телекоммуникационные технологии и возможности сети Интернет, что отражается на современной политике в области образования¹⁰.

Довольно успешно идет освоение цифровых навыков в сфере организации быта и жизнедеятельности. Так, треть наших респондентов (34 %) используют значимый для формирования цифрового государства элемент – специализированные порталы для записи, оформления справок, информирования и пр.

На этом фоне совсем незначительной выглядит доля респондентов, проявляющих при помощи современных технологий свою активную гражданскую позицию. Использование возможностей дистанционного голосования, а также участие в интернет-дискуссиях по социально значимым и политическим проблемам отметили лишь 8 % и 7 % респондентов соответственно. Остается вероятность, что эти показатели в ближайшем будущем повысятся, основанием для этого может служить существенно возрос-

шее к 2022 году мнение российских граждан о значимой роли цифровых технологий для участия граждан в управлении обществом и государством (см. табл. 2).

Изучение оценки гражданами последствий практической реализации цифровых технологий с разных сторон нашей жизни первоначально было осложнено высоким процентом затруднившихся ответить граждан. По ряду вопросов затруднялись ответить около половины респондентов. За два года уровень знаний в цифровой сфере вырос, что помогло части респондентов определиться с позицией. Отметим, что за счёт сокращения доли ранее неопределившихся граждан исследование 2022 года показало укрепление положительного отношения к последствиям «цифры».

Однозначно укрепилась (+11 п.п.) позиция граждан, уверенных в росте уровня качества жизни под влиянием «цифры» – 61 %, сократилось и число сторонников противоположного мнения (–7 п.п.; 12%). Отношение к влиянию в культурной сфере развивается аналогичным образом, сторонники позиции расширения свободного доступа к мировому культурному наследию (+4 п.п. к 2020) насчитывают 48 %. По мнению 30 %, стоит ожидать, скорее, навязывания стандартов и ценностей массового потребления товаров и услуг и деградации природы

¹⁰ О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»: Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74822854/> (дата обращения: 27.01.2022).

(–2 п.п.; 30%). Заметим, что отмеченный респондентами доступ к мировым научным и культурным достижениям не планируется подвергать «политике отмены» под влиянием недружественных международных взаимоотношений, что в очередной раз было отмечено Президентом В. В. Путиным в начале 2023 года¹¹. Это способно сыграть свою положительную роль в процессе наращивания знаний в рамках общего развития человеческого потенциала.

Почти поровну разделилось мнение по поводу здоровья и нравственности. Внедрение цифровых технологий ведет «к здоровому образу жизни и укреплению нравственности», считают 31 % опрошенных (+8 п.п. к 2020 году). «К разрушению нравственности и моральной деградации», – уверены 35 % (+1 п.п. к 2020 году). И еще 34 % опрошенных затруднились с ответом (–9 п.п.).

Высказывания, связанные с возможностями государственного управления, получили больший прирост положительно настроенных респондентов, но выросло и число «пессимистов». Считают, что цифровизация приведет к укреплению суверенитета и безопасности страны – 42% (+19 п.п. к 2020 году). В свою очередь ослабления суверенитета и роста зависимости извне ожидают 27 % (+1 п.п.). По мнению еще 42 % респондентов, цифровизация приведет к участию граждан в управлении обществом и государством (+15 п.п.), а по мнению 27,4 %, – «цифра» ведет к снижению уровня обеспечения прав, свобод и безопасности граждан.

Анализируя социально-демографические характеристики респондентов, можно отметить ряд гендерных различий. Так, женщины менее мужчин склонны считать цифровые технологии угрозой правам, свободам и безопасности граждан, а также государственному суверенитету и независимости. Однако доля женщин, опасющихся разрушения нравственности и моральной деградации под влиянием «цифры», больше, чем доля мужчин [13, с. 321].

■ ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Приведённые данные по уровню проникновения Интернета и внедрению современных технологий дают основания полагать, что уровень

технологической оснащенности и цифровой грамотности допускает активную включенность российских граждан в социальные практики, предусматривающие не только получение дополнительных услуг, возможностей для образования и работы, но и участие в разного рода социальной активности, от волонтерской деятельности до политических дебатов, что в конечном счете работает в пользу развития человеческого потенциала.

Однако подавляющее большинство социально-экономических процессов, связанных с цифровой трансформацией экономики и общества, развивается стихийно, опережая возможности государственного управления в своевременной их фиксации и регулировании.

Исходя из понимания взаимосвязи успешной цифровизации общества и человеческого и интеллектуального капитала, рассмотрим его показатели в соответствии с некоторыми международными методиками оценки, что позволяет анализировать состояние, динамику и перспективы развития интеллектуального потенциала. Неслучайно показатели его состояния включаются в глобальные рейтинги конкурентоспособности стран, эффективности экономики, рейтинги инновационного развития или экономики знаний. Широко используются при рассмотрении развития интеллектуального потенциала рейтинги, основанные на ранжировании уровня и качества образования, где наиболее цитируемым остается образовательный индекс (*Education index*), формируемый ООН, который отражает реальную совокупную долю учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образование и ожидаемую продолжительность обучения. Эти показатели включены в Индекс человеческого развития (до 2013 года – Индекс развития человеческого потенциала; *Human Development Index*), который рассчитывается экспертами ООН в рамках Программы развития ООН, и строится на учете следующих показателей: ожидаемая предстоящая продолжительность жизни при рождении для обоих полов; совокупный валовой коэффициент поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения; уровень грамотности взрослого населения (основные показатели образованности); ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США (индикатор материального благосостояния). Индекс пу-

¹¹ Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70394> (дата обращения: 27.01.2023).

бликуется в ежегодном отчете о человеческом развитии, в последние годы все больше делая акцент на проблеме неравенства и разного доступа к сферам образования, здравоохранения, технологиям.

Согласно данным Индекса человеческого развития за 2021–2022 г., в рейтинге из 191 страны, Россия занимает 52 место¹² между Брунеем и Румынией. Лидирует в рейтинге Швейцария, потеснившая на второе место Норвегию, которая занимала первое место на протяжении предыдущих 10 лет.

Всемирный банк в рамках программы «Знания для развития» периодически публикует Индекс экономики знаний (*Knowledge Economy Index*, KEI). Индекс отражает состояние основных составляющих экономики знаний: экономических стимулов и институциональной среды, инновационного потенциала и технологического развития, уровня образования населения и развития ИКТ-инфраструктуры. Индекс используется для выявления уязвимостей научно-технической и инновационной политики, а также для измерения готовности страны перейти к экономике знаний. Обновления индекса последние годы не проводилось, согласно данным за 2012 год, Россия заняла в рейтинге по данному индексу 55-е место со значением Индекса 5,78 пункта¹³. Наибольшее значение Индекса экономики знаний показала Швеция – 9,43 пункта.

Аналогичный рейтинг (*Knowledge Economy Index*) формирует Европейский банк реконструкции и развития (EBRD), используя 38 индикаторов, объединенных в 4 категории: институты для инноваций; инновационные навыки; инновационные системы и информационно-коммуникационная инфраструктура, где Российская Федерация находится на 17 месте¹⁴.

Глобальный инновационный индекс (*Global Innovation Index*) рассчитывается Всемирной организацией интеллектуальной собственности как среднее двух субиндексов – ресурсов инноваций (институты, человеческий капитал

и наука, инфраструктура, уровень развития рынка и бизнеса) и практических результатов инноваций (развитие технологий и экономики знаний, результаты креативной деятельности). Таким образом, Индекс представляет собой соотношение затрат и эффекта, позволяя оценить эффективность усилий по развитию инноваций в той или иной стране. В рейтинге 2022 года Россия занимает 47 место¹⁵, демонстрируя стабильность: в период 2018–2022 гг. Россия неизменно занимает места в диапазоне 45–47, замыкая первую треть рейтинга.

ООН каждые 2 года публикует обзоры эффективности деятельности электронных правительств своих стран-членов с использованием Индекса развития электронного правительства (*E-Government Development Index*) и Индекса электронного участия (*E-Participation Index*). Индекс складывается из трёх слагаемых: представительство органов государственной власти в Интернете, состояние телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала. Согласно этим данным, Российская Федерация входит в число 50 ведущих стран мира, занимая в 2022 году 42 место по уровню развития электронного Правительства. Это относит Россию к числу стран с очень высоким показателем индекса электронного участия, однако следует отметить тенденцию к снижению позиции: в рейтинге 2020 г. Россия занимала 36 место, 2018 г. – 32 место.

Снижение позиции России в рейтингах вызвано рядом объективных обстоятельств, в конечном счёте отнюдь не оптимистично характеризующих состояние и перспективы развития человеческого потенциала населения. Социально-политический контекст вполне проявил себя при рассмотрении использования (см. табл. 1) и отношения (см. табл. 2) граждан к цифровизации государственного управления: новым функционалом пользуются неохотно, нередко открыто выражая недоверие к нему (как это было, например, в ситуации с дистанционным электронным голосованием в 2021 году). И по факту часть высоких показателей проникновения цифровых государственных услуг вынужденная, связанная с тем, что иным путём, «офлайн», эти услуги получить невозможно. Именно социальное на-

¹² Human Development Report 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (дата обращения: 27.01.2023).

¹³ Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index) // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/indeks-ekonomiki-znaniy> (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁴ EBRD Knowledge Economy Index. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html> (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁵ Global Innovation Index 2022. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2022-report> (дата обращения: 27.01.2023).

правление человеческого потенциала зачастую считается ключевым фактором для его реализации, то есть трансформации в капитал [14].

Снижаются и другие характеристики, составляющие в комплексе человеческий потенциал населения, в частности, демографическая. Так, продолжается депопуляция, частично компенсируемая привлечением в страну трудовых мигрантов. Однако их количество и качество не соответствует потребностям инновационного развития российской экономики. Масштабное использование малоквалифицированного и низкооплачиваемого труда мигрантов тормозит процессы модернизации экономики и консервирует отсталость страны [15], неизбежно снижая качество человеческого потенциала, а также грозит экономике страны в недалекой перспективе провалом в количестве квалифицированных специалистов по цифровой трансформации с наработанными навыками *hard & soft skills*. А без соответствующих кадров превратить бизнес или производство в высокотехнологичное невозможно, ведь суть цифровой трансформации предприятия не только в установке условных высокотехнологичных средств производства, но и в управленческой трансформации, вовлеченности работников. По уже полученным результатам можно осознать, что цифровая трансформация способствует снижению издержек, уменьшению времени реакции и адаптации к внешним вызовам, а также увеличению производительности [16].

Максимальной эффективности трудовой составляющей человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации можно добиться лишь при обеспечении постоянного роста высокопроизводительных рабочих мест (что само по себе может вызвать сложности со стороны работодателей) [17]. В ходе цифровой трансформации управления производством/бизнесом необходимо помнить, что трудовая деятельность всё дальше уходит от стандартизации и унификации, всё большее число трудоспособного населения переходит к нестандартным формам занятости: фрилансу, дистанционной или удаленной занятости и т.д. [18; 19]. При этом, как показывают исследования, в большей степени преуспевают компании с гибкой структурой управления: они чаще прибегают к нестандартным типам занятости и имеют в среднем более молодой штат [20].

Старение населения, глобальный рост среднего возраста, вынуждает максимально увеличивать период социальной и экономической активности граждан. Это повышает значимость двух отраслей социальной сферы, первая из которых здравоохранение. Медицина требует значимых вложений для разработки технологий и практик увеличения продолжительности физического и когнитивного здоровья граждан. По оценкам, к 2030 году населения в возрастной группе 18–35 уменьшится на 18,3 %, что приведет к снижению интеллектуального потенциала, в то же время до 30,1 % вырастет доля группы старших возрастов. «Старение населения и уменьшение трудового потенциала усилит несогласованность спроса и предложения рабочей силы по возрастным группам и увеличит дефицит рабочей силы молодых и средних возрастов» [21].

Вторая из указанных отраслей – образование. Пока еще высокий его уровень был сначала подорван жестко критикуемой стратегией на коммерциализацию образования, а также переходом к системе Единого государственного экзамена. Несмотря на определенные преимущества такой системы и безусловно оперативный переход высших учебных заведений на цифровые рельсы, ряд исследований демонстрирует проблематичность получения полноценного фундаментального высшего образования в таких условиях [22].

Цифровизация в данном контексте не может рассматриваться как единственный фактор позитивных процессов воспроизводства и улучшения интеллектуального потенциала и человеческого капитала. С определенных позиций внедрение цифровых технологий способствует углублению неравенства. Так, телемедицина, как и постоянное виртуальное образование, с одной стороны, расширяют доступность медицинской поддержки и образования для всех групп населения. При этом по степени погруженности в потребности пользователя уровень предоставляемых услуг ниже, чем для тех, кому доступно «живое» медицинское и образовательное обслуживание.

Именно здоровое и образованное население способствует максимальному раскрытию человеческого потенциала нации. Переход России на инновационный путь развития требует существенного увеличения вклада трудового по-

тенциала в экономический рост и социальный прогресс. Цифровизация общества способствует развитию человеческого потенциала, но нельзя недооценивать роль государства в этом процессе. Игнорирование негативных тенденций, откладывание решения острых проблем по сохранению и воспроизводству человеческого капитала может иметь катастрофические по-

следствия. Из значимых для развития человеческого потенциала направлений развития на первое место стоит поставить демографию, так как при отсутствии благоприятных условий для расширенного воспроизводства населения меры, направленные, например, на здравоохранение и образование, будут иметь значительно меньший коэффициент полезного действия. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал. Фактор развития или деградации? Воронеж, 2005. 252 с. EDN [QQNBUD](#).
2. **Ткаченко А.** Концепция человеческого капитала и национальная стратегия развития // *Проблемы теории и практики управления*. 2017. № 5. С. 94-105. EDN [WDDIRD](#).
3. **Римашевская Н. М.** Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» // *Российский экономический журнал*. 2004. № 9-10. С. 22-40. EDN [PGKVEN](#).
4. **Мамахатов Т.М., Маллах Д.М.** Влияние фактора цифровизации на формирование и развитие человеческого капитала в развивающихся странах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2022. Т. 30, № 3. С. 317-328. EDN [KEFHRH](#).
5. **Христолюбова Н. Е.** Цифровизация экономики и проблемы соответствия и формирования необходимого уровня человеческого капитала // *The Scientific Heritage*. 2021. № 71-5 (71). С. 24-28. EDN [BSQWJH](#).
6. **Sacca, F., Velikaya, N. M., Voroshilova, S. V., & Fomina, O. Yu.** (2022). Prospects of university education in the context of public life digitalization. In S. Afanasyev, A. Blinov, & S. Belousov (Eds.), *State and Law in the Context of Modern Challenges (SLCMC 2021). European proceedings of social and behavioural sciences* (vol. 122, pp. 515–521). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.01.82>.
7. **Левашов В. К., Гребняк О. В.** Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине // *Социальные и гуманитарные знания*. 2022. Т. 8, № 2 (30). С. 204-213. EDN [KHJIBR](#).
8. **Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А., Гребняк О. В., Новоженина О. П.** Как живешь, Россия? : Бюллетень: Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года : монография /
- под ред. В. К. Левашова. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 68 с. EDN [QWEYSS](#).
9. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году : монография / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. С. 558. EDN [GJTТTK](#).
10. **Zheng, S., Zhang, W., & Du, J.** (2011). Knowledge-based dynamic capabilities and innovation in networked environments. *Journal of Knowledge Management*, 15(6), 1035–1051. <https://doi.org/10.1108/13673271111179352>.
11. **Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А., Гребняк О. В., Новоженина О. П.** Куда идешь, Россия? Экспресс-информация : брошюра. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 47 с. EDN [GGBSEK](#).
12. **Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Гребняк О. В., Новоженина О. П.** Как живешь, Россия? : Бюллетень: Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года : монография / под ред. В. К. Левашова. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. 91 с. EDN [BNJMLL](#).
13. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году : монография / под ред. В. К. Левашова. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. 549 с. EDN [ORTSAQ](#).
14. **Подберезкин А. И.** Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития Рос-

сии // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 2 (17). С. 7-24. EDN [NTTZCL](#).

15. **Красинец Е. С.** Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 1. С. 104-118. EDN [QFTXVF](#).

16. Бокова А. А., **Чукавин И. Ю.**, Юхимец В. И., Александрова В. С., Репьева С. С. Цифровая трансформация как этап совершенствования человеческого капитала // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 6-2. С. 167-171. EDN [TOILSY](#).

17. **Гунина И. А.**, **Логунова И. В.**, **Пестов В. Ю.** Повышение эффективности использования человеческого капитала в условиях цифровой трансформации // *Регион: системы, экономика, управление*. 2019. № 1 (44). С. 18-25. EDN [DYJXPA](#).

18. **Великая Н. М.** Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 2. С. 6-21. EDN [MBVQCF](#).

19. **Волкова А. С.**, **Константинова Д. С.**, **Кудаева М. М.**, **Масалова Ю. А.** Изменение подходов к использованию человеческих ресурсов под воздействием цифровых технологий // *Креативная экономика*. 2020. Т. 14, № 8. С. 1491-1506. EDN [YHWHIC](#).

20. **Завьялова Е.**, **Соколов Д.**, **Кучеров Д.**, **Лисовская А.** Настоящее и будущее цифровых методов управления человеческими ресурсами // *Форсайт*. 2022. Т. 16, № 2. С. 42-51. EDN [USSHZZ](#).

21. **Топилин А. В.** Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89, № 7. С. 736-744. EDN [QOKVIN](#).

22. **Ковалев В. В.**, **Дятлов А. В.**, **Лацвеева А. В.** Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 2. С. 57-69. EDN [GUCHUU](#).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (заместитель директора по научной работе; главный научный сотрудник; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); natalivelikaya@gmail.com. AuthorID РИНЦ: [286986](#), ORCID: [0000-0001-5532-844X](#).

Гребняк Оксана Валерьевна – Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (научный сотрудник; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); oksananov@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: [183639](#), ORCID: [0000-0002-4565-7095](#), ResearcherID: [AAI-8781-2020](#).

Статья получена: 27.02.2023. Заключение рецензента: 01.03.2023. Принята к печати: 17.03.2023.

HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN MODERN RUSSIA

Velikaya N. M.^a, Grebnyak O. V.^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

Introduction. The article examines certain trends in the reproduction of human potential in the Russian Federation in the context of the digitalization of public life, which is accompanied by the accelerated information dissemination, changing structure of the labor market and knowledge economy development, which requires citizens to possess new skills and expand the practices of interaction with the digital environment.

Materials and methods. Based on the data of current statistics and the results of specific sociological studies, the authors analyze the specifics of the use of digital technologies by Russians and the attitude of society to digitalization.

Results. Emphasizing the rapid pace of development of the Internet and digital technologies in Russian society, which generally correspond to global trends, the authors note that the growth of digital literacy is mainly associated with a decrease in the proportion of citizens with an initial level of digital literacy. The uneven nature of the spread of digital technologies in different spheres of life is manifested in the fact that digital skills in the field of everyday life, everyday life, and communication are being mastered at the fastest possible pace; thanks to the efforts of the state, digitalization of the education sector has been actively carried out in recent years. On the contrary, the use of digital technologies in political life is minimal. In general, Russian citizens rather positively assess the process of digitalization and most expect positive changes in both the economic and cultural spheres, hoping for an increase in the level and quality of life. As the negative consequences of digitalization, the Russians perceive the destruction of morality and moral degradation, the imposition of standards and values of mass consumption, and the degradation of nature.

Conclusions. Special attention is drawn to the fact that over the past decades, Russia has been losing its leadership in the field of human capital and has descended to low positions in a number of international ratings. In particular, such important components of human capital as demographic indicators and educational indicators are declining, which dictates the need to adjust state policy in the field of demographic development and education.

KEYWORDS: human capital, human potential, digital transformation, digitalization of education, development strategy, digital economy.

FOR CITATION: Velikaya, N. M., & Grebnyak, O. V. (2023). Human potential development in the context of digital transformation in modern Russia. *Management Issues*, 17(2), 33-44. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-33-44>.

REFERENCES

1. KORCHAGIN, YU. A. (2005). *Russian human capital. Factor of development or degradation?* <https://elibrary.ru/qqnbd>.
2. ТКАЧЕНКО, А. (2017). Human capital concept and national development strategy. *Problems of the theory and practice of management*, (5), 94–105. <https://elibrary.ru/wddird>.
3. RIMASHEVSKAYA, N. M. (2004). The human potential of Russia and the problems of “saving the population”. *Russian Economic Journal*, (9-10), 22–40. <https://elibrary.ru/pgkven>.
4. МАМАХАТОВ, Т.М., & МАЛЛАХ, Д.М. (2022). The influence of the digitalization factor on the formation and development of human capital in developing countries. *RUDN Journal of Economics*, 30(3), 317–328. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-3-317-328>.
5. КХРИСТОЛЮБОВА, Н. Е. (2021). Digitalization of the economy and the problems of compliance and formation of the necessary level of human capital. *The Scientific Heritage*, (71-5), 24–28. <https://elibrary.ru/bsqwjh>.
6. SACCA, F., VELIKAYA, N. M., VOROSHILOVA, S. V., & FOMINA, O. YU. (2022). Prospects of university education in the context of public life digitalization. In S. Afanasyev, A. Blinov, & S. Belousov (Eds.), *State and Law in the Context of Modern Challenges (SLCMC 2021). European proceedings of social and behavioural sciences* (vol. 122, pp. 515–521). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.01.82>.
7. LEVASHOV, V. K., & GREBNYAK, O. V. (2022). Current changes in social media and the digital environment during a special military operation in Ukraine. *Social'nye i Gumanitarnye Znania*, 8(2), 204–213. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213>.
8. LEVASHOV, V. K., VELIKAYA, N. M., SHUSHPANOVA, I. S., AFANASEV, V. A., GREBNYAK, O. V., & NOVOSHENINA, O. P. (2021). *How are you, Russia?* Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021>.
9. OSIPOV, G. V., RYAZANTSEV, S. V., LEVASHOV, V. K., & ROSTOVSKAYA, T. K. (Eds.). (2021). *Challenges of*

the pandemic and the strategic agenda for society and state: Socio-political and demographic situation in 2021. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021>.

10. ZHENG, S., ZHANG, W., & DU, J. (2011). Knowledge-based dynamic capabilities and innovation in networked environments. *Journal of Knowledge Management*, 15(6), 1035–1051. <https://doi.org/10.1108/13673271111179352>.

11. LEVASHOV, V. K., VELIKAYA, N. M., SHUSHPANOVA, I. S., AFANASEV, V. A., GREBNIYAK, O. V., & NOVOZHENINA, O. P. (2021). *What is your image of future, Russia? Express information*. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021>.

12. LEVASHOV, V. K., VELIKAYA, N. M., SHUSHPANOVA, I. S., GREBNIYAK, O. V., & NOVOZHENINA, O. P. (2022). *How are you, Russia?* Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022>.

13. LEVASHOV, V. K. (ED.). (2023). *Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation in Russia in 2022*. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023>.

14. PODBEREZKIN, A. I. (2011). Social potential and long-term development strategy of Russia. *MGIMO Review of International Relations*, (2), 7–24. <https://elibrary.ru/nttzcl>.

15. KRASINETS, E. S. (2020). Foreign labour in the Russian labour market: Problems and decisions. *Population*, 23(1), 104–118. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.9>.

16. BOKOVA, A. A., CHUKAVIN, I. YU., YUKHIMETS, V. I., ALEKSANDROVA, V. S., & REPEVA, S. S. (2021). Digital transformation as a stage of human capital improvement. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, (6-2), 167–171. <https://doi.org/10.17513/vaael.1760>.

17. GUNINA, I. A., LOGUNOVA, I. V., & PESTOV, V. YU. (2019). Increase of efficiency of use of human capital in the conditions of digital transformation. *Region: Systems, Economics, Management*, (1), 18–25. <https://elibrary.ru/dyjxpa>.

18. VELIKAYA, N. M. (2022). Precarization of youth labour as a factor in the formation of the “self-employed” group. *Science. Culture. Society*, 28(2), 6–21. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.1>.

19. VOLKOVA, A. S., KONSTANTINOVA, D. S., KUDA-EVA, M. M., & MASALOVA, YU. A. (2020). Changing approaches to the human resources under the influence of digital technologies. *Creative Economy*, 14(8), 1491–1506. <https://doi.org/10.18334/ce.14.8.110736>.

20. ZAVYALOVA, E., SOKOLOV, D., KUCHEROV, D., & LISOVSKAYA, A. (2022). Digitalization of human resource management: Present and future. *Forsajt*, 16(2), 42–51. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.2.42.51>.

21. TOPILIN, A. V. (2019). Russia’s labor potential: Demographic and socio-economic problems of formation and utilization. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 89(7), 736–744. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873897736-744>.

22. KOVALEV, V. V., DYATLOV, A. V., & LATSVEVA, A. V. (2022). Quality of higher education in Russia: Cognitive resources of online-learning. *Science. Culture. Society*, 28(2), 57–69. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.5>.

AUTHORS’ INFORMATION:

Nataliya M. Velikaya – Advanced Doctor in Political Sciences, Full Professor; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (deputy director for research; chief researcher; 6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); natalivelikaya@gmail.com. RSCI AuthorID: 286986, ORCID: 0000-0001-5532-844X.

Oksana V. Grebnyak – Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (researcher; 6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); oksanov@yandex.ru. RSCI AuthorID: 183639, ORCID: 0000-0002-4565-7095, ResearcherID: AAI-8781-2020.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Левченко Н. В.^а, Роговая А. В.^а

^а Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье раскрывается понятие экологического образования в рамках формирования человеческого потенциала. Основное содержание человеческого потенциала в исследовании заключается в сохранении и развитии его индивидуального духовного, культурного и гуманистического мира, где особую роль играет экологическое образование. Обоснованы принципы развития человеческого потенциала в сфере экологического образования: стимулирование повышения уровня экологической культуры населения, особенно среди молодежи; налаживание эффективного взаимодействия между региональными органами власти, крупными предприятиями, общественными организациями, активистами в сфере экологии; выявление функций человеческого потенциала в ресурсном обеспечении сферы экологического образования. Анализируется реализуемое экологическое образование представителями формального и неформального образования, а также способы их взаимодействия с другими институтами общества. Рассматриваются основные аспекты современного развития экологического образования, а также ключевые проблемы этой области.

Материалы и методы. Информационную базу статьи составили официальные статистические данные, официальные документы, публикации в СМИ. Осуществлен вторичный анализ исследований по изучаемой проблеме, а также обобщение практик в сфере экологического образования в ряде регионов.

Результаты и выводы. Выявлены основные акторы экологического образования в нынешних условиях. Показано, что в неформальном экологическом образовании участвуют как общественные организации и национальные парки, так и промышленные предприятия, органы региональной власти. К образовательной деятельности, как правило, относятся тематические занятия, экскурсии и школьные лагеря. Просветительская деятельность заключается в проведении конкурсов, экологических фестивалей, форумов и др. В исследовании показываются возможности экологического образования через проектную деятельность образовательных организаций во взаимодействии с культурно-досуговыми учреждениями, представителями некоммерческих организаций, крупных промышленных предприятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическое образование, экологическое просвещение, человеческий потенциал, экологические некоммерческие организации, эколого-просветительские мероприятия, проектная деятельность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левченко Н. В., Роговая А. В. Экологическое образование как условие формирования человеческого потенциала // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 45-57. EDN URZCNZ. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-45-57.

■ ВВЕДЕНИЕ

Категория «человеческий потенциал» получила широкое распространение во многих областях знаний, особенно в экономической и социологической науках, и рассматривалась как в качестве индикатора развития общественных систем, так и в виде процесса развития индивида [1, 2, 3].

Анализируя научные труды, следует выделить следующие определения, посвященные вопросу человеческого потенциала, основанного на рыночном пути его реализации. Так, человеческий потенциал понимается И. В. Соболевой как «накопленный запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и общепрофессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей» [4, с. 12]. Человеческий потенциал, по мнению Т. И. Заславской, представляет собой совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, в том числе для расширения возможностей человека для самореализации [5]. Понятие «человеческий потенциал» показывает самооценку человека, его способность к изменению и развитию [6]. Даже российский экономист А. О. Вереникин в своем определении человеческого потенциала не акцентирует внимание на его рыночную основу, а рассматривает как «совокупность созидательных способностей личности, используемых в целесообразной форме в процессе жизнедеятельности как отдельного индивидуума, так и всего общества» [7, с. 26]. Зарубежными учеными развитие человеческого потенциала трактуется как расширение возможностей для реализации выбранных видов деятельности [8].

В. В. Сеницына дает трактовку человеческого потенциала как в широком смысле, так и узком. Для нас имеет большее значение определение в широком смысле, где в качестве фактора развития и реализации человеческого потенциала выступает получение удовлетворения от собственной деятельности индивида, которая сочетается со стремлением расти и развиваться в определенной сфере. В свою очередь это обеспечивает культурное развитие и самосовершенствование, создание благоприятной, с точки зрения экологии, среды для человека [9]. Как

правило, выделяют следующие формы человеческого потенциала: образовательная, культурная, духовная, интеллектуальная и другие [10]. Отмечаются также его компоненты: человеческий потенциал здоровья (физического и психического), готовность построения семьи, экологическое поведение, гражданская активность, адаптированность к социальной инфраструктуре, знания и квалификация, культурно-ценностные ориентации и психологическая компетентность [11]. Также можно выделить жизненный потенциал индивида, отражающий определенные особенности его жизненных процессов, и личностный потенциал индивида, аккумулирующий как духовное, интеллектуальное и творческое, так и мотивационное развитие человека [12], а также человеческий потенциал развития региона [10]. Как отмечает О. И. Иванов, на личностном (индивидуальном) уровне характеристиками человеческого потенциала выступают качества индивида, которые отражают уровень его активности и существенно влияют на полученные в процессе функционирования результаты, а также показывают вовлеченность в определенную область деятельности. На уровне же организации, по его мнению, названные характеристики человеческого потенциала концептуально сохраняются, однако полученные результаты масштабируются согласно ступеням иерархии государственного управления [13].

В данной работе мы будем рассматривать «человеческий потенциал» в отношении индивида через его ключевой компонент – образовательный потенциал и одну из основных сфер – экологическое образование. При этом человеческий потенциал индивида может не найти своего воплощения в профессиональной деятельности, но может быть реализован в рамках его саморазвития, духовного и культурного совершенствования, увлечения.

Экологическое образование и просвещение, способствующее гуманистическому, духовно-нравственному и социальному развитию личности в настоящее время становится актуальным в контексте формирования человеческого потенциала. Ведь для здоровья человека, как базового компонента человеческого потенциала, повышение уровня экологической культуры становится особенно востребованной в условиях распространения технократического миро-

воззрения, создания человека, стремящегося к личной выгоде и пользе, лишённого способности к состраданию, сопереживанию, отзывчивости. Однако низкий уровень сформированности экологической культуры не позволяет человеку осознать меру личной ответственности за состояние внешней среды [15]. В свою очередь экологическое образование выступает одним из основных факторов формирования экологической культуры, которая «выражается в готовности к ответственному поведению и деятельности в соответствии с моральным долгом и нормами права» [16, с. 424]. Экологическая культура оказывает прямое влияние на мотивационные качества индивида в области наращивания и накопления человеческого потенциала, направленное на творческое самовыражение и самореализацию.

В настоящее время нет единого мнения о формах развития экологического образования. Актуальным остается вопрос комплексного и непрерывного характера экологического образования, проникновение современных экологических идей и ценностей во все сферы общественной деятельности (Н. Н. Моисеев, Е. Н. Дзятковская, С. Н. Глазачев, А. Н. Захлебный, И. Т. Суравегина, Г. А. Ягодин и др.). Педагоги подчеркивают сложность внедрения экологического образования в качестве обязательного предмета в связи с необходимостью постоянных обновлений учебных программ¹. В настоящее время отмечается продуктивность перехода от экологического образования к экологизации образования, что обеспечивает внедрение экологических подходов и принципов во все компоненты образовательного процесса [17]. Экологическое образование рассматривается и в рамках культурологической модели, которая заключается в его гуманитаризации, придания общекультурной и ценностно-мировоззренческой направленности [18; 19].

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве метода исследования был выбран анализ официальных статистических данных и документов (в том числе федеральные государственные законы), публикаций в СМИ. Был осу-

ществлен вторичный анализ исследований по изучаемой проблеме, сравнительный анализ с предыдущими исследованиями авторов, а также обобщение практик в сфере экологического образования в ряде регионов.

Учитывая современное экологическое образование, необходимо уделить внимание отношению населения к экологическим проблемам в России. Согласно инициативному всероссийскому опросу ВЦИОМ в 2020 году, более половины опрошенных считают, что экологическая обстановка, скорее, ухудшилась, чем стала лучше. По результатам исследования одними из актуальных экологических проблем для своего региона россияне считают «загрязнение берегов городских и окружающих водоемов (44 %), незаконную вырубку лесов (37 %)» и др.² По данным опроса, половина опрошенных граждан знают о существовании экологических некоммерческих организаций (далее – экоНКО) или деятельности отдельных экологических активистов в своем населенном пункте или в регионе. Более половины респондентов не могут оценить взаимоотношения власти и экозащитного движения в целом, «15 % считают, что экозащитное движение пытается заручиться поддержкой властей, но они игнорируют эти попытки», и только 12 % участников опроса указали, что власть активно взаимодействует с представителями экозащитного движения³. По данным опроса ВЦИОМ, 88 % респондентов отметили, что одним из приоритетных направлений выступает создание необходимых условий для реализации экологического образования, а также для формирования экологической культуры². Как видно из результатов исследований, население волнуется как экологическая ситуация в стране, так и вопросы, касающиеся создания условий для получения экологического образования и воспитания.

Важность реализации экологического образования отмечается и в законодательной базе РФ. Согласно Экологической доктрине РФ, основной задачей «является повышение экологической культуры населения, образовательного уровня и профессиональных навыков и знаний

¹ Экологическое образование в России: проблемы и решения // Педсовет URL: <https://pedsovet.org/article/ekologiceskoe-obrazovanie-v-rossii-problemy-i-resenia> (дата обращения: 10.02.2023).

² Опрос ВЦИОМ показал, как россияне оценивают мировую экологию // РИА Новости. 2020. 30 ноября. URL: <https://ria.ru/20201130/ekologiya-1586883113.html> (дата обращения: 10.12.2020).

³ Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и ФНЭБ // Официальный сайт. ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10408> (дата обращения: 10.02.2023).

в области экологии»⁴. В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» с целью формирования экологической культуры устанавливается система комплексного экологического образования, которая включает в себя общее, среднее, высшее образование, а также распространение знаний в области экологии через СМИ, музеи, библиотеки, природоохранные учреждения и др.⁵

Экологическое образование мы будем рассматривать как процесс, направленный на преобразование личности на основе его непрерывного процесса обучения, воспитания и развития, на формирование системы научных и практических знаний и умений, ценностных ориентаций, поведения и установления ответственного и гармоничного отношения со средой обитания; как процесс образования, в ходе которого у детей формируется понимание «правильного» взаимодействия с окружающей природой и необходимые ключевые компетентности [20, с. 116].

На сегодняшний день в дошкольных образовательных организациях в регионах РФ внедрены различные программы по экологическому образованию: например, программа Н. А. Рыжовой «Наш дом – природа», ориентированная на развитие целостного понимания природных явлений, а также на воспитание гуманной и творческой личности ребенка старшего дошкольного возраста, или программа С. Н. Николаевой «Юный эколог», в основе которой стоит собственная Концепция экологического воспитания дошкольников. В марте 2020 года экологическая общественная организация ЭКА выпустило пособие «Как сделать школу “зеленой”», где собраны общие рекомендации экспертов по развитию экологические инициативы в школах, представлены примеры экологических практик в различных регионах страны. Функции формирования навыков экологически обоснованного поведения у школьников возложены на учебные предметы «Окружающий мир», «Обществознание», «География», «Основы религиозных культур и светской этики», «Биология», «Основы безопасности жизнедеятельно-

сти». В то же время широкое обсуждение среди педагогов о необходимости выделения в средней школе дисциплины «Экология» в отдельный предмет «способствовало появлению программ экологической направленности, реализуемых в отдельных школах в качестве предмета по выбору» [21, с. 89]. При этом важным становится не только формальное обучение в рамках аудиторного занятия, но и условия преподавания, а также личностные результаты, основанные на активном участии и вовлеченности ученика в процесс обучения [22; 23; 24]. В силу этого развитие человеческого потенциала и формирования экологической культуры может достигаться за счет большей вовлеченности обучающихся в экологическое образование путем личностного участия преподавателей и обучающихся в создании условий для понимания экологических смыслов.

Согласно исследованиям группы ученых (Н. В. Скалон, П. В. Колесников и др.), ответственное отношение к окружающей среде, формирование экологической культуры и мировоззрения может достигаться за счет двух уровней образования. Первый уровень – теоретико-практический, инвариантный, реализуемый в рамках школьного образования на федеральном уровне. Например, на предмете «Экология», где обучающиеся будут изучать фундаментальные экологические понятия, законы, теории, основы социальной экологии и экологии города, экологические проблемы мира и страны. Второй уровень – практико-теоретический, вариативный, реализуемый на региональном и локальном уровнях. Здесь изучаются «региональные и локальные экологические проблемы, варианты экологии города, социальной экологии и экологии человека» [25, с. 80]. Однако второй уровень до настоящего времени недостаточно разработан и обеспечен содержательно и методически в силу разрозненных действий основных ее акторов: образовательных организаций, общественных организаций, крупных промышленных предприятий и бизнес-структуры, средств массовой информации и т.п. До недавнего времени, по мнению экспертов, в общеобразовательных организациях не уделялось достаточное внимание вопросам экологического образования и просвещения, кроме того, не было ощутимой поддержки со стороны государственной власти [26].

⁴ Экологическая доктрина Российской Федерации // Официальный сайт. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688732/ (дата обращения: 01.03.2023).

⁵ Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023).

Однако в настоящее время ситуация меняется: в каждом регионе экологическое образование и просвещение осуществляется «органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями, средствами массовой информации, а также организациями, осуществляющими образовательную деятельность, учреждениями культуры, музеями, библиотеками, природоохранными учреждениями, организациями спорта и туризма, иными юридическими лицами» [27]. Кроме того, экологической политике уделяется достаточное внимание со стороны федеральных органов власти: 2017 год был объявлен Годом экологии URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40400>⁶, в 2018 году запущен Национальный проект «Экология», который функционирует до 2024 года. В 2020 году Министр природных ресурсов и экологии РФ заявляет о необходимости экопросвещения населения, акцентируя внимание на том, что это одна из главных приоритетов государства⁷.

Также в настоящее время в сфере экологического образования и просвещения все большую популярность получает проектная деятельность образовательных организаций совместно с общественными организациями, крупными промышленными предприятиями, бизнес-структурами, региональными и местными органами власти. Участие в проектах дает возможность экспериментировать, творчески мыслить, развивать свои навыки и способности [28]. С помощью такой консолидации экок защитников в совместной проектной деятельности созданы методические базы экологических уроков, работает центр экономии ресурсов, действуют волонтерские отряды⁸.

В силу того, что экологическая проблематика, а также сфера экологического образования имеет изменчивый характер, возникает вопрос, какие именно практики существуют в области неформального экологического образования с

точки зрения формирования человеческого потенциала. Продолжают ли представители экоНКО осуществлять экологическое образование или эта функция перешла в рамки школьного и дошкольного образования? Каким образом региональная власть и промышленные предприятия включаются в этот процесс? В статье рассматриваются примеры эколого-просветительских мероприятий (как части непрерывного экологического образования), осуществляемые как в регионе с действующим национальным парком (Смоленская область), так и в регионах с крупными промышленными предприятиями (Свердловской и Омской области). Авторы делают попытку проследить, каким образом осуществляется экологическое образование в нынешних условиях в исследуемых регионах, выходит ли оно за рамки формального преподавания материала. Ведь знания, полученные в результате неформального обучения (экскурсии, участие в конкурсах, форумах, фестивалях и т.п.) могут заложить основу экологической подготовки [16], а также в большей мере способствуют вовлеченности молодежи в экологическую проблематику и соответственно формированию человеческого потенциала.

Так, в Смоленской области в рамках эколого-просветительской деятельности национального парка «Смоленское Поозерье» функционируют несколько направлений экопросвещения, среди которых можно выделить следующие: «В царстве бурого медведя» (формирует представление о животном мире, в частности о жизни медведей); «В гости к бобру» (знакомство посетителей с устройством бобровых платин и хаток и пр.); «Рыболовный промысел крестьян Смоленского Поозерья» (показываются особенности традиционного промысла региона); «Фенология» (рассказываются про сезонные изменения природы, народные приметы и пр.) и многое другое⁹. В 2018 г. «Дирекция ООПТ Смоленской области» инициировало проведение экологических уроков в ряде школ г. Смоленска, основными задачами которых выступают экологическое просвещение обучающихся, а также информирование о проводимых конкурсах и фестивалях. Уроки включали в себя

⁶ О проведении в Российской Федерации Года экологии: Указ Президента Российской Федерации от 05.01.2016 № 7.

⁷ Глава Минприроды России дал старт Всероссийской акции «ЭкоТолк» // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/glava_minprirody_rossii_dal_start_vserossiyskoy_aktcii_ekotolk/ (дата обращения: 03.03.2023).

⁸ Экологическое образование в России: проблемы и решения // Педсовет. URL: <https://pedsovet.org/article/ekologiceskoe-obrazovanie-v-rossii-problemy-i-resenia> (дата обращения: 22.02.2023).

⁹ Учебно-познавательные программы // Официальный сайт. Национальный парк «Смоленское Поозерье». URL: <http://www.poozerie.ru/deyatelnost/ekoprosveschenie/uchebno-poznavatel-nie-programmi/> (дата обращения: 10.02.2023).

демонстрацию презентации: «Особо охраняемые природные территории Смоленской области», где дети узнали «об экологических угрозах современного мира, об их влиянии на природную среду, животный и растительный мир, о способах сохранения наиболее ценных природных объектов и комплексов в первозданном виде»¹⁰. Таким образом, национальный парк занимается как образовательной, так и просветительской деятельностью с целевой аудиторией, проводя тематические занятия, конкурсы, экологические фестивали, форумы и др., направленные на формирование экологической культуры, бережного и ответственного отношения к природе. Национальный парк старается сотрудничать как с государственными структурами, так и со школьными организациями, поскольку формирование экологического сознания невозможно без тесного сотрудничества с различными институтами общества.

Помимо деятельности сотрудников национального парка, в Смоленской области функционирует проект «Живой Смоленск», организованный инициативной группой. В центре внимания активистов – «строительство детских площадок, реконструкция исторических мест и памятников, экологическая безопасность»¹¹. На страницах сайта представлена информация о социальных проектах, в которых можно поучаствовать в качестве волонтера либо оказать финансовую помощь. В регионе активно внедряются летние экологические школьные площадки, которые направлены на формирование знаний об окружающей среде, о растениях и животных региона. Здесь дети учатся самостоятельному общению с природой. В регионе экологическое просвещение происходит и за счет конкурсов и фестивалей. Так, в 2022 г. проходил Всероссийский конкурс детского рисунка «Эколята – друзья и защитники Природы!», основной целью которого было «развитие экологического образования, экологической культуры и просвещения в дошкольных образовательных организациях, общеобразовательных организациях и учреждениях дополнительного образования российских регионов и, как следствие,

сохранение природы, её растительного и животного мира»¹². Кроме того, Департамент Смоленской области по природным ресурсам и экологии активно реализовывает мероприятия областной государственной программы «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Смоленской области». При поддержке Департамента в национальном парке на базе эколого-образовательного центра «Бакланово» в 2022 г. состоялся XI Летний лагерь сельских библиотекарей «Экотур по Смоленскому Поозерью»¹². В результате экологическое образование остается приоритетным направлением деятельности экоактивистов. Кроме того, региональная власть активно участвует в данном направлении. Молодежь, помимо знаний, которые получает в рамках общеобразовательных организаций, имеет возможность приобретать знания, участвуя в игровой, творческой, а также проектной деятельности, что также способствует большей включенности в понимание экологической проблематики и формированию человеческого потенциала.

В Свердловской области также ведется активная работа по экологическому образованию населения. Так, с 2001 г. при поддержке региональных органов управления, коммерческих и некоммерческих организаций и детско-юношеских коллективов реализуется проект «Родники», целью которого выступает обеспечение жителей региона чистой питьевой воды из подземных источников, а также экологическое просвещение и воспитание населения. Итоги реализации данного проекта «Родники» ежегодно подводятся на городском слете экологических отрядов¹³. С 2003 года в области ежегодно проходит областной экологический форум, в рамках которого проводится конкурс видеороликов «Экология твоими глазами» по направлениям добровольчество и волонтерство, переработка и повторное использование бытовых вещей, культура природопользования и пр.¹⁴

¹² Смоляны приглашают принять участие в конкурсе «Эколята-друзья и защитники Природы» // Смоленская газета. 2022. 16 марта. URL: <http://www.livecity67.ru/about/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹³ Пусть не иссякнут родники. Экологический отряд «Истоки» серовской школы № 20 – один из самых активных участников областного экопроекта // Информационный портал Свердловской области. URL: <https://www.xn--b1ag8a.xn--p1ai/news/munnews/12951> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁴ Дворец молодежи Свердловской области. Официальный сайт. URL: <https://dm-centre.ru/pf/ekologicheskii-forum/> (дата обращения: 20.02.2023)

¹⁰ Экологические уроки для обучающихся смоленских школ // Департамент Смоленской области по природным ресурсам и экологии. URL: <https://prirod.admin-smolensk.ru/news/ekologicheskie-uroki-dlya-uchaschihsya-smolenskih-shkol/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹¹ Живой Смоленск // Официальный сайт. URL: <http://www.livecity67.ru/about/> (дата обращения: 20.02.2023).

В 2009 году несколько отдельных экологических отрядов были объединены в городское детско-юношеское объединение «Родники души» на базе Центра детского творчества. Одним из основных направлений деятельности объединения является воспитательно-пропагандистское: проводятся беседы и викторины, театральные представления и праздники для обучающихся младших классов. Благодаря работе в экологическом отряде «Родники души» дети активно участвуют в конкурсах стихов, в создании видеофильмов и презентаций, защищают исследовательские проекты. В регионе проводятся различные тематические акции и фестивали. С 2013 г. реализуется масштабный проект «Марш юных экологов», инициируемый Свердловской региональной общественной экологической организацией «ЭКА-Екатеринбург», основными участниками которого выступают школьники и дошкольники Свердловской области¹⁵. Среди основных задач проекта можно выделить такие, как организация экологического воспитания, образования и просвещения детей школьного и дошкольного возраста, привлечение внимания населения, власти и СМИ к проблемам экологии, установление и развитие устойчивых связей среди участников Форума, представителей власти, ООПТ и экологических общественных организаций Свердловской области и др.

В ходе исследования было выявлено, что педагоги общеобразовательных организаций исследуемых регионов зачастую сами инициируют экологизацию образования, а также являются организаторами экологических кружков и отрядов. В качестве примера может послужить МБОУ СОШ № 21, на базе которой функционирует эколого-краеведческий (волонтерский) отряд «СТОП». В его задачи входят формирование активной жизненной позиции, вовлечение школьников в социальную практику, разработка программы по охране окружающей среды посредством проведения акций, конкурсов и т.п., воспитание гражданской ответственности за состояние окружающей среды, развитие чувства патриотизма и любви к своей «малой Родине» и др.¹⁶. В области многие экологи-

ческие некоммерческие организации активно продолжают свою просветительскую деятельность. В свою очередь экологическое образование осуществляется не только активистами и сотрудниками дополнительного образования, но и производственными компаниями. В регионе активная деятельность ведется Трубной металлургической компанией (ТМК), которая реализует масштабную систему экологического образования и просвещения школьников и студенческой молодежи. Проводятся различные экологические акции (раздельный сбор отходов, очистка водоемов, озеленение города и др.) и открытые уроки для обучающихся. ТМК осуществляет экскурсии по заводам, где молодежи демонстрируют цикл работ по производству труб. На базе лабораторного комплекса *EcoHouse* ТМК проходят семинары по экологии и дискуссии с участием активистов, представителей власти и сотрудников других предприятий¹⁷.

В Омской области в 1990 г. была образована Детско-юношеская общественная организация «Экологический Центр», основными задачами которой являются реализация программ по экологическому воспитанию, организация летних экологических лагерей и научных экспедиций, формирование экологической культуры и др. С 1998 г. функционирует Омская региональная общественная организация «Общество охраны природы Сибири». Созданное в 2000 г. некоммерческое партнерство «Экологический комитет» (в 2016 г. – Ассоциация) объединяет людей, работающих в сфере охраны окружающей среды, а также привлекает волонтеров (школьников, студентов, экологических активистов среди взрослого населения). В 2000 г. была организована Омская региональная молодежная общественная организация «Экологическая вахта Сибири». В 2016 году организация, получив областную поддержку при реализации проекта «Возродим природу «Степного заказника», организовала научно-практическую конференцию с привлечением около 100 обучающихся и студентов Оконешниковского и Черлакского районов для развития у обучающихся учебно-познавательного и творческого потен-

¹⁵ Экологическая акция «Марш юных экологов» // Гранты.РФ. URL: <https://свердловскаяобласть.гранты.рф/public/application/item?id=ed3726dd-8bac-4241-8c90-545cf80f98fe> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁶ МБОУ СОШ № 21 // Официальный сайт. URL: https://21gor.uralsschool.ru/?section_id=20 (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁷ Мы занимаемся экологическим просвещением везде, где представлена компания // Ведомости. 2022. 21 июля. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/science_and_technology/articles/2022/07/21/932356-mi-zanimaemya-ekologicheskimpromosvescheniem-vezde-gde-predstavlena-kompaniya (дата обращения: 25.01.2023).

циала, получения опыта взаимодействия обучающихся с природой, стимулирования к проявлению ответственной природоохранной позиции¹⁸. С 2007 г. осуществляет свою деятельность Тарская районная молодежная общественная организация «Истоки», которая направлена на информирование населения о состоянии окружающей среды, экологическое воспитание и просвещение населения. В регионе реализуется проект «Волонтерское движение в защиту водных объектов» по инициативе ОРДЮОО «Экологический Центр» г. Омска, направленный на улучшение состояния водных объектов в регионе, в том числе в рамках проведения образовательных и информационных мероприятий. В 2019 году прошла акция «Вода – источник жизни», в которой приняло участие 400 школьников, студентов и педагогов. По ходу акции проходил социологический опрос на экологическую тематику, раздавались листовки об истории водных объектов региона. По настоящее время проводятся конкурсы и фестивали, такие как «Твердые бытовые отходы – наша общая проблема», интеллектуальный экологический марафон «Эколог года», а также акции, семинары, круглые столы, научно-практические конференции. В 2021 году педагоги дополнительного образования МБОУ СОШ №3 Исилькульского муниципального района Омской области организовали экологическое образовательное мероприятие «Химия и окружающая среда» для обучающихся 9–11 классов в форме всем известной телепередачи «Своя игра»¹⁹.

Как и в Свердловской области, промышленные компании региона также вовлечены в процесс экологического образования обучающихся. В рамках программы «Родные города» в 2021 г. в Омской области прошли интерактивные занятия по экологии для школьников младших классов, организованные Центром социальных и экологических инициатив при поддержке Омского нефтеперерабатывающего завода (далее – ОНПЗ). В 2021 году ОНПЗ обеспечил школы области учебными пособиями по географии края. При грантовой поддержке ОМПЗ на базе детской библиотеки была создана площадка для

интерактивного обучения и творчества, в рамках которой дети получают знания, в том числе и по экологии²⁰. Как показывает исследование в Омской области, местные органы власти активно поддерживают эколого-просветительские мероприятия при существенной поддержке со стороны промышленного предприятия. Актеры экологического образования используют современные технологии, среди которых показ презентаций, интерактивное обучение и пр.

■ ВЫВОДЫ

В ходе исследования было выявлено, что экологическое образование способствует формированию человеческого потенциала в том случае, когда обучение сопровождается активным вовлечением обучающихся в непрерывное экологическое образование, которое включает в себя участие в проектной деятельности и мероприятиях, посещение тематических занятий, экскурсий и др. На сегодняшний день навыки экологического поведения заложены в основных школьных предметах, внедрен предмет «Экология» (по выбору), проводятся дополнительные занятия. Кроме того, осуществляется взаимодействие школы с национальными парками, экоНКО, культурно-досуговыми организациями и т.п. Исследование показало, что организация эколого-просветительских мероприятий во многом зависит от взаимодействия различных институтов общества. В ряде регионов были созданы координационные структуры по вопросам экологии, которые состоят из общеобразовательных организаций, музеев, библиотек, национальных парков, коммерческих и некоммерческих экологических организаций и пр. Активная деятельность ведётся по экопросвещению школьников сотрудниками национальных парков и краеведческих музеев, посещение которых необходимо для формирования представлений у обучающихся о биологическом разнообразии экосистемы родного края, экологических проблемах и рисках в регионе. В отдельных случаях педагогический состав общеобразовательных учреждений сам является инициатором дополнительного образования школьников в рамках экологического образо-

¹⁸ Омская региональная молодежная общественная организация «Экологическая вахта Сибири» // Официальный сайт. URL: <http://ews-2007.ru/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁹ Новые формы экологического образования // Навигатор дополнительного образования Омской области. 2021. 16 ноября. URL: <https://xn--55-kmc.xn--80aafey1amqq.xn--d1acj3b/blog/237> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁰ Омский НПЗ поддерживает экологическое образование школьников // Город55. 2021. 9 декабря. URL: <https://gorod55.ru/news/2021-12-09/omskiy-npz-podderzhivaet-ekologicheskoe-obrazovanie-shkolnikov-86926> (дата обращения: 25.01.2023).

вания. Кроме того, в отличие от результатов предыдущих исследований на сегодняшний день была выявлена активизация проектной деятельности не только со стороны образовательных и общественных организаций, но и предприятий, управленческих структур. Одним из примеров включенности предприятий в экологическое образование населения является грантовая поддержка реализации эколого-просветительских мероприятий.

Таким образом, можно выделить три основных направления развития экологического образования: теоретическое (научное) в рамках школьных предметов, проведения кружков, секций по теме экологии; практическое – участие молодежи в различных проектах, акциях и конкурсах, волонтерская деятельность; культурологическое – проведение просветительских, фестивальных, этнокультурных, научных, экологических, туристских и других мероприятий. При этом все эти направления так или иначе пересекаются, способствуя не только

получению знаний и опыта практической деятельности, но и развитию культурных, гуманистических и нравственных качеств, а также личностного потенциала.

В настоящее время идут попытки сбалансировать разные стороны экологического образования путем сочетания научной, общекультурной и проектной деятельности. При этом встает вопрос необходимости выбора определенной модели концепции экологизации образования, определения функций, принципов и путей реализации с целью формирования экологической культуры обучающихся и становления у них экологического сознания. В свою очередь повышение уровня участия каждого человека в решении глобальных и локальных экологических проблем территории их проживания, активное участие в проектной деятельности способствует расширению сферы социальной ответственности, развитию человеческого потенциала не только общества, сообщества, но и самого человека. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д.** Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования : монография. СПб. : Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 1999. 309 с. EDN **TRXRTT**.
2. **Симонова М. В.** Направления мониторинга трудового потенциала для оценки состояния качества рабочей силы // **Вестник Самарского государственного экономического университета**. 2016. № 1 (135). С. 84-90. EDN **VRVHKN**.
3. **Афонькина Ю. А., Кузьмичева Т. В.** Категоризация понятия «человеческий потенциал» в контексте трансформации профессионального образования // **Проблемы современного педагогического образования**. 2018. № 60-4. С. 31-34. EDN **MAKFNJ**.
4. **Соболева И. В.** Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития : монография. М. : Наука, 2007. EDN **QSVJLT**.
5. **Заславская Т. Н.** Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // **Общественные науки и современность**. 2005. № 4. С. 13-25. EDN **OOUYRP**.
6. **Юдин Б. Г.** Человеческий потенциал как критический ресурс России : монография. М. : Институт философии РАН, 2007. 176 с. EDN **SUPJPH**.
7. **Вереникин А. О.** Человеческий потенциал экономического развития : автореф. дис. ... доктора экономических наук : 08.00.01 / Вереникин Алексей Олегович. М., 2005. 47 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/rsl01003008966>.
8. **Патутина Е. С.** Анализ трактовки понятий «трудового потенциала» и «человеческого потенциала» в трудах отечественных и зарубежных ученых // **Научное пространство: актуальные вопросы, достижения и инновации** : сборник научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической конференции (Анапа, 18 апреля 2020 г.) / под ред. Е. Н. Скориковой. Анапа : Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов в Южном Федеральном округе, 2020. С. 219-232. EDN **SLCRRM**.
9. **Синицына В. В.** Формирование и развитие концепции человеческого потенциала // **Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета**. 2019. Т. 9, № 6 (42). С. 150-155. EDN **RKBEDC**.
10. **Абрамян С. И., Федотов А. А.** Формы человеческого потенциала // **Международный журнал гуманитарных и естественных наук**. 2019.

№ 10-2 (37). С. 27-30. EDN PXRHIT.

11. РИМАШЕВСКАЯ Н. М., МИГРАНОВА А. А., ТОКСАНБАЕВА М. С. Человеческий и трудовой потенциал российских регионов // *Народонаселение*. 2014. № 3 (65). С. 106-119. EDN SZIQHZ.

12. МИРОЛЮБОВА Т. В., ЧУЧУАИНА Е. В. Региональная модель человеческого потенциала // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2011. № 3 (10). С. 65-73. EDN OPFCGR.

13. ИВАНОВ О. И. Человеческий потенциал: формирование, развитие, использование. СПб. : Скифия-принт, 2013. 336 с. EDN RVEYXR.

14. КОЛЕСНИК А. И. Модель рационального взаимодействия человека с природой // *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2018. Т. 13, № 3. С. 149-157. EDN YHJFJ.

15. СОКОЛОВА Г. Н. Влияние экологического фактора на развитие человеческого потенциала в Чувашской Республике // *Экономика и экология: тренды, проблемы, решения* : материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 23-24 ноября 2017 г.) / под ред. И. А. Васильевой. Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2017. С. 81-85. EDN ZVUONV.

16. Сальникова М. В. Экологическое образование и воспитание обучающихся // *Молодой ученый*. 2021. № 49 (391). С. 423-425. EDN CGJJGM.

17. ДЗЯТКОВСКАЯ Е. Н., ДЛИМБЕТОВА Г. К., ЗАХЛЕВНЫЙ А. Н. Ключевые вопросы подготовки концепций экологического образования // *Ценности и смыслы*. 2020. № 4 (68). С. 141-155. EDN QZSDVA.

18. ЛУКОВ В. А., ЛУКОВ С. В. Экология человека и новый гуманизм в обществе цифровизации // *III Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации* : доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции (Москва, 11-12 марта 2020 г.) / под ред. А. В. Костиной, В. А. Лукова. М. : Московский гуманитарный университет, 2020. С. 121-130. EDN OBLRND.

19. Рочняк Е. В. Экологическое и гуманитарное образование как составляющие образования для устойчивого развития в цивилизационной парадигме XXI в // *Вестник Международной академии наук (Русская секция)*. 2022. № S1-1. С. 82-86. EDN BМКВJU.

20. БЕЛИНОВА Н. В., БИЧЕВА И. Б., ХАНОВА Т. Г. Современные подходы к реализации задач экологического образования детей дошкольного

возраста // *Перспективы науки и образования*. 2018. № 6 (36). С. 114-121. EDN YROIGD.

21. ФЕРТИКОВА Е. П. Актуальные вопросы организации экологического образования и просвещения в Российской Федерации // *Общество. Среда. Развитие*. 2019. № 1 (50). С. 86-91. EDN KAVKQY.

22. МАСЛОВА Ю. В. Экологическое образование как фактор развития экологической культуры в современном российском обществе // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 5. С. 270-278. EDN NWWVVK.

23. ЗАХЛЕВНЫЙ А. Н., ЕРМАКОВ Д. С. Цели устойчивого развития и экологическое образование (к 50-летию Научного совета по экологическому образованию Российской академии образования) // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2020. Т. 15, № 4. С. 26-35. EDN UANIMB.

24. НИКОЛАЕВА С. Эколого-педагогическая компетентность специалистов дошкольного воспитания // *Дошкольное воспитание*. 2020. № 9. С. 41-49. EDN FKHVDD.

25. СКАЛОН Н. В., КОЛЕСНИКОВ П. В., ЛУЧНИКОВА Е. М., НЕНИЛИН С. Н., СКАЛОН Т. Н., ТЕПЛОВА Н. С. Региональное экологическое образование: перспективы развития // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 2 (50). С. 78-82. EDN OYQVFT.

26. ЛЕВЧЕНКО Н. В. Просветительская деятельность экологических общественных организаций в современной России // *Актуализированные ценности современного российского общества* : монография / под ред. И. А. Халий. М. : Институт социологии Российской академии наук, 2015. 273 с. EDN XRFISX.

27. РЫЖОВА Н. И., СВИРИДЕНКО Т. Е., БРОШЕНКО В. И. Тенденции и актуальные задачи экологического образования и просвещения в условиях угроз современного социума // *Преподаватель XXI век*. 2020. № 4-1. С. 36-48. EDN CJHQEJ.

28. БУХОВЦЕВА О. В., ВЕСЕЛОВА Н. Н. Реализация экологического проекта как способ развития экологической культуры старших дошкольников // *Развитие человеческого потенциала системы образования для общества знаний* : сборник материалов V научно-практической конференции с международным участием (Биробиджан, 30 октября 2021 г.) / под ред. Н. Ю. Абраменко. Биробиджан : Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2022. С. 40-44. EDN BKEEGE.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Левченко Наталья Валерьевна – кандидат социологических наук; Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (научный сотрудник Центра изучения регионов России; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5); natalya_levchenk@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 729282, ORCID: 0000-0002-9052-7900.

Роговая Анастасия Владимировна – кандидат социологических наук; Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (старший научный сотрудник Центра изучения регионов России; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5); av_rogovaya@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 603982, ORCID: 0000-0002-7982-3696.

Статья получена: 27.02.2023. Заключение рецензента: 24.03.2023. Принята к печати: 08.04.2023.

ENVIRONMENTAL EDUCATION AS A CONDITION OF HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT

Levchenko N. V.^a, Rogovaya A. V.^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

Introduction. The article reveals the concept of environmental education in the framework of human potential development. The main content of the human potential in the study is the preservation and development of its individual spiritual, cultural and humanistic world, where environmental education plays a special role. The principles of human potential development in the field of environmental education are substantiated. This is stimulation of raising the level of ecological culture of the population, especially among young people; establishing effective interaction between regional authorities, large enterprises, public organizations, activists in the field of ecology; identification of the functions of human potential in the resource provision of the sphere of environmental education. The environmental and educational activities carried out both through general educational organizations and within the framework of additional education, as well as their interaction with other social institutions are analyzed. The main aspects of modern environmental education development and the key issues in this area are considered.

Material and methods. The information base of the article was made up of official statistics, official documents and publications in the media. A secondary analysis of studies on the problem under research was carried out, and practices in the field of environmental education in a number of regions were generalized.

Results and conclusions. The main actors of environmental education in the current conditions are identified. The research reveals that both public organizations and national parks and industrial enterprises and regional authorities participate in non-formal environmental education. Educational activities typically include themed classes, excursions and school camps. Environmental awareness activity consists in holding competitions, environmental festivals, forums, etc. The research shows possibilities of environmental education through the project activities of educational organizations in cooperation with cultural and leisure institutions, representatives of non-profit organizations, large industrial enterprises.

KEYWORDS: environmental education, ecological awareness, human potential, ecological non-profit organizations, ecological awareness activities, project management.

FOR CITATION: Levchenko, N. V., & Rogovaya, A. V. (2023). Environmental education as a condition of human potential development. *Management Issues*, 17(2), 45–57. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-45-57>.

REFERENCES

1. DOBRYNIN, A. I., DYATLOV, S. A., & TSYRENOVA, E. D. (1999). *Human capital in a transitive economy: formation, evaluation, efficiency of use*. St. Petersburg publishing and bookselling company "Nauka". <https://elibrary.ru/trxrtt>.
2. SIMONOVA, M. V. (2016). Directions for monitoring labor potential to assess the quality of the labor force. *Vestnik of Samara State University of Economics*, (1), 84–90. <https://elibrary.ru/vrvhkn>.
3. AFONKINA, YU. A., & KUZMICHEVA, T. V. (2018). Categorization of the concept "human potential" in the context of transformation of professional education. *Problems of Modern Pedagogical Education*, (60-4), 31–34. <https://elibrary.ru/makfnj>.
4. SOBOLEVA, I. V. (2007). *The human potential of the Russian economy: Problems of preservation and development*. Nauka. <https://elibrary.ru/qsjvlt>.
5. ZASLAVSKAYA, T. N. (2005). Human potential in the modern transformational process. *Social Sciences and Contemporary World*, (4), 13–25. <https://elibrary.ru/ouuyrp>.
6. YUDIN, B. G. (2007). *Human potential as a critical resource in Russia*. Institute of philosophy of the RAS. <https://elibrary.ru/supjph>.
7. VERENIKIN, A. O. (2005). Human potential of economic development (Publication No. 01003008966) [Abstract of Ph.D. thesis]. Russian State Library. <https://viewer.rsl.ru/rsl01003008966>.
8. PATUTINA, E. S. (2020). Analysis of the interpretation of the concepts of "labor potential" and "human potential" in the works of domestic and foreign scientists. In E. N. Skorikova (Ed.), *Scientific space: current issues, achievements and innovations* (pp. 219–232). Research center for economic and social processes in the Southern federal district. <https://elibrary.ru/slccrm>.
9. SINITSYNA, V. V. (2019). Formation and development of the human potential conception. *Humanitarian Sciences. Bulletin of the Financial University*, 9(6), 150–155. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-150-155>.
10. ABRAMYAN, S. I., & FEDOTOV, A. A. (2019). Human potential forms. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (10-2), 27–30. <https://elibrary.ru/pxrhth>.
11. RIMASHEVSKAYA, N. M., MIGRANOVA, L. A., & TOKSANBAEVA, M. S. (2014). Human and labour potential of the Russian regions. *Population*, (3), 106–119. <https://elibrary.ru/sziqhz>.
12. MIROLYUBOVA, T. V., & CHUCHULINA, E. V. (2011). Regional model of human potential. *Perm University Herald. Economy*, (3), 65–73. <https://elibrary.ru/opfcgr>.
13. IVANOV, O. I. (2013). *Human potential: formation, development, use*. Skifia-Print. <https://elibrary.ru/rveyxp>.
14. KOLESNIK, A. I. (2018). Model of a rational interaction between a human being and nature. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, 13(3), 149–157. <https://doi.org/10.14526/2070-4798-2018-13-3-149-157>.
15. SOKOLOVA, G. N. (2017). The influence of the environmental factor on the development of human potential in the Chuvash Republic. In I. A. Vasileva (Ed.), *Economics and ecology: trends, problems, solutions* (pp. 81–85). Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. <https://elibrary.ru/zvuonv>.
16. SALNIKOVA, M. V. (2021). Ecological education and upbringing of students. *Young Scientist*, (49), 423–425. <https://elibrary.ru/cgjgjm>.
17. DZYATKOVSKAYA, E. N., DLIMBETOVA, G. K., & ZAKHLEBNYY, A. N. (2020). Key issues for preparing ecological education concepts. *Values and Meanings*, (4), 141–155. <https://elibrary.ru/qzsdva>.
18. LUKOV, V. A., & LUKOV, S. V. (2020). Human ecology and new humanism in the digitalization society. In A. V. Kostina, & V. A. Lukov (Eds.), *III Moiseev readings: Culture and humanitarian problems of modern civilization* (pp. 121–130). Moscow Humanitarian University. <https://elibrary.ru/oblrnd>.
19. ROCHNYAK, E. V. (2022). Environmental and humanitarian education as components of education for sustainable development in the civilization-paradigm of the XXI century. *Herald of the International Academy of Science. Russian Section*, (S1-1), 82–86. <https://elibrary.ru/bmkbju>.
20. BELINOVA, N. V., BICHEVA, I. B., & KHANOVA, T. G. (2018). Modern approaches to implementing the objectives of environmental education of pre-school children. *Perspectives of Science and Education*, (6), 114–121. <https://doi.org/10.32744/pse.2018.6.12>.
21. FERTIKOVA, E. P. (2019). Topical issues of organizing environmental education and enlightenment in the Russian Federation. *Society. Environment. Development*, (1), 86–91. <https://elibrary.ru/kabkqy>.
22. MASLOVA, YU. V. (2020). Ecologic education as a factor of ecological culture development in mod-

ern Russian society. *Humanities and Social Sciences*, (5), 270–278. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-82-5-270-278>.

23. ZAKHLEBNYY, A. N., & ERMAKOV, D. S. (2020). Sustainable development goals and environmental education (to the 50th anniversary of the scientific council on environmental education of the Russian Academy of Education). *Scholarly Notes of Transbaikalian State University*, 15(4), 26–35. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2020-15-4-26-35>.

24. NIKOLAEVA, S. (2020). Ecological and pedagogical competence of preschool education specialists. *Preschool Education*, (9), 41–49. <https://elibrary.ru/fkhwdd>.

25. SKALON, N. V., KOLESNIKOV, P. V., LUCHNIKOVA, E. M., NENILIN, S. N., SKALON, T. N., & TEPLOVA, N. S. (2012). Ecological education in Kemerovo region: development prospects. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2), 78–82. <https://elibrary.ru/oyqvft>.

26. LEVCHENKO, N. V. (2015). Educational activities of environmental public organizations in modern Russia. In I. A. Khaliy (Ed.), *Updated values of modern Russian society*. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://elibrary.ru/xrisfx>.

27. RYZHOVA, N. I., SVIRIDENKO, T. E., & EROSHENKO, V. I. (2020). Trends and current tasks of environmental education and awareness in conditions of threats to modern society. *Teacher XXI century*, (4-1), 36–48. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-4-36-48>.

28. BUKHOVTSEVA, O. V., & VESELOVA, N. N. (2022). Implementation of an ecological project as a way to develop the ecological culture of older preschoolers. In N. Yu. Abramenko (Ed.), *Development of the human potential of the education system for the knowledge society* (pp. 40–44). Priamursky State University named after Sholom Aleichem. <https://elibrary.ru/bkeege>.

AUTHORS' INFORMATION:

Natal'ya V. Levchenko – Ph.D. of Sociological Sciences; Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (researcher of the Center for the study of Russian regions; 24/35, build. 5, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia); natalya_levchenk@mail.ru. RSCI AuthorID: 729282, ORCID: 0000-0002-9052-7900.

Anastasiya V. Rogovaya – Ph.D. of Sociological Sciences; Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (senior researcher of the Center for the study of Russian regions; 24/35, build. 5, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia); av_rogovaya@mail.ru. RSCI AuthorID: 603982, ORCID: 0000-0002-7982-3696.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ VS СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Саралиева З. Х.^а, Судьин С. А.^а, Егорова Н. Ю.^а

^а Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

АННОТАЦИЯ:

На основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», Федеральной службы государственной статистики, исследований Росстата анализируются количественные и качественные результаты реализации мер, направленных на формирование активного долголетия и на повышение качества жизни пожилых в России в контексте текущих социально-экономических и демографических тенденций с использованием сравнительного анализа.

Старение населения признается объективным общемировым трендом, переломить который в ближайшие десятилетия вряд ли возможно. Это предъявляет особые требования к государственной социальной политике, определяющей общее направление усилий по сохранению населения и повышению его активности в старших возрастах. От большинства европейских стран Россия отличается значительно меньшей ожидаемой продолжительностью жизни на фоне сравнительно высокого возраста выхода на пенсию. В результате для среднестатистического российского мужчины выход на пенсию фактически совпадает с уходом из жизни. Декларируемый рост ожидаемой продолжительности жизни в 2022 г. почти на три года, по сравнению с 2021, связан с уменьшением смертности от COVID-19 и вряд ли может рассматриваться как результат реализации социальной политики государства.

Делается вывод о несоответствии предпринимаемых мер декларируемым целям социальной политики в отношении людей старшего поколения, о чем свидетельствуют повышение пенсионного возраста на фоне вялого роста продолжительности жизни, сворачивание под видом «оптимизации» сети социальных и медицинских учреждений вопреки растущей потребности в них в старших возрастах, сравнительно низкий уровень цифровой грамотности пожилых, который, вопреки ожиданиям и предназначению, тормозит процесс их социальной интеграции.

Особую важность сделанные выводы имеют для демографически депрессивных регионов России в силу их повышенной потребности в сохранении населения из-за низкой рождаемости, миграционного оттока и негативной динамики возрастной структуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная политика, социальное управление, демографическая политика, активное долголетие, качество жизни пожилых, демографическое развитие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Саралиева З. Х., Судьин С. А., Егорова Н. Ю. Качество жизни пожилых vs социальная политика в России // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 58-69. EDN ZTZOQD. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-58-69.

■ ВВЕДЕНИЕ

Возрастание доли пожилых в структуре населения – объективный и пока непреодолимый тренд, характерный для абсолютного большинства экономически развитых или динамично развиваю-

щихся стран. Замедление процесса воспроизводства населения вследствие растущей продолжительности жизни и снижения рождаемости усугубляется усилением гедонистических установок, карьерными рисками, неизбежным падением

уровня жизни в случае появления ребенка (или детей) и неготовностью радикальной смены образа жизни в целом. Старение населения – это комплексный процесс, в основе которого лежат не только экономико-демографические, но и социально-психологические переменные. Комплексный характер имеют и его последствия, реагировать на которые вынуждены и органы власти различного уровня, и реальный сектор экономики, и институты гражданского общества.

Очевидно, что главным субъектом решения возникающих проблем, должно быть, и остается государство, определяющее основные направления и формы социальной поддержки пожилых. Последние несколько лет ознаменовались повышенным вниманием к системной поддержке и качеству жизни представителей старшего поколения. Основной инициативой, обозначившей данный приоритет, стал Федеральный проект «Старшее поколение», акцент в котором сделан на формировании активного долголетия и повышении качества жизни лиц старших возрастных групп.

В современных условиях поддержание активности граждан пожилого возраста в сфере труда, образования, общественной деятельности, в культурно-досуговой сфере представляется не только как форма удовлетворения индивидуальных потребностей пожилых людей, но и как укрепление человеческого потенциала страны и его социально-экономического развития. Следовательно, направленность на социальный патернализм в отношении пожилых людей и усиление возможностей их социального обеспечения только посредством предоставления доплат, льгот, субсидий и других поддерживающих ресурсов без создания условий активного участия самих пожилых людей в социально-экономических процессах не может рассматриваться в качестве перспективного сценария развития социальной политики. За всем этим легко разглядеть желание государства снять с себя значительную часть социальных обязательств, объем которых неизбежно будет возрастать по мере увеличения доли пожилых в структуре населения и отсутствия роста производительности труда в основных отраслях российской экономики [1].

Национальные проекты «Демография» и «Здравоохранение» при всей своей масштабности и высоком уровне финансовой обеспеченности представляются все же «разовыми» ак-

циями, призванными запустить более глубокие процессы, обеспечивающие повышение продолжительности жизни и ее качества. На положительную коррекцию данных показателей значительно большее влияние оказывает текущий социально-политический контекст, роль которого должна быть изучена подробно. В данной статье предпринимается попытка критического анализа соответствия реализуемых мер социальной политики в отношении пожилых ее декларируемым целям.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья построена на вторичном анализе баз данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» 29-ой (2020 г.) и 18-ой (2009 г.) волн 2009 г. (репрезентативные выборки «индивиды»)¹, а также данных Федеральной службы государственной статистики (2005–2022 гг.), включая результаты выборочных исследований: «Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ)» 2011, 2016 и 2018 гг.; «Федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» 2021 г., «Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» 2021 г., а также анализе нормативных документов.

■ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Тенденция старения населения, наблюдаемая во всех индустриально развитых странах, увеличивает долю тех, кто нуждается в дополнительной и особой заботе государства. За полтора десятилетия, с 2005 по 2020 гг., численность лиц старше трудоспособного возраста в России увеличилась почти на 25 % (с 29353 до 36628,6 тыс. чел.) и составила 25 % от общей численности населения. Двадцатые годы текущего столетия внесли свои коррективы, но все же сохранили эту долю на высоком уровне – 24 %. Большинство представителей данной возрастной категории – городские жители (70 %). Возрастное распреде-

¹ Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE // RLMS-HSE. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (дата обращения: 07.04.2023); Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // RLMS-HSE. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 07.04.2023).

ние внутри этой большой группы относительно равномерно: на 1 января 2022 г. 55–59-летние составляли 6,4 %, 60–69-летние – 12,8 %, лица 70 лет и старше – чуть больше 10 % от общей численности населения². Того же нельзя сказать относительно распределения по полу. Абсолютно во всех интересующих нас возрастах число женщин превышает число мужчин. Это касается как городских, так и сельских жителей. Среди 50-летних эта разница небольшая, на селе, скорее, едва заметна, но уже в группе 60-летних численность женщин больше в 1,5 раза, а среди граждан 70 лет и старше – более, чем в 2 раза. На селе диспропорция менее существенна (таблица 1).

Возрастание доли пожилых в структуре населения коренным образом меняет приоритеты и направления социальной политики и медицинского обслуживания с целью обеспечения возросших требований к качеству жизни пожилых. Очевидно, что качество – это континуальная характеристика, способная принимать как положительные, так и отрицательные значения, зависеть на нуле или зашкаливать в ту или другую сторону, задавая новые ориентиры для его количественной оценки. И говоря о качестве жизни лиц пожилого возраста, мы, естественно, имеем в виду высокое качество этой самой жизни. Вопрос далеко не праздный. Изменение физических кондиций, препятствующее выполнению некогда привычных задач, необходимость психологической адаптации к новым состояниям, возможностям, отношению со стороны близких и внешнего окружения, утрата социальных статусов и ролей, а также субъективное восприятие происходящих биопсихосоциальных трансформаций конструируют множество индивидуальных траекторий старения. Принимая во внимание комплексный характер старения, включающий всю совокупность биопсихосоциальных компонентов, обеспечение его качества представляется крайне амбициозной задачей, решение которой требует согласованных усилий всех заинтересованных в нем структур и институтов на всех уровнях организации социальной системы.

На государственном уровне данная проблема решается введением системы определенных

Таблица 1 – Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы (на 01.01.2022)

Table 1 – The number of women per 1000 men of the corresponding age group (as of 01.01.2022)

Возрастные группы	Все население	Городское	Сельское
50–54	1 130	1 161	1 046
55–59	1 229	1 298	1 095
60–64	1 358	1 442	1 186
65–69	1 598	1 697	1 359
70 и более	2 261	2 324	2 089

Источник: Рассчитано авторами на основе: Демография. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 19.01.2023).

показателей, список которых был утвержден еще в 2014 г. К ним, среди прочего, относятся обеспечение охвата социальными услугами не менее 90 % пожилых людей из числа выявленных граждан, нуждающихся в услугах, создание условий для увеличения продолжительности жизни граждан пожилого возраста, проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания, в среднем до 72–74 лет, создание (введение) в учреждениях стационарного социального обслуживания дополнительных койко-мест, соблюдение установленных норм площади спален на одного человека, создание условий для функционирования во всех субъектах Российской Федерации (в городах и районных центрах) «Университетов третьего возраста» с охватом обучающихся в них пожилых людей, в среднем по субъекту, до 500 человек и другие показатели, характеризующие целевые результаты программы³. Подтверждением серьезности намерений служат данные об объемах средств, расходуемых на их реализацию.

На деле данные Росстата пока не дают оснований говорить, что ситуация с системой социального обслуживания пожилых серьезно меняется, по крайней мере, если мы рассматриваем количественные показатели. Численность стационарных учреждений социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых) скорее падает, чем растет. Не увеличивается значимо и число мест в подобных учреждениях (рисунок 1).

По данным Минтруда России на 1 января 2017 г., численность специализированных отделений

² Рассчитано авторами на основе: Старшее поколение. 1.1 Численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 19.01.2023).

³ О реализации мероприятий региональных государственных программ повышения качества жизни пожилых людей // Минтруд России. 2014. 28 мая. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/94> (дата обращения: 24.12.2022).

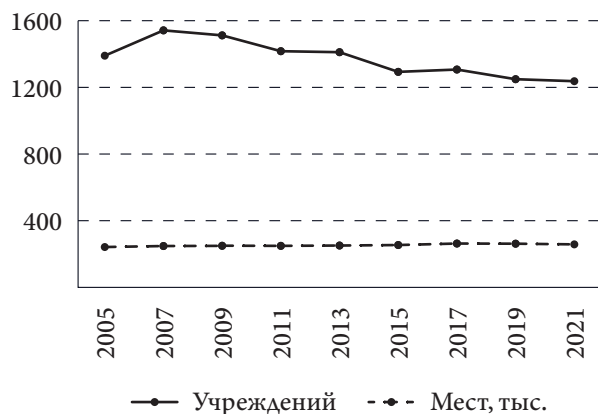
социально-медицинского обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов за шесть лет (с 2011 по 2017 гг.) уменьшилась почти в три раза с 1619 до 588, также в 2,7 раза (с 16784 до 6220 чел.) снизилась численность социальных работников в этой сфере и в 2,3 раза число обслуживаемых граждан (с 90 тыс. до 39 тыс. чел.)⁴. За тот же период постепенно снижалось и число Центров социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов на дому, количество отделений временного и дневного пребывания в них, число мест в отделениях и, соответственно, численность обслуженных в них (таблица 2). Стоит добавить, что при сохранившейся потребности в надомном обслуживании число отделений социального обслуживания на дому сократилось, как и численность социальных работников при возрастающей на них нагрузке (таблица 2). То же можно сказать и об отделениях срочного социального обслуживания граждан этой категории⁵. Исключением за указанный период стали только социально-оз-

доровительные центры⁶, число которых выросло более, чем в полтора раза, но их общее количество настолько мало (50), что вряд ли способно покрыть потребности этой практически полностью нуждающихся в данных услугах категории населения. Если произвести несложные расчеты, лишь 0,2 % лиц старше трудоспособного возраста могут получить возможность обслуживания в таких учреждениях (70 тыс. обслуженных за 2017 г. по отношению к 36685 тыс. граждан этой возрастной группы на 01.01.2017).

В результате, судя по данным выборочного обследования Росстата в 2021 г., получается очень странная картина: доля не состоящих на социальном обслуживании граждан не опускается ниже 90 % во всех исследуемых группах в целом старше трудоспособного возраста, имеющих установленную группу инвалидности, трудности в осуществлении обычной деятельности разной степени вплоть до «почти или полностью прикованных к постели»⁷. По данным того же обследования, 71 % имеющих группу инвалидности нуждаются в каких-либо приспособлениях или технических средствах в повседневной жизни, и 97 % ими обеспечены в полном или не в полном объеме. Но только каждый пятый (22 %) получил их бесплатно, остальные приобрели необходимое либо частично (13 %), либо полностью (65 %) за счет собственных средств. Причины необеспеченности в большинстве своем банальны: отказ государственных служб в предоставлении технических средств по разным «объективным» причинам (40 %), неудовлетворительное качество или непригодность для использования (25 %), другие (35 %)⁸. И еще несколько цифр. Почти каждый шестой (16 %) с группой инвалидности, согласно исследованию, нуждался в осуществлении на дому медицинских или санитарно-гигиенических процедур. Подавляющее большинство их получали (97 %), но от прикрепленных социальных или меди-

⁴ Старшее поколение. 3.8.3 Специализированные отделения социально-медицинского обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.01.2023).

⁵ Старшее поколение. 3.8.6 Социально-реабилитационные службы, обслуживающие граждан пожилого возраста и инвалидов в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.01.2023).

Источник: Рассчитано авторами на основе: Старшее поколение. 3.8.1 Стационарные организации социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. URL <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 19.01.2023).

Рис. 1. Численность стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых)

Fig. 1. The number of stationary social service institutions for the elderly and disabled (adults) Federation for the period 2011–2020, thousand people

⁶ Старшее поколение. 3.8.7 Социально-оздоровительные центры, обслуживающие граждан пожилого возраста и инвалидов в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.01.2023).

⁷ Старшее поколение. 3.8.8 Охват социальным обслуживанием, формы его получения и причины неполучения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.01.2023).

⁸ Старшее поколение. 3.8.9 Обеспеченность и нуждаемость в обеспечении необходимыми в повседневной жизни приспособлениями (техническими средствами) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.01.2023).

Таблица 2 – Центры и отделения социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов в Российской Федерации (на 1 января соответствующего года)**Table 2** – Centers and departments of social services at home for elderly and disabled citizens in the Russian Federation (as of January 1 of the corresponding year)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Центры социального обслуживания							
Число центров	2185	2196	2200	1985	1988	1895	1882
<i>из них отделений:</i>							
временного проживания	528	510	477	415	394	350	342
дневного пребывания	929	833	807	735	816	773	789
<i>Число мест в отделениях:</i>							
временного проживания	10968	10745	10171	8942	8769	8101	7742
дневного пребывания	23212	22009	21830	19761	20907	18218	19233
<i>Численность обслуженных лиц в отделениях (за год), чел.:</i>							
временного проживания	34835	33295	31835	29433	28180	23345	20483
дневного пребывания	572662	467169	400170	290156	289868	219957	196627
Отделения социального обслуживания на дому							
Число отделений	11395	11311	11230	10324	9784	8780	8609
Численность социальных работников, фактически работающих, чел.	172526	171185	169475	159432	154118	141517	135983
<i>Численность граждан пожилого возраста и инвалидов:</i>							
зарегистрированных для надомного обслуживания, чел.	1120801	1101881	1102549	1099755	1158398	1142153	1138934
<i>Численность обслуживаемых граждан пожилого возраста и инвалидов:</i>							
всего, чел.	1088921	1086821	1090105	1088347	1151243	1138994	1138038
в процентах от общей численности зарегистрированных	97,2	98,6	98,9	99,0	99,4	99,7	99,9
Численность граждан пожилого возраста и инвалидов, состоящих на учете и ожидающих своей очереди для принятия на надомное обслуживание, человек	31880	15060	12444	11408	7155	3159	896
Нагрузка на одного социального работника, чел.	6,5	6,4	6,5	6,9	7,5	8,1	8,4

Источник: Рассчитано авторами на основе: Старшее поколение. 3.8.2 Центры и отделения социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов в Российской Федерации. Доступ через: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.01.2023).

цинских работников только немногим больше трети (37 %), в остальных случаях это были знакомый медресотник (9 %) или специально нанятый человек (15 %). Но чаще всего – родные или знакомые (62 %), особенно, если уход требовался за лежачим больным (89 %). Как следствие, 38 % получили услуги бесплатно в государственных (муниципальных организациях), остальные – частично или полностью оплачивали их государственным или частным организациям⁹.

Стоит отметить, что возрастная группа старше 50-ти лет объективно менее ресурсна, чем представители молодых возрастов [2, 3]. Это касается как «материальных», так и «физических»

ресурсов. В старших возрастных группах снижается доля работающих и, соответственно, количество рабочих часов в неделю. Максимально экономически активна группа 50–59-летних, что понятно: почти две трети из них работают (67 % мужчин и 60 % женщин). Среди 60–69-летних работающих уже четверть (26 % мужчин и 23 % женщин), а в группах 70–80-летних человек, занятый трудовой деятельностью, – исключение, таких в среднем не более 5 %. Предсказуемо падает количество рабочих часов в неделю, а за ними статистически заметно снижаются и доходы, особенно у мужчин (таблица 3).

То же можно сказать и о состоянии здоровья. Это еще одно слабое звено в цепочке ресурсов старших групп, которое практически совсем не оценивается как «очень хорошее», но зато иногда бывает «совсем плохим» [3]. Серьезно ухуд-

⁹ Старшее поколение. 3.8.10 Получение и нуждаемость в получении на дому медицинских и санитарно-гигиенических процедур // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.01.2023).

Таблица 3 – Экономические характеристики респондентов старше 50 лет, % (RLMS, 2020)

Table 3 – Economic characteristics of respondents over 50 years old, % (RLMS, 2020)

Пол	Возраст	Наличие работы, %	Количество рабочих часов в неделю	Доход, тыс. руб.
Мужчины	50–59 лет	67	31.1	27.0
	60–69 лет	26	11.6	21.8
	70–79 лет	7	3.1	21.0
	80 и старше	3	1	26.1
Женщины	50–59 лет	60	24.4	23.9
	60–69 лет	23	9.0	20.8
	70–79 лет	3	1.3	18.9
	80 и старше	1	0.2	23.6

шаются его как субъективные, так и объективные показатели. Каждые десять лет группы, считающие свое состояние здоровья «хорошим», уменьшаются приблизительно в два раза как у мужчин, так и женщин. На седьмом десятке «хорошим» свое здоровье называют только 17 % мужчин и 11,5 % женщин, а 18 % и мужчин, и женщин уже считают его «плохим». Параллельно растет число лиц, имеющих инвалидность: в группе 60–69-летних это почти каждый 5-ый (17 %) мужчина и почти каждая 7-ая (13 %) женщина, а в самых старших возрастах таких в среднем уже треть.

Отдельно отметим и поселенческий аспект: картина старения в большом городе с достаточным объемом социальной и медицинской инфраструктуры и сетью культурно-досуговых учреждений значительно отличается от таковой на селе [4, 5]; она определяется основными видами активности на посттрудовом этапе социализации и соответствующими рисками.

Учитывая нехватку ряда ресурсов, активность пожилых значительно менее высока, несмотря на свободное время, которое появляется с выходом на пенсию. С одной стороны, активность в сфере ухода и помощи (по хозяйству) другим членам семьи возрастает именно в старших возрастах, хотя доля лиц, осуществляющих такой уход, не велика (не более 10 %) [3]. У женщин максимальная активность наблюдается в возрасте от 50-ти до 70-ти лет, когда на помощь детям /внукам тратится в среднем 2–2,5 часа в неделю. Мужчины значительно меньше вовлечены в данный процесс, тем не менее есть и исключения – «уход за членами семьи (кроме детей), с которыми живете», на который пред-

Таблица 4 – Состояние здоровья респондентов старше 20 лет, % (RLMS, 2020)

Table 4 – Health status of respondents over 20 years old, % (RLMS, 2020)

Пол	Возраст	Самооценка состояния здоровья			Наличие инвалидности
		хорошее	среднее	плохое	
Мужчины	50–59 лет	35	56	9	11
	60–69 лет	17	65	18	17
	70–79 лет	10	59	31	29
	80 и старше	5	47	48	31
Женщины	50–59 лет	24	67	9	6
	60–69 лет	11,5	70	18,5	13
	70–79 лет	5,5	61	33,5	23
	80 и старше	6	42	52	38

ставители сильного пола до самой старости тратят максимальное для них количество часов (2 часа в неделю). Активность «слабого» пола в самых старших группах падает.

С другой стороны, активность в остальных сферах снижается обратно пропорционально возрасту [6]. Согласно исследованию Росстата 2018 г., какими-либо активными видами отдыха занимались четверть лиц старше трудоспособного возраста (25,4 %) среди способных вести активный образ жизни и более трети в целом по выборке (36,7 %); посещали кинотеатры, музеи, театры, выставки каждый 10-й (10,1 %) против каждого 5-го (19,4 %); совершали экскурсионную или туристическую поездку 38,3 % против 51,6 %¹⁰.

Пенсионная реформа 2018 г. оказалась второй после монетизации льгот в 2004 г. социальной революцией, вызвавшей заметные проявления народного недовольства [7, 8]. Если посмотреть на данную меру в контексте развитых в социально-экономическом отношении стран, среди которых Россия пытается найти свое место, то ничего одиозного в ней нет, тем более что существует вполне гуманный переходный период к новым значениям пенсионного возраста. Например, в Исландии, Италии и Норвегии мужчины выходят на пенсию в 67, а женщины – в 64 года; в Германии законодательно утверждено повышение пенсионного возраста

¹⁰ Старшее поколение. 7.1 Посещение лицами старших возрастов каких-либо развлекательных и спортивных мероприятий в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 18.01.2023).

для мужчин до 67 лет уже к 2029 г., а, например, Дания к 2035 г. планирует поднять пенсионный возраст до 72 лет¹¹.

Однако наряду с законодательно установленным возрастом выхода на пенсию нельзя не учитывать и другой, не менее важный, показатель – среднюю продолжительность жизни, увеличение которого стало главным фактором социальной легитимации реформы 2018 г. в России. Обратимся вновь к международному опыту. Средняя продолжительность жизни (по обоим полам) в Германии составляет 80 лет, в Португалии, Италии и Греции – 82 года, в Испании – 83¹². Важно отметить, что эти показатели не снижаются на протяжении более 15 лет, и их фактически никак не скорректировала даже пандемия COVID-19.

Несмотря на фиксирующийся рост средней продолжительности жизни, значение данного показателя в России в 2022 г. находится на уровне 72,8 года¹³. Однако оправданное, со статистической точки зрения, указание средней продолжительности жизни по обоим полам в России позволяет заретушировать драматическую разницу по этому показателю между мужчинами и женщинами, в большинстве регионов превышающую десять лет. Средний возраст российского мужчины в 66 с небольшим лет фактически лишает возможности пожить на пенсии и исполнить весь репертуар социальных ролей, присущих посттрудовому этапу жизни. Отодвигание границ «третьего возраста» для мужчин фактически означает его ликвидацию: прекращение трудовой занятости для усредненного большинства по времени практически совпадает с уходом из жизни. Отдельно отметим, что на общероссийском фоне ситуация в Нижегородской области выглядит еще менее оптимистичной. Признать повышение пенсионного возраста мерой, способствующей улучшению качества жизни пожилых, весьма проблематично, и любые дискуссии в этой сфере оказываются весьма болезненными [9].

¹¹ Entwicklung des durchschnittlichen Renteneintrittsalters in Deutschland in den Jahren von 1960 bis 2021. URL: <https://de.statista.com/themen/154/rente> (дата обращения 20.02.2023).

¹² Durchschnittliche Lebenserwartung in Europa bei der Geburt im Jahr 2022 nach Region(in Jahren). URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/199596/umfrage/lebenserwartung-in-europa-nach-geschlecht-und-region/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹³ Голикова: Ожидаемая продолжительность жизни в РФ в 2022 году увеличилась до 72,6 года. URL: <https://rg.ru/2023/02/15/golikova-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-v-2022-godu-vyroslo-do-726-goda.html> (дата обращения 13.02.2023).

Исследования Института социологии в рамках проекта «Здоровье, здравоохранение и бедность в России», проведенные в 2004–2006 гг. под руководством Н. Е. Тихоновой [10], показали, что повышение пенсионного возраста не только не приведет к повышению уровня жизни, но и может повлечь массовый выход на пенсию по инвалидности, утрату человеком остаточных физиологических ресурсов. Конечно, повышение пенсионного возраста не помешает тем, кому удалось сохранить силы и здоровье, ведь на пенсию прожить почти нереально; для остальных получение инвалидности может оказаться единственной возможностью не пополнить российскую статистику сверхсмертности. На этом фоне открыто признается проблема ухудшения качества трудовых ресурсов в старших возрастных группах именно в части снижения показателей соматического здоровья [11].

Признавая беспрецедентно важную роль медицинских учреждений в здоровьесбережении населения, особенно неоднозначной выглядит идея оптимизации здравоохранения, проводимая с самого начала 2000-х гг. [12]. Она заключалась в оптимизации расходов за счет закрытия неэффективных больниц и расширения использования высокотехнологичных медучреждений. В 2017 г. эксперты Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) на основании данных Росстата отметили, что в период с 2000 по 2015 гг. количество больниц в России уменьшилось в два раза – с 10,7 тыс. до 5,4 тыс. Количество поликлиник за тот же период снизилось на 12,7 % – до 18,6 тыс. учреждений. Вслед за больницами за 15 лет сократилось и количество больничных коек – в среднем на 27,5 %, до 1,2 млн, в сельской местности сокращение мест заметнее – почти на 40 %¹⁴.

Разговоры о том, что с возрастом повышается потребность в медицинском обслуживании, излишни – именно с ухудшением физических и психических возможностей ассоциируется старение в массовом сознании, а доступность и качество медицинской помощи является одним из факторов и здорового старения, и активного долголетия, и продолжительности жизни [13]. Не ставя под сомнение идею оптимизации как

¹⁴ Здравоохранение. Число больничных организаций на конец отчетного года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 20.03.2023).

Таблица 5 – Наличие возможности и устройств для выхода в Интернет у лиц старше трудоспособного возраста, %
Table 5 – Availability of opportunities and devices for accessing the Internet among persons older than working age, %

	Год опроса	Все респонденты	Из них			
			старше трудоспособного возраста	в т. ч. в возрасте, лет		
				55–59	60–69	70 и более
Доля лиц, имеющих возможность для выхода в Интернет	2011	51,3	15,3	30,5	18,2	5,7
	2016	70,9	35,5	60,1	40,8	14,0
из них имеют: персональный компьютер и/или портативный компьютер	2011	93,5	93,9	93,6	95,7	...
	2016	65,5	33,7	56,6	39,0	13,3
мобильный телефон	2011	28,6	11,9	14,7	11,4	...
	2016	46,9	11,9	26,2	12,7	3,1

Источник: Рассчитано авторами на основе: Старшее поколение. 6.1 Наличие устройств для выхода в интернет у лиц старше трудоспособного возраста в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 18.01.2023).

таковой, мы не можем не проблематизировать подход, выбранный для ее проведения. Медицину решили централизовать: построить высокотехнологичные центры, всех врачей-специалистов перевести в крупные поликлиники, где пациенты могут получить качественную помощь. Но в российских реалиях проект оказался утопией. Во-первых, у нас немыслимые расстояния. Во-вторых, дороги оставляют желать лучшего. В-третьих, не у каждого есть машина, а на общественном транспорте, который ходит в районный или региональный центр в лучшем случае два раза в сутки, не наездишься.

«Оптимизация» привела к тому, что численность занятых в здравоохранении стала уменьшаться. Если в 2005 г. в государственных и муниципальных медицинских учреждениях работало 4,1 млн. человек, то в 2016 г. их осталось 3,8 млн. Численность врачей за этот же период сократилась с 690 до 681 тысячи¹⁴. А ведь объективная потребность в медицинских услугах не стала меньше, а, наоборот, увеличивается по мере старения населения.

Еще один популярный тренд, грозящий ростом социальной эксклюзии старшего поколения, – это повальная цифровизация сервисов и услуг, ранее оказываемых в «аналоговом» режиме: запись к врачу или оплата коммунальных услуг. Интеграция реального пожилого человека в виртуальное пространство требует предварительной ликвидации так называемого «цифрового неравенства», приобретения ранее неведомых компетенций, технического оснащения, перестройки привычного образа жизни [14, 15]. Префигуративная культура, в которой субъектами передачи знаний становятся дети

и внуки, а реципиентами – родители и прародители, нуждается в институциональных механизмах реализации с целью дальнейшего снижения дезадаптации и без того социально уязвимой социальной группы [16].

Взаимодействие лиц третьего возраста с миром информационных технологий давно признается фактором активного долголетия и социальной интеграции пожилых [17, 18]. И здесь стоит обратить внимание на ряд моментов. Согласно опросам Федеральной службы государственной статистики, за пять лет (с 2011 по 2016 гг.) доля лиц, имеющих доступ в Интернет, в целом выросла в 1,5 раза (с 51 % до 72 %, см. таблицу 5), среди представителей возрастов старше трудоспособного – больше, чем в два раза (с 15 % до 35,5 %). В то же время доля относительно высокая только среди условно «молодых», 50–59-летних, и составила 60 % в 2016 г. Для большинства лиц более старшего возраста выход в Интернет невозможен, это касается и 60–69-летних (только 41 % из них имеют такой доступ), и тем более представителей группы за 70 лет (здесь доступ есть только у каждого 7-го). Судя по тому же опросу, даже среди тех, кто имеет доступ в виртуальное пространство, не все имеют для этого собственное устройство (в целом в группе старше трудоспособного возраста в 2016 г. таких было чуть меньше 46 %), а значит, вынуждены прибегать к посторонней помощи.

Как следствие, большинство пожилых даже сегодня не пользуются услугами, предоставляемыми через Интернет. В 2021 г. товары таким образом заказывали чуть больше трети (36,7 %) горожан и каждый пятый житель сельской местности (22,4 %) старше 50 лет, государствен-

ные и муниципальные услуги получали 58 % представителей городского населения и 41 % сельского. И снова большинство из них – лица 50–59 лет¹⁵. Данных о получающих услуги старше 72 лет Росстат не приводит. Однако репертуар стратегий использования потенциала сетевых ресурсов данными видами активности не исчерпывается [19, 20], а число их пользователей неизбежно будет расти в силу объективного характера процессов цифровизации и старения населения.

¹⁵ Старшее поколение. 6.3 Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и (или) услуг, по типам поселения и половозрастным группам; 6.5 Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, по типам поселения и половозрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 18.01.2023).

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Подводя итоги, необходимо отметить очевидное расхождение между декларируемыми целями социальной политики в отношении пожилых и мерами, предпринимаемыми в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Повышение пенсионного возраста, сворачивание сети медицинских и социальных учреждений, относительно низкая вовлеченность пожилых в информационные технологии – все это не может быть расценено как совокупность мер, способствующих достижению активного долголетия и высокого качества жизни постоянно растущей социально-демографической группы. Это особенно важно в контексте проблематики сохранения населения в условиях низкой рождаемости, характерной для Нижегородского региона и большинства «нестоличных» городов-миллионеров. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Синявская О. В., Червякова А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 5 (171). С. 94-121. EDN GNFMLV.
2. Григорьева И. А., Колосова Г. В. Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми // *Успехи геронтологии*. 2021. Т. 34, № 6. С. 919-927. EDN GDOTKD.
3. Егорова Н. Ю., Кутявина Е. Е. Ресурсный потенциал пожилого человека – реализация в семье // *Старшее поколение современной России*: монография / под ред. З. Х.-М. Саралиевой. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 31-48. EDN IARJSA.
4. Рогозин Д. М. Старость в сельской России // *Пути России. Границы политики*: сборник статей XXV Международного симпозиума (Москва, 30-31 марта 2018 г.) / под ред. М. Г. Пугачевой. М.: Дело, 2019. С. 273-288. EDN GOGMQC.
5. Ильдарханова Ч. И. Переоткрытие социальной реальности города и села // *Вестник МГИМО Университета*. 2014. № 6 (39). С. 228-235. EDN TFANPH.
6. Нацун А. Н. Установки и практики активного долголетия среди лиц с инвалидностью и без неё // *Siberian Socium*. 2022. Т. 6, № 4 (22). С. 77-94. EDN ANUVAV.
7. Ермилова А. В., Судьин С. А., Судариков А. А. О пенсионной реформе как о «Троянском коне» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2019. № 2 (54). С. 106-111. EDN NYFXBL.
8. Саралиева З. Х. М., Судьин С. А., Ермилова А. В. Пенсионная реформа как источник конструирования социальных рисков: когортный аспект // *Личность. Культура. Общество*. 2019. Т. 21, № 1-2 (101-102). С. 143-152. EDN HFQWSI.
9. Судьин С. А., Исакова И. А. Новая парадигма старения по-российски // *Социальная политика и социология*. 2018. Т. 17, № 3 (128). С. 83-90. EDN YTCQVV.
10. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа: монография. М.: Институт социологии РАН, 2007. 319 с. EDN QBAOSB.
11. Анищенко Е. Б., Транковская Л. В., Важенина А. А., Тарасенко Г. А. Состояние здоровья, как фактор, влияющий на трудовую деятельность работающих лиц пожилого возраста // *Медицина труда и промышленная экология*. 2022. Т. 62, № 5. С. 311-321. EDN BRJTNG.
12. Васильцова Л. И. Жесткая оптимизация системы здравоохранения приведет к «расчеловечиванию» общества // *Дискуссия*. 2017. № 8 (82). С. 6-15. EDN ZOFOAV.
13. Мельникова Л. А., Поленова С. Н. Объемы

медицинской помощи и их взаимосвязь с состоянием здоровья пожилого населения // *Economic Sciences*. 2020. № 192. С. 301-304. EDN SWXAYO.

14. Видясова Л. А., Григорьева И. А. Международный симпозиум «Цифровое здравоохранение и перспективы развития концепции активного долголетия» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. 25, № 3. С. 259-266. EDN OWRKWO.

15. Карапетян Р. В., Лебедева Е. В., Титаренко А. Г. Техноэйджизм и техноповедение пожилых горожан: результаты российских и белорусских исследований // *Успехи геронтологии*. 2021. Т. 34, № 2. С. 311-318. EDN VZEAQR.

16. Корнилова М. В. Интернет как адаптационный ресурс пожилых пользователей // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2018. Т. 18, № 3. С. 250-259. EDN YASVWH.

17. Саргаева Л. А., Бахрунова В. С., Копалкина Е. Г. Цифровые технологии и качество жизни пожилых людей в современных условиях // *Социальная компетентность*. 2023. Т. 8, № 1 (27). С. 119-128. EDN MXSXQC.

18. Алексеева О. А., Бестужева О. Ю., Вершинская О. Н., Скворцова Е. Е. Адаптация пенсионеров к интернет-среде // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9, № 2. С. 150-164. EDN XTXUQH.

19. Григорьева И. А. Социолог в поле цифровизации медицины для пожилых // *Успехи геронтологии*. 2022. Т. 35, № 4. С. 589-590. EDN GGQYNE.

20. Галкин К. А. Стратегии использования онлайн-сообществ здоровья пожилыми людьми в сельской местности // *Цифровая социология*. 2022. Т. 5, № 3. С. 88-96. EDN ATDANI.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – доктор исторических наук, профессор; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (профессор кафедры общей социологии и социальной работы; 603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23); zara@fsn.unn.ru. AuthorID РИНЦ: 144343, ORCID: 0000-0002-4825-1584.

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, доцент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы; 603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23); sudjin@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 445007, ORCID: 0000-0002-3625-6804.

Егорова Надежда Юрьевна – доктор социологических наук, доцент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (профессор кафедры общей социологии и социальной работы; 603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23); nadegorova@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 317483, ORCID: 0000-0002-5914-8021.

Статья получена: 12.04.2023. Заключение рецензента: 20.04.2023. Принята к печати: 25.04.2023.

THE QUALITY OF LIFE OF THE ELDERLY VS SOCIAL POLICY IN RUSSIA

Saralievа Z. Kh.^a, Sudin S. A.^a, Egorova N. Yu.^a

^a National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ABSTRACT:

The quantitative and qualitative results of the implementation of measures aimed at promoting active longevity and improving the quality of life of the elderly in Russia in the context of current socio-economic and demographic trends are analyzed using the data of the Russian Monitoring of Economic Situation and Population Health (RLMS-HSE), Federal State Statistics Service, Rosstat studies using comparative analysis.

Population ageing is recognized as an objective global trend, which is unlikely to reverse in the coming decades. This places particular demands on government social policy, which determines the overall direction of efforts to preserve the population and increase its activity at older ages. Russia is distinguished from most European countries by its significantly lower life expectancy against the background of a relatively high retirement age. As a result, for the average Russian man, retirement actually coincides with his passing. The declared increase of life expectancy by almost three years in 2022 as compared to 2021 is associated with lower mortality from COVID-19 and is unlikely to be seen as a result of the government's social policy.

It is concluded that the measures taken do not correspond to the declared objectives of social policy in relation to the older generation, as evidenced by the increase in the retirement age against the background of sluggish growth in life expectancy. The winding down of the network of social and medical institutions under the guise of "optimization" despite the growing need for them at older ages; a comparatively low level of digital literacy of older people, which, contrary to expectations and purpose, hinders their social integration process.

The findings are particularly important for demographically depressed regions of Russia due to their increased need for population retention because of low birth rates, migration outflows and negative dynamics in the age structure.

KEYWORDS: organization, macroeconomic situation, labour market, hospitality and catering business, macroeconomic indicators.

FOR CITATION: Saraliev Z. Kh., Sudin S. A., & Egorova N. Yu. (2023). The quality of life of the elderly vs social policy in Russia. *Management Issues*, 17(2), 58–69. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-58-69>.

REFERENCES

1. SINYAVSKAYA, O. V., & CHERVYAKOVA, A. A. (2022). Active aging in Russia during economic stagnation: What can we learn from the dynamics of the active ageing index? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 94–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043>.
2. GRIGOREVA, I. A., & KOLOSOVA, G. V. (2021). Social interactions in long-term care. *Advances in Gerontology*, 34(6), 919–927. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014>.
3. EGOROVA, N. YU., & KUTYAVINA, E. E. (2022). Resource potential of the elderly person: Realization in the family. In Z. Kh.-M. Saraliev (Ed.), *The older generation of modern Russia* (pp. 31–48). Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. <https://elibrary.ru/iarjca>.
4. ROGOZIN, D. M. (2019). Old age in rural Russia. In M. G. Pugacheva (Ed.), *Ways of Russia. Policy boundaries* (pp. 273–288). Delo. <https://elibrary.ru/gogmqc>.
5. ILDARKHANOVA, CH. I. (2014). Rediscovery of social reality of the city and the village: Methodological novations of the study of life space dynamics. *MGIMO Review of International Relations*, (6), 228–235. <https://elibrary.ru/tfanph>.
6. NATSUN, L. N. (2022). Attitudes and practices of active longevity among persons with and without disabilities. *Siberian Socium*, 6(4), 77–94. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-4-77-94>.
7. ERMILOVA, A. V., SUDIN, S. A., & SUDARIKOV, A. A. (2019). The pension reform as a Trojan horse. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (2), 106–111. <https://elibrary.ru/nyfxbl>.
8. SARALIEVA, Z. KH. M., SUDIN, S. A., & ERMILOVA, A. V. (2019). Pension reform as a source of constructing social risks: A cohort aspect. *Person. Culture. Society*, 21(1-2), 143–152. <https://doi.org/10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-143-152>.
9. SUDIN, S. A., & ISAKOVA, I. A. (2018). A new paradigm of aging in Russian. *Social policy and sociology*, 17(3), 83–90. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2018-17-3-83-90>.
10. TIKHONOVA, N. E. (2007). *Social stratification in modern Russia: Experience of empirical analysis*. Institute of Sociology of the RAS. <https://elibrary.ru/qbaocb>.
11. ANISHCHENKO, E. B., TRANKOVSKAYA, L. V., VAZHENINA, A. A., & TARASENKO, G. A. (2022). The state of health as a factor affecting the work activity of working elderly people. *Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*, 62(5), 311–

321. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-5-311-321>.

12. VASILTSOVA, L. I. (2017). The strict optimization of the healthcare system will lead to “dehumanization” of our society. *Discussion*, (8), 6–15. <https://elibrary.ru/zofaov>.

13. MELNIKOVA, L. A., & POLENOVA, S. N. (2020). Volumes of medical care and their relationship to the health status of the elderly population. *Economic Sciences*, (192), 301–304. <https://doi.org/10.14451/1.192.301>.

14. VIDYASOVA, L. A., & GRIGOREVA, I. A. (2022). International symposium “Digital healthcare and prospects for the development of the concept of active longevity”. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(3), 259–266. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.11>.

15. KARAPETYAN, R. V., LEBEDEVA, E. V., & TITARENKO, L. G. (2021). Technoagism and technical behavior of the elderly citizens: Results of Russian and Belarusian researches. *Advances in Gerontology*, 34(2), 311–318. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.2.019>.

16. KORNILOVA, M. V. (2018). The internet as an

adaptive resource for older users. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 18(3), 250–259. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259>.

17. SARGAEVA, L. A., BAKHRUNOVA, V. S., & KOPALINA, E. G. (2023). Digital technologies and the quality of life of the elderly in modern conditions. *Social Competence*, 8(1), 119–128. <https://elibrary.ru/mxsxqc>.

18. ALEKSEEVA, O. A., BESTUZHEVA, O. YU., VERSHINSKAYA, O. N., & SKVORTSOVA, E. E. (2018). Adaptation of pensioners to the Internet environment. *Social Psychology and Society*, 9(2), 150–164. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090210>.

19. GRIGOREVA, I. A. (2022). Sociologist in the field of digitalization of medicine for the elderly. *Advances in Gerontology*, 35(4), 589–590. <https://elibrary.ru/ggqyne>.

20. GALKIN, K. A. (2022). Strategies for using online health communities by elderly people in rural areas. *Digital Sociology*, 5(3), 88–96. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-3-88-96>.

AUTHORS' INFORMATION:

Zarethan Kh. Saralievа – Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (professor of the department of general sociology and social work; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia); zara@fsn.unn.ru. RSCI AuthorID: 144343, ORCID: 0000-0002-4825-1584.

Sergey A. Sudin – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (head of the department of general sociology and social work; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia); sudjin@mail.ru. RSCI AuthorID: 445007, ORCID: 0000-0002-3625-6804.

Nadezhda Yu. Egorova – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (professor of the department of general sociology and social work; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia); nadegorova@yandex.ru. RSCI AuthorID: 317483, ORCID: 0000-0002-5914-8021.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT
and PUBLIC ADMINISTRATION

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «БОРЬБА С СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ» В КОНТЕКСТЕ ПРЕДОТВРАТИМЫХ ПРИЧИН В ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РОССИИ

Сабгайда Т. П.^а, Зубко А. В.^а, Семенова В. Г.^а

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Введение. В 2019 году в рамках Национального проекта «Здравоохранение» стартовал Федеральный проект «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» с целью снижения на четверть уровня смертности от инфарктов, инсультов и других сосудистых нарушений к 2024 году, прежде всего, трудоспособного населения России. Для успешной реализации мер политики в сфере здравоохранения в части борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями требуется корректировка мероприятий, предусмотренных федеральным проектом для достижения целевых показателей, а также переоценка целевых показателей с учетом сложившейся ситуации. Отдельным важным управленческим аспектом является оценка общей результативности проекта на фоне пандемии COVID-19, послужившей причиной существенного роста сердечно-сосудистой смертности.

Материалы и методы. Проанализирована смертность населения России в возрасте 5-64 лет в период 2003-2021 годы с выделением периодов быстрого и более медленного снижения смертности (2005-2013, 2013-2019) и периода пандемии (2019-2021 годы). Проводился сравнительный анализ показателей в разрезе пола, предотвратимой и не предотвратимой смертности, городских и сельских поселений.

Результаты. Динамика смертности от болезней системы кровообращения в целом среди населения в возрасте 5-64 лет сходна с динамикой предотвратимой смертности: коэффициент корреляции за период 1999-2021 годы равен 0,984 для мужской и 0,998 для женской смертности. Процент сердечно-сосудистой смертности мужчин относительно общей смертности с начала века до 2019 года практически не менялся (37,3 % в 2003 году и 35,5 % в 2019 году), у женщин он снизился с 38,6 % в 2003 году до 29,3 % в 2019 году. К 2021 году он снизился до 32,2 % и 23,5 % соответственно.

Обсуждение. Факт улучшения качества оказания медицинской помощи прослеживается в снижении доли острых сердечно-сосудистых событий в структуре смертности от ишемической болезни сердца. Применение концепции предотвратимой смертности к болезням системы кровообращения позволяет провести оценку уровня результативности и разработать практические рекомендации для дальнейшего снижения смертности, что соответствует всем компонентам процесса повышения эффективности при управлении.

Выводы. На основе полученных результатов сделан вывод, что концепция предотвратимой смертности применима в рамках класса «Болезни системы кровообращения», при этом методика позволяет получать более глубокие результаты анализа в отношении влияния факторов сердечно-сосудистого риска, что может служить доказательной базой результативности проектов в области борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями. С помощью этой методики показаны факты улучшения диагностических возможностей, доступности и качества оказания медицинской помощи при том, что основной вклад в снижение смертности от болезней системы кровообращения по-прежнему вносят рост социально-экономического благополучия населения и профилактические усилия, направленные на снижение распространенности поведенческих факторов риска.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управляемые причины смерти, уровни профилактики смертности, показатели эффективности здравоохранения, темпы роста смертности, сердечно-сосудистая смертность, результативность федерального проекта.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сабгайда Т. П., Зубко А. В., Семенова В. Г. Результативность федерального проекта «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» в контексте предотвратимых причин в городских и сельских поселениях России // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 71-85. EDN QWOSBY. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-72-85.

■ ВВЕДЕНИЕ

В 2019 году в рамках Национального проекта «Здравоохранение» стартовал Федеральный проект «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» с целью снижения на четверть уровня смертности от инфарктов, инсультов и других сосудистых нарушений к 2024 году. Хотя отмечается отсутствие универсального метода решения проблемы снижения смертности от сердечно-сосудистой патологии [1] и при этом требуется корректировка мероприятий, предусмотренных федеральными проектами для достижения целевых показателей, а также переоценка целевых показателей с учетом сложившейся ситуации [2], всё-таки предстоит оценивать общую результативность проекта на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции, послужившей причиной существенного роста сердечно-сосудистой смертности.

В международной практике результативность работы системы охраны здоровья населения оценивается с использованием концепции предотвратимой смертности путем анализа уровня и темпов снижения предотвратимой смертности – смертности от причин, управляемым первичной (предупреждение развития заболеваний), вторичной (раннее выявление заболеваний) или третичной (адекватное лечение) профилактикой. Было показано, что при реализации программ увеличения продолжительности жизни населения темпы снижения предотвратимой смертности были более выражены, чем темпы снижения непривратимой смертности [3].

Вклад предотвратимой смертности населения в странах Европейского союза (далее – ЕС) в общую смертность колеблется в диапазоне 10–30 %, тогда как в странах с низким уровнем экономического благополучия он составляет 40–50 % [4]. Самые большие различия в тенденциях смертности между странами связаны с причинами смерти, которые полностью или частично зависят от профилактических мер [5].

Методология применима и для сравнения территорий внутри одной страны: было показано, что уровень предотвратимой смертности выше в регионах с низким уровнем образования и слабым социально-экономическим развитием [6].

Снижение уровня предотвратимой смертности является результатом не только улучшения медицинского обслуживания населения, но и изменений в положительном векторе поведенческих и экологических факторов риска. Рациональные изменения в характере питания, условиях труда и жизни при улучшении социально-экономической ситуации также оказывают позитивное влияние на здоровье пациентов. В связи с этим результаты анализа динамики предотвратимой смертности являются не доказательством качества оказываемой медицинской помощи, а лишь маркером наличия каких-то проблем в ее качестве и эффективности, а также политики в области общественного здравоохранения [7]. Последнее обстоятельство делает целесообразным использовать предотвратимую смертность в качестве индикатора результативности реализации национальных программ снижения смертности.

В течение нескольких десятилетий прошлого века при анализе предотвратимой смертности исследователи использовали список причин Европейского Атласа предотвратимых причин здоровья населения. В нем 38 причин были разбиты на три группы по признаку влияния на них первичной, вторичной или третичной профилактики смертности [8]. К первой группе относятся причины, смерть от которых может быть предупреждена профилактикой возникновения заболевания. Эта группа включает в себя причины, значительно определяемые стилем жизни, в основном вредными привычками (наиболее важными из которых являются потребление табака и алкоголя) и внешними причинами смерти. Из класса болезней системы

кровообращения сюда относятся цереброваскулярные заболевания. Ко второй группе относятся причины, которые зависят от вторичной профилактики, а именно: своевременное выявление и начало лечения заболеваний на ранних стадиях патологического процесса. В эту группу входят злокачественные новообразования женских половых органов и кожи. К третьей группе относятся причины, которые не приводят к смерти при полноценном лечении на современном уровне. Здесь, как и для причин второй группы, важна синхронность работы разных служб системы здравоохранения. Из класса болезней системы кровообращения сюда относятся гипертоническая болезнь и хронические ревматические болезни сердца.

Для стран Восточной Европы исследователи при расчетах предотвратимой смертности возрастной период предотвратимости рассматривали от 5 до 64 лет включительно¹. Учитывая сравнительно короткую ожидаемую продолжительность российского населения, этот интервал предотвратимости остаётся актуальным для нашей страны и сегодня, хотя в большинстве расчетов для развитых стран интервал увеличен до 74 лет.

Определение причин смерти, принимаемых как предотвратимые, зависит от степени развития здравоохранения. К концу XX века в развитых странах смертность от причин, зависящих преимущественно от политик здравоохранения, достигла низких значений и сохраняет этот тренд. В странах ЕС до мая 2004 года смертность от причин первой группы практически не изменилась на фоне длительного снижения смертности, что подтверждает факт достижения такого уровня смертности от причин, который уже не может быть снижен силами системы здравоохранения. И наоборот, появление новых технологий позволяет предупреждать смерти от ранее непредотвратимых причин. В связи с чем списки предотвратимых причин смерти были заменены на поддающиеся лечению причины («amenable» или «treatable»). Причина смерти считается поддающейся лечению, если в свете медицинских знаний и технологий на момент смерти можно было бы избежать всех или большинство смертей от этой

причины (с учетом возрастных ограничений) с помощью качественного медицинского обслуживания. В начале этого века был разработан новый перечень предотвратимых причин, зависящих преимущественно от работы медицинских организаций² [9]. В них из всех болезней системы кровообращения вошли гипертоническая болезнь, хронические ревматические болезни сердца, цереброваскулярные заболевания, а также ишемическая болезнь сердца.

Цереброваскулярные болезни при стандартном анализе предотвратимой смертности были отнесены к первой группе (предупреждение возникновения заболеваний), поскольку их возникновение зачастую обусловлено злоупотреблением алкоголем, хотя это и не единственная причина. При этом смертность от инсультов существенно зависит от качества оказания медицинской помощи (третичная профилактика), что и стало причиной отнесения цереброваскулярных болезней к причинам смерти, управляемой исключительно деятельностью системы здравоохранения, в высокоразвитых странах, где потребление алкоголя меньше, чем в России. При этом было показано, что при современном развитии медицины хорошее медицинское обслуживание может противодействовать неблагоприятным последствиям вредных привычек, особенно смертности [10]. Поскольку качественное медицинское обслуживание обеспечивается наличием адекватных ресурсов для удовлетворения потребностей населения [11, 12], то в развитых странах смертность от цереброваскулярных болезней определяется именно качеством оказанной медицинской помощи.

Ишемическая болезнь сердца в новом списке причин была представлена как отдельная группа, потому что на большую часть смертей от нее могли влиять мероприятия служб здравоохранения, направленные на другие заболевания [8]. При этом в их концепции учитывается только 50 % смертей от ишемической болезни сердца, поскольку ишемическую болезнь сердца можно рассматривать и как поддающуюся лечению, и как предотвратимую причину смерти. Из факторов риска, на которые можно повлиять, относятся курение, гиперхолестеринемия, артериальная гипертензия, избыточная масса тела, низкая физическая активность, наличие сахар-

¹ Holland, W. W. (Ed.). (1997). *European Community Atlas of Avoidable Death*. Commission of the European Communities Health Services Research Series Oxford Medical Publications.

² Nolte, E., & McKee, M. (2004). *Does health care save lives? Avoidable mortality revisited*. The Nuffield Trust.

ного диабета, злоупотребление алкоголем, частые стрессы. Так, австралийские исследователи разделили предотвратимые причины на три категории, выделив в отдельную группу ишемическую болезнь сердца, наряду с группами причин, поддающихся лечению и реагирующих на политику в области здравоохранения [13]. Авторы показали, что и в Австралии, и в странах, входивших в состав Евросоюза до мая 2004 года за период 1968-2001 годы при снижении смертности от причин, поддающихся лечению, на 32% среди мужчин и на 54% среди женщин, смертность от ишемической болезни сердца снизилась на 57% и 45%, а от причин, поддающихся вмешательству политики здравоохранения, на 11% и 1% соответственно. Своевременное применение коронарных процедур (сцентирование, коронарография, ангиопластика и аортокоронарное шунтирование) минимизирует риск смерти пациентов с ишемической болезнью сердца, как минимум, в трудоспособном возрасте. Разработка и внедрение этих процедур в странах с высокоразвитой экономикой пришла как раз на к. 60-х – нач. 70-х годов [14]. Развитие сети сосудистых центров в нашей стране с 2008 года также отразилось на снижении смертности от ишемической болезни сердца [15], что позволяет рассматривать эту причину смерти как предотвратимую.

Соответственно, используя концепцию предотвратимой смертности, все остальные сердечно-сосудистые заболевания можно рассматривать как причины непродолжительной смертности. Можно предположить, что анализ предотвратимых и непродолжительных причин только сердечно-сосудистой смертности позволит сделать заключения, аналогичные классическим результатам предотвратимой смертности.

Целью нашего исследования был анализ возможности применения концепции предотвратимой смертности для анализа изменений смертности от болезней системы кровообращения в целях оценки соответствующей деятельности системы здравоохранения.

■ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе официальных данных статистики проанализирована смертность населения России за период с 2003 по 2021 годы, включивший этапы социального оздоровления и период пандемии COVID-19.

Оценивались периоды быстрого и медленного снижения смертности (2005–2013, 2013–2019) и период пандемии COVID-19 (2019–2021 годы). Предотвратимая смертность рассчитывалась для мужчин и женщин возрастной группы 5–64 лет. Оценка предотвратимой смертности проведена в соответствии с европейским подходом конца XX века, согласно которому к предотвратимой относится смертность лиц от 38 причин и классов причин в возрасте 5–64 лет, разделенных на три группы в соответствии с тремя уровнями профилактики [8]. Аналогичный анализ проведён для класса «Болезни системы кровообращения», внутри которого выделялись управляемые причины смерти, которые рассматривались как предотвратимые, остальные причины смерти рассматривались как непродолжительные. Качественное совпадение результатов считалось подтверждением возможности применения методики предотвратимой смертности для анализа изменений смертности от болезней системы кровообращения.

К предотвратимым причинам сердечно-сосудистой смертности мы отнесли ишемическую болезнь сердца (и как поддающуюся лечению, и как предотвратимую причину смерти при влиянии на факторы риска), цереброваскулярные заболевания (связанные как со злоупотреблением алкоголя, так и с качеством оказания медицинской помощи, эффективностью внутриведомственного взаимодействия), гипертоническая болезнь и хронические ревматические болезни сердца (поддающиеся лечению). Поскольку уровни смерти от последних причин низкие, то целесообразно использовать сумму смертей от этих двух заболеваний при их анализе совместно со смертностью от цереброваскулярных заболеваний и ишемической болезни сердца в рамках одного исследования.

Проводился сравнительный анализ показателей предотвратимой и непродолжительной смертности в разрезе пола. Для учета влияния доступности медицинской помощи сравнительный анализ показателей проводился также между жителями городских и сельских поселений.

Для анализа рассчитывались среднегодовые темпы прироста смертности российского населения для трех периодов: быстрого (2005–2013), более медленного снижения смертности (2013–2019) и периода пандемии (2019–2021 годы).

Таблица 1 – Уровень стандартизованной предотвратимой смертности (Европейский стандарт, на 100 000), её доля и доля двух групп предотвратимых причин в общей смертности населения в возрасте 5-64 года в Российской Федерации в разные годы (%)

Table 1 – The level of standardized preventable mortality (European standard, per 100,000), its share and the share of two groups of preventable causes in the total mortality of the population aged 5-64 years in the Russian Federation in different years (%)

Годы	Предотвратимая смертность		Доля предотвратимых причин		Из них причины			
	муж.	жен.	муж.	жен.	1 группы		3 группы	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
<i>Все поселения</i>								
2003	798,2	245,0	58,6	57,2	79,7	70,9	20,0	16,8
2005	770,3	238,2	57,9	56,9	79,3	70,3	20,4	17,3
2019	368,0	129,9	52,9	52,7	77,5	59,9	22,0	21,8
2021	377,5	139,7	46,0	41,1	77,0	58,8	22,6	25,8
<i>Городские поселения</i>								
2003	768,6	234,6	57,5	56,7	79,4	69,9	20,3	16,8
2005	729,2	224,9	56,9	56,6	79,0	69,1	20,6	17,5
2019	352,9	125,0	52,0	52,7	76,9	58,9	22,6	22,2
2021	361,6	132,6	44,7	40,5	76,5	58,7	23,0	25,4
<i>Сельские поселения</i>								
2003	884,5	278,6	61,6	58,6	80,5	73,3	19,1	16,8
2005	883,9	279,3	60,1	57,6	80,0	19,8	73,2	17,0
2019	408,7	145,6	55,1	52,7	79,3	62,9	20,3	20,5
2021	420,0	162,6	49,1	42,6	78,2	59,2	21,5	26,8

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты анализа предотвратимой смертности послужили эталоном для их сравнения с результатами анализа сердечно-сосудистой смертности.

Предотвратимая смертность. В Российской Федерации на пике смертности 2003 года предотвратимая смертность составляла 58,6 % в мужской и 57,2 % в женской смертности (таблица 1). Хотя этот показатель неуклонно снижался, к 2019 году он по-прежнему был выше, чем в странах Восточной Европы, и лишь в период пандемии новой коронавирусной инфекции он опустился ниже 50 %. В городской местности доля предотвратимой смертности меньше, чем в сельской. Предотвратимая смертность мужчин, проживающих в сельской местности, в 2003 году была на 15,1 % больше уровня предотвратимой смертности городских мужчин, в 2019 году – на 15,8 %, а в 2021 году – на 16,2 %, что является следствием снижения доступности медицинской помощи в период пандемии. Предотвратимая смертность сельских женщин также выше, чем смертность горожанок: в 2003 году – на 18,8 %, в 2019 году – на 16,5 %, а в 2021 году – на 22,6 %.

Отметим, что доля предотвратимых причин в мужской и женской смертности городского населения в 2019 году была практически одинакова.

Более трех четвертей предотвратимой смертности мужчин и более половины женской предотвратимой смертности приходится на причины первой группы, зависящие от образа и условий жизни населения. За счет меньшего распространения вредных привычек среди женщин и их более осторожного поведения в быту и на производстве вклад предотвратимых причин этой группы в женскую смертность меньше. Аналогично причины первой группы вносят в смертность сельского населения больший вклад, чем в смертность горожан.

Причины третьей группы, смертность от которых управляется деятельностью медицинских организаций, составляют более пятой части в предотвратимой смертности. Как видно из таблицы, при рутинной работе медицинских организаций предотвратимые потери мужчин зависят в большей степени от качества оказания медицинской помощи, чем женские потери, но в период пандемии при перегрузке системы здравоохранения доля причин третьей группы в женской смертности становится больше, чем в мужской.

Уровень предотвратимой смертности в Российской Федерации был наибольшим в 2003 году, он превосходил значение 2019 года в 2,2 раза у мужчин и в 1,9 раза у женщин. При этом смертность от причин первой группы уменьшилась

в 2,2 раза, второй группы – в 1,3 раза, третьей группы – в 2,0 раза среди мужчин и в 2,2 раза, 1,3 раза и 1,4 раза соответственно среди женщин. Непредотвратимая смертность уменьшилась за этот же период в 1,7 и 1,9 раз соответственно. Показательным является не только уровень предотвратимой смертности, но и темпы её снижения.

Темпы снижения предотвратимой смертности были более быстрыми в период с 2005 по 2013 годы, после чего несколько уменьшились, однако в период пандемии вируса SARS-CoV-2 предотвратимая смертность выросла, хотя и в меньшей степени, чем непредотвратимая (таблица 2). У мужчин темпы снижения и предотвратимой, и непредотвратимой смертности были несколько больше, чем у женщин.

До 2019 года предотвратимая смертность снижалась более интенсивно, чем непредотвратимая. После 2013 года темпы снижения предотвратимой смертности сельских жителей превышали темпы снижения этой смертности у горожан, тогда как для непредотвратимой смертности существенных различий не наблюдалось. В период пандемии, наоборот, предотвратимая смертность выросла среди сельских жителей в большей степени, а непредотвратимая смертность в меньшей степени, чем среди горожан.

И в городской, и в сельской местности в мужской смертности наблюдается более выраженное снижение, чем в женской, как для предотвратимых, так и для непредотвратимых причин смерти.

Применение методики предотвратимой смертности к болезням системы кровообращения. Что касается болезней системы кровообращения, смертность от которых рассматривается как предотвратимая на возрастном интервале 5–64 лет, то в большинстве случаев их вклад в сердечно-сосудистую смертность населения соответствующего возраста с 2003 года неуклонно снижался. Исключение составляет смертность женщин от ишемической болезни сердца, доля которой в структуре причин смерти от болезней системы кровообращения мало изменилась.

Ишемическая болезнь сердца на возрастном интервале 5–64 лет составляла в 2003 году 54,4 % от болезней системы кровообращения в мужской и 41,6 % в женской смертности. Эта доля до 2013 года мало менялась в мужской смертности и выросла в женской смертности (до 43,7 %),

Таблица 2 – Среднегодовой прирост предотвратимой и непредотвратимой смертности населения в возрасте 5–64 года в России в разные периоды (%)

Table 2 – Average annual increase in preventable and unavoidable mortality of the population aged 5–64 years in the Russian Federation in different periods (%)

Периоды	Предотвратимая		Непредотвратимая	
	муж.	жен.	муж.	жен.
<i>Все поселения</i>				
2005-2013	-5,2	-4,6	-4,2	-3,5
2013-2019	-4,2	-3,2	-2,1	-1,6
2019-2021	1,3	3,8	16,4	31,1
<i>Городские поселения</i>				
2005-2013	-5,3	-4,6	-4,2	-3,6
2013-2019	-4,1	-3,0	-2,1	-1,5
2019-2021	1,3	3,1	17,3	31,7
<i>Сельские поселения</i>				
2005-2013	-5,0	-4,4	-4,2	-3,4
2013-2019	-4,7	-3,6	-2,0	-1,5
2019-2021	1,4	5,7	14,2	29,5

после чего, резко снизившись к 2015 году (до 51,8 % и 41,3 % соответственно), у мужчин стала медленно снижаться, достигнув к 2021 году величины 50,0 %. У женщин вклад ишемической болезни сердца в сердечно-сосудистую смертность к 2021 году достиг величины 41,8 %. Доля острых сердечно-сосудистых событий в структуре смертности от ишемической болезни сердца уменьшилась с 40,7 % в 2003 до 35,5 % в 2021 году в мужской и с 37,9 % до 30,8 % в женской смертности. В наибольшей степени снизилась смертность от повторных инфарктов миокарда (в 2,8 раза у мужчин и в 4,3 раза у женщин).

Вклад цереброваскулярных болезней в смертность населения заметно уменьшился с 2003 года до 2008, когда было начато внедрение в эксплуатацию новых сердечно-сосудистых центров. В структуре болезней системы кровообращения, явившихся причинами смерти, доля цереброваскулярных болезней уменьшилась за этот период среди мужчин с 22,1 % до 20,7 % в городе и с 23,4 % до 20,6 % в селе; среди женщин – с 32,7 % до 30,1 % и с 34,4 % до 29,9 % соответственно. Несмотря на развитие сети сосудистых центров в России после 2008 года, в мужской смертности доля цереброваскулярных болезней с 2008 по 2019 год практически не изменилась (20,7 % и 20,6 % соответственно в городе и 20,6 % и 19,4 % в селе), уменьшившись к 2021 году до 20,3 % и 19,3 %. В женской смертности доля цереброваскулярных болезней значительно уменьшилась с 2008 по 2019 годы (с 30,1 % до 26,9 % в городе

Таблица 3 – Уровень стандартизованной смертности российского населения в возрасте 5–64 лет от болезней системы кровообращения (Европейский стандарт, на 100000), доля в ней (%) цереброваскулярных болезней (ЦВБ), ишемической болезни сердца (ИБС) и в целом предотвратимых причин (ПП)

Table 3 – The level of standardized mortality of the Russian population aged 5–64 from diseases of the circulatory system (European standard, per 100,000), the proportion in it (%) of cerebrovascular diseases (CVD), ischemic heart disease (IHD) and generally preventable causes (PP)

Годы	Смертность от БСК		Доля ЦВБ		Доля ИБС		Доля ПП	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
<i>Городские поселения</i>								
2003	499,7	153,9	22,1	32,7	55,2	42,2	82,0	83,2
2005	480,3	144,4	21,3	31,2	53,6	41,1	79,1	80,0
2019	245,3	67,7	20,6	26,9	50,7	40,0	74,4	71,5
2021	260,2	75,0	20,2	25,3	50,1	41,7	73,2	71,6
<i>Сельские поселения</i>								
2003	503,3	189,5	23,4	34,4	52,3	40,3	82,1	85,9
2005	555,1	203,2	22,0	32,1	51,7	40,8	79,1	83,0
2019	252,6	85,8	19,4	25,8	49,8	39,7	72,5	71,1
2021	274,6	95,4	19,3	24,7	49,6	41,2	72,0	71,8

и с 29,9 % до 25,8 % в селе), после чего снизилась до величин 25,3 % и 24,7 % в 2021 году. Положительным моментом является улучшение диагностики цереброваскулярных болезней: доля среди них инсульта неуточнённого уменьшилась с 30,9 % в 2003 году до 0,9 % в 2021 году в мужской и с 31,3 % до 1,0 % в женской смертности.

Доля гипертонической болезни и хронических ревматических болезней сердца в структуре причин смерти от болезней системы кровообращения также неуклонно снижалась: в мужской смертности эта доля снизилась с 3,0 % в 2003 году до 1,7 % в 2019 году и 1,5 % в 2021 году; в женской смертности – с 5,6 % до 2,8 % и 2,8 % соответственно.

В целом, в структуре сердечно-сосудистой смертности населения в возрасте 5–64 лет вклад предотвратимых причин смерти равномерно снижался: у мужчин – с 79,1 % в 2005 году до 73,9 % в 2019 году, у женщин – с 81,3 % до 71,4 %. В период пандемии эта доля в мужской смертности продолжила снижение (до 72,8 % в 2021 году), а в женской смертности, наоборот, несколько выросла (до 71,7 %).

Изменение вклада в смертность цереброваскулярных болезней городского и сельского населения различно: на пике смертности он был больше в сельской местности, в настоящее время – в городской (таблица 3), что исключает предположение о доступности специализированной медицинской помощи как ведущем факторе смертности от этого заболевания в текущий период.

Вклад всех предотвратимых причин в сердеч-

но-сосудистую смертность мужчин в настоящее время больше в городской местности, тогда как на пике смертности этот вклад был одинаков. В женской смертности, наоборот, в настоящий период вклад предотвратимых причин у жителей городской и сельской местности одинаков, тогда как на пике смертности это вклад был больше в сельской местности.

На пике смертности и в городской, и в сельской местности доля предотвратимых причин в сердечно-сосудистой смертности была больше в женской смертности, чем в мужской, а в текущий период, наоборот, меньше.

Динамика смертности от болезней системы кровообращения в целом среди населения в возрасте 5–64 лет сходна с динамикой предотвратимой смертности: коэффициент корреляции за период 1999–2021 годы равен 0,984 для мужской и 0,998 для женской смертности. Вклад сердечно-сосудистой смертности мужчин в общую смертность с начала века до 2019 года практически не менялся (37,3 % в 2003 году и 35,5 % в 2019 году), у женщин он снизился с 38,6 % в 2003 году до 29,3 % в 2019 году. К 2021 году он снизился до 32,2 % и 23,5 % соответственно.

Если вклад сердечно-сосудистых заболеваний в общую смертность населения в возрасте 5–64 года продолжил своё снижение в период пандемии, то уровень смертности от этих причин в большинстве случаев вырос. Исключение составляет смертность городских мужчин от гипертонической болезни и хронических ревматических болезней сердца (таблица 4).

Подъём уровня смертности в 2020–2021 году от рассматриваемых сердечно-сосудистых заболеваний объясняется осложнениями COVID-19, оказывающем пагубное влияние на целостность сосудистых стенок и их иннервацию.

Как и для всех предотвратимых причин, смертность от сердечно-сосудистых предотвратимых причин снижалась большими темпами, чем смертность от сердечно-сосудистых непредотвратимых причин. При этом после 2013 года темпы снижения смертности не уменьшились только для гипертонической болезни и хронических ревматических заболеваний сердца. На фоне достаточно высоких темпов снижения смертности от предотвратимых причин уровень непредотвратимой сердечно-сосудистой смертности после 2013 года вплоть до 2019 года снизился незначительно, что свидетельствует о наличии мер профилактики смертности в этот период и их действенности.

Из анализа темпов снижения предотвратимой сердечно-сосудистой смертности следует, что принятые меры профилактики смертности в большей степени повлияли на сельских жителей.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

В Российской Федерации на пике смертности 2003 года предотвратимая смертность составляла около 60 % и не опустилась ниже 50 % к 2019 году, тогда как в конце прошлого века для европейских стран со слабой экономикой доля предотвратимой смертности в общей смертности населения в возрасте 5–64 лет составляла 40–50 % [4]. Это означает, что в допандемический период в стране прилагалось недостаточно усилий по улучшению общественного здоровья. Чрезвычайно высокая доля причин, управляемых мерами по улучшению условий и качества жизни населения, в структуре предотвратимой смертности свидетельствует, что роль государства в предотвращении преждевременной смертности российского населения велика.

Тем не менее реализованные мероприятия в области охраны здоровья населения позволили достичь определённых результатов: вплоть до пандемии предотвратимая смертность снижалась более быстрыми темпами, чем непредотвратимая смертность. В большей степени этот факт обусловлен улучшением социально-экономической ситуации в стране после кризиса конца прошлого тысячелетия. Влияние этого фактора в значительной степени исчерпало себя к

Таблица 4 – Среднегодовой прирост смертности населения в возрасте 5–64 лет от болезней системы кровообращения в России в разные периоды (%)

Table 4 – Average annual increase in mortality of the population aged 5–64 years from diseases of the circulatory system in the Russian Federation in different periods (%)

Периоды	Городские поселения		Сельские поселения	
	муж.	жен.	муж.	жен.
<i>Цереброваскулярные болезни</i>				
2005–2013	–6,4	–7,9	–8,9	–9,9
2013–2019	–3,3	–4,5	–3,6	–4,7
2019–2021	2,4	2,2	4,0	3,4
<i>Гипертоническая болезнь и хронические ревматические заболевания сердца</i>				
2005–2013	–6,6	–9,0	–8,2	–8,7
2013–2019	–7,8	–9,0	–9,6	–10,8
2019–2021	–1,5	4,3	0,56	7,4
<i>Ишемическая болезнь сердца</i>				
2005–2013	–5,3	–5,5	–6,1	–6,2
2013–2019	–4,7	–5,2	–5,2	–5,9
2019–2021	2,6	7,9	4,3	7,5
<i>Непредотвратимые болезни системы кровообращения</i>				
2005–2013	–4,3	–3,3	–3,6	–2,7
2013–2019	–0,6	–1,1	–1,6	–0,9
2019–2021	4,7	7,3	6,1	8,5

2013 году, особенно среди городского населения, с исходно лучшей экономической ситуацией. В том, что темпы снижения предотвратимой смертности уменьшились в меньшей степени, чем темпы снижения непредотвратимой смертности, проявилось влияние государственных программ снижения смертности. При этом наиболее результативными стали профилактические усилия по предотвращению факторов риска, что проявилось в более выраженном снижении предотвратимых причин первой группы. Это согласуется с фактом, что управление факторами риска развития сердечно-сосудистых заболеваний с помощью специализированного программного модуля позволяет достаточно быстро уменьшить выраженности всех факторов риска, что способствует значимому снижению смертности населения [16].

За последние годы в стране были предприняты масштабные усилия по профилактике смертности от болезней системы кровообращения. В 2002–2008 годах была реализована федеральная целевая программа «Профилактика и лечение артериальной гипертонии в Российской Федерации», целью которой было комплексное решение проблем профилактики, диагностики,

лечения артериальной гипертонии, реабилитации больных с ее осложнениями. С 2007 года в рамках федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007–2012 годы)» реализовывалась подпрограмма «Артериальная гипертония». С 2008 г. в рамках реализации национального проекта «Оказание медицинской помощи больным с острыми сосудистыми заболеваниями» были созданы и оснащены современным оборудованием сосудистые центры, количество которых к настоящему времени достигло 132. В 2012 году утвержден Порядок оказания медицинской помощи больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями, в котором установлены правила медико-санитарной помощи больным в медицинских организациях. 2015 год был объявлен годом борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями, в том числе ишемической болезнью сердца, что также способствовало интенсификации мер по снижению смертности от болезней системы кровообращения. Кроме того, реализованы меры по снижению влияния факторов риска развития болезней системы кровообращения: в 2009 году Президентом страны Владимиром Путиным была подписана концепция антиалкогольной политики до 2020 года, в 2013 году вступил в силу Федеральный закон о запрете курения, с 2012 г. в рамках диспансеризации и профилактических осмотров населения проводится профилактическое консультирование, направленное на их коррекцию факторов сердечно-сосудистого риска.

Сильная корреляционная связь динамики смертности российского населения анализируемого возраста от предотвратимых причин и от болезней системы кровообращения означает, что предпринятые меры профилактики смертности пока воздействуют широко, влияя на факторы, повышающие смертность населения от большинства управляемых причин. Прежде всего, это улучшение условий жизни, повышение благосостояния населения, улучшение доступности медицинской помощи и оснащения медицинских организаций, лучшее обеспечение населения лекарственными средствами и медицинским оборудованием. Более выраженного снижения сердечно-сосудистой смертности не отмечено. Аналогичные результаты были получены и в первые годы реализации программ профилактики смертности российского насе-

ления, и в текущий период. В 2012 году при анализе результатов программы по снижению сердечно-сосудистой смертности в пилотных регионах авторы показали отсутствие региональных различий динамики смертности по отношению к реализации программы, что они объяснили длительной отсроченностью результатов профилактики смертности от хронической массивной патологии [17]. Позже на основе показанной универсальности изменения динамика смертности от болезней системы кровообращения и среднего возраста умерших мужчин и женщин было сделано заключение о том, что эти изменения были результатом профилактических усилий, направленных на сокращение распространенности поведенческих факторов риска, прежде всего, потребления алкоголя [18]. При анализе результативности мероприятий по снижению смертности от болезней сердечно-сосудистой системы в Ростовской области за период 2015–2019 годов сделан вывод о снижении эффективности таких мероприятий (в основном, из-за несвоевременного и некачественного осуществления диспансерного наблюдения за больными) и о важности продолжения развития региональной профилактической медицины и ориентации пациентов на ведение здорового образа жизни [19]. То есть вплоть до 2019 года на популяционном уровне не начали проявляться усилия, направленные на улучшение качества медицинской помощи.

Нельзя не отметить, что влияние программы «Профилактика и лечение артериальной гипертонии в Российской Федерации» заметно в течение всего анализируемого периода, включая период пандемии. Развитие сети сосудистых центров оказало влияние, видимое в статистике смертности на государственном уровне, на снижение смертности от острых сосудистых событий. Однако вклад этих заболеваний в сердечно-сосудистую смертность невелик, поэтому многократное снижение смертности от них не проявляется на общем фоне.

Если внутри класса «Болезни системы кровообращения» причины смерти разделить на предотвратимые и не предотвратимые, рассматривая смертность на возрастном интервале предотвратимости, то можно получить такое же заключение о влиянии предпринятых мер профилактики смертности (даже при наличии недостаточно качественного учета причин смерти).

О комплексном влиянии программ в области здравоохранения свидетельствуют более высокие темпы снижения предотвратимой смертности по сравнению с темпами снижения непревратимой смертности от болезней системы кровообращения, а также выраженное уменьшение доли предотвратимых причин в этой смертности. При этом влияние более выражено в смертности сельского населения. То есть концепция предотвратимой смертности вполне применима в рамках одного класса болезней.

Однако при конкретизации более глубоких результатов анализа выявлены некоторые различия в заключениях, которые не были получены при классическом анализе всех предотвратимых причин.

Так, из результатов классического анализа видно, что в городской местности доля предотвратимой смертности меньше, чем в сельской, что обусловлено лучшим доступом населения к медицинской помощи и несколько лучшими социально-экономическими условиями. Однако при рассмотрении предотвратимой смертности внутри класса «Болезни системы кровообращения» наблюдается обратная картина: после снижения смертности с начала тысячелетия доля предотвратимой смертности в городе стала больше. Такую ситуацию можно объяснить неодинаковым распространением таких факторов сердечно-сосудистого риска, как напряженный и интенсивный темп жизни, стрессы, загрязнение воздуха, гиподинамия. При этом большие темпы снижения предотвратимой смертности среди сельского населения свидетельствуют об улучшении для них доступности медицинской помощи.

С начала тысячелетия доля всех предотвратимых причин в мужской смертности больше, чем в женской, сравнившись с ней к 2019 году среди городского населения. В текущий период в сердечно-сосудистой смертности женщин доля предотвратимых причин меньше, чем в смертности мужчин, что также связано с меньшим распространением среди них вредных привычек. Но в 2003–2005 годы наблюдалось противоположное соотношение таких долей, что, по-видимому, можно объяснить более выраженным ростом смертности мужчин от предотвратимых причин, что связано с биологически обусловленной большей устойчивостью женщин к разнообразным видам стресса в плане сохранения соматического здоровья [20].

С другой стороны, при классическом анализе всех предотвратимых причин показано, что и в городской, и в сельской местности в мужской смертности наблюдается более выраженное снижение, чем в женской как для предотвратимых, так и для непревратимых причин смерти. Разные тенденции смертности мужчин и женщин ученые объясняли гендерными различиями зависимости предотвратимой смертности от политик здравоохранения [21]. В динамике сердечно-сосудистой смертности большие темпы снижения для предотвратимых причин наблюдаются среди женщин. Возможно, здесь сказывается большая приверженность женщин лечению.

Соотношение темпов роста смертности от цереброваскулярных заболеваний мужчин и женщин отличается от аналогичных соотношений при других болезнях системы кровообращения. Перенесенный COVID-19 увеличил риск смерти от сердечно-сосудистых заболеваний [22, 23, 24], кроме того, в период пандемии доступность и качество медицинской помощи ухудшились, что отразилось на росте смертности от большинства болезней системы кровообращения, более выраженном среди женщин. При этом смертность от цереброваскулярных заболеваний в большей степени выросла среди мужчин. Это отражает тот факт, что в нашей стране в настоящий период смертность от цереброваскулярных болезней более обусловлена злоупотреблением алкоголем, чем недостаточным качеством оказания медицинской помощи. Таким образом, подтверждается ранее сделанное заключение о преимущественной связи этой патологии с образом жизни российского населения и о ведущей роли мер по борьбе со злоупотреблением алкоголя в наблюдаемом в допандемический период снижении уровня смертности от цереброваскулярных болезней [25]. В то же время при анализе этой патологии можно сделать вывод о существенном изменении возможностей диагностики и лечения инсульта в нашей стране, что отражается в многократном сокращении смертности от неуточненного инсульта.

В то же время более выраженный рост смертности женщин от остальных болезней системы кровообращения (без учета цереброваскулярных болезней) согласуется с результатом, полученным в классическом анализе для третьей группы предотвратимых причин смерти. Вид-

но, что при перегрузке системы здравоохранения доля причин, смертность от которых зависит от качества оказания медицинской помощи, в женской смертности становится больше, чем в мужской.

Следует отметить, что динамика смертности от ишемической болезни сердца в последние 20 лет отлична от динамики смертности от большинства остальных основных причин сердечно-сосудистой смерти резким снижением уровня в 2013–2015 годы. Ступенеобразная динамика вклада ишемической болезни сердца в смертность населения рассматриваемого возраста в эти годы более свидетельствует об изменении практики кодирования причин смерти, нежели о влиянии мер профилактики смертности [26, 27]. Однако факт улучшения качества оказания медицинской помощи прослеживается в снижении доли острых сердечно-сосудистых событий в структуре смертности от ишемической болезни сердца.

То есть применение концепции предотвратимой смертности к болезням системы кровообращения позволяют провести оценку уровня

результативности, анализ ситуации разработку практических рекомендаций для дальнейшего снижения смертности, что соответствует всем компонентам процесса повышения эффективности при управлении.

Выводы. Таким образом, концепция предотвратимой смертности применима в рамках класса «Болезни системы кровообращения», при этом методика позволяет получать более глубокие результаты анализа в отношении влияния факторов сердечно-сосудистого риска, что может служить доказательной базой результативности проектов в области борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

На сегодняшний день с помощью этой методики показаны факты улучшения диагностических возможностей, доступности и качества оказания медицинской помощи при том, что основной вклад в снижение смертности от болезней системы кровообращения по-прежнему вносят рост социально-экономического благополучия населения и профилактические усилия, направленные на сокращение распространенности поведенческих факторов риска. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ЯРМОЛОВА М. В., ЧАЙКИНА Н. Н., ЯРМОЛОВ С. Н. О заболеваемости населения сердечно-сосудистыми заболеваниями и путях ее профилактики на региональном уровне // *The Scientific Heritage*. 2022. № 82-2 (82). С. 45-48. EDN EFUUDK.
2. Буланова М. А. Оценка результативности демографической политики по снижению смертности (на примере Дальневосточного федерального округа) // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 1 (9В). С. 60-75. EDN AQREOC.
3. CARSTENSEN, B. (1989). European community atlas of 'avoidable death' (Book review). *Statistics in Medicine*, 8(5), 635–635. <https://doi.org/10.1002/sim.4780080513>.
4. WESTERLING, R. (2001). Commentary: Evaluating avoidable mortality in developing countries – an important issue for public health. *International Journal of Epidemiology*, 30(5), 973–975. <https://doi.org/10.1093/ije/30.5.973>.
5. TREURNIET, H. F. (2004). Avoidable mortality in Europe (1980-1997): A comparison of trends. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 58(4), 290–295. <https://doi.org/10.1136/jech.2002.006452>.
6. WESTERLING, R., GULLBERG, A., & ROSÉN, M. (1996). Socioeconomic differences in 'avoidable' mortality in Sweden 1986-1990. *International Journal of Epidemiology*, 25(3), 560–567. <https://doi.org/10.1093/ije/25.3.560>.
7. NOLTE, E. (2003). Measuring the health of nations: Analysis of mortality amenable to health care. *BMJ = British Medical Journal*, 327(7424), Article 1129. <https://doi.org/10.1136/bmj.327.7424.1129>.
8. SIMONATO, L., BALLARD, T., BELLINI, P., & WINKELMANN, R. (1998). Avoidable mortality in Europe 1955-1994: A plea for prevention. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 52(10), 624–630. <https://doi.org/10.1136/jech.52.10.624>.
9. TOBIAS, M., & YEH, L. (2009). How much does health care contribute to health gain and to health inequality? Trends in amenable mortality in New Zealand 1981-2004. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 33(1), 70–78. <https://doi.org/10.1111/j.1753-6405.2009.00342.x>.
10. SANTOS-JAÉN, J. M., LEÓN-GÓMEZ, A., VALLS MARTÍNEZ, M. DEL C., & GIMENO-ARIAS, F. (2022). The effect of public healthcare expenditure on the reduction in mortality rates caused by unhealthy habits

among the population. *Healthcare*, 10(11), Article 2253. <https://doi.org/10.3390/healthcare10112253>.

11. VALLS MARTÍNEZ, M. (2019). Patient satisfaction in the Spanish national health service: Partial least squares structural equation modeling. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(24), Article 4886. <https://doi.org/10.3390/ijerph16244886>.

12. RAMÍREZ-ORELLANA, A., DEL CARMEN VALLS MARTÍNEZ, M., & GRASSO, M. S. (2021). Using higher-order constructs to estimate health-disease status: The effect of health system performance and sustainability. *Mathematics*, 9(11), Article 1228. <https://doi.org/10.3390/math9111228>.

13. KORDA, R. J., & BUTLER, J. R. G. (2006). Effect of healthcare on mortality: Trends in avoidable mortality in Australia and comparisons with Western Europe. *Public Health*, 120(2), 95–105. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2005.07.006>.

14. FAVALORO, R.G. (1968). Saphenous vein autograft replacement of severe segmental coronary artery occlusion: Operative technique. *The Annals of Thoracic Surgery*, (5), 334–339. [https://doi.org/10.1016/S0003-4975\(10\)66351-5](https://doi.org/10.1016/S0003-4975(10)66351-5).

15. ЗУБКО А. В., САБГАЙДА Т. П. Оперативная активность по профилю сосудистой хирургии в медицинских организациях различного уровня // **Социальные аспекты здоровья населения**. 2016. № 6 (52). С. 2. EDN ХЕРТСВ.

16. ГАЛИМЗЯНОВ А. Ф., ГАРИПОВ Р. З., СЛЕЙТЕР М. Специальное программное обеспечение для управления факторами риска сердечно-сосудистых заболеваний // **Медицинский вестник МВД**. 2021. № 1 (110). С. 70-74. EDN LRITXG.

17. ИВАНОВА А. Е., ГОЛОВЕНКИН С. Е., МИХАЙЛОВ А. Ю. Оценка результативности мер политики по снижению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний // **Социальные аспекты здоровья населения**. 2014. № 3 (37). С. 1. EDN SINAIH.

18. ЖЕЛЕЗНЯК Н. А., БОЮШЕНКО Е. Н., ПАНОВ А. В., ТАНОВА А. А. Медико-статистический анализ показателей реализации регионального проекта «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» // **Главный врач Юга России**. 2020. № 4 (74). С. 9-12. EDN TZYGMР.

19. ДМИТРИЕВА Т. Б., ДРОЗДОВ А. З. Половые и гендерные аспекты стрессоустойчивости (аналитический обзор). Часть 1 // **Российский психиатрический журнал**. 2010. № 1. С. 18-24. EDN NDSXPR.

20. WESTERLING, R. (2003). Decreasing gender differences in “avoidable” mortality in Sweden. *Scandinavian Journal of Public Health*, 31(5), 342–349. <https://doi.org/10.1177/14034948030310050201>.

21. CHEN, C., ZHOU, Y., & WANG, D. W. (2020). SARS-CoV-2: A potential novel etiology of fulminant myocarditis. *Herz*, 45(3), 230–232. <https://doi.org/10.1007/s00059-020-04909-z>.

22. NANNONI, S., DE GROOT, R., BELL, S., & MARKUS, H. S. (2020). Stroke in COVID-19: A systematic review and meta-analysis. *International Journal of Stroke*, 16(2), 137–149. <https://doi.org/10.1177/1747493020972922>.

23. КОЗЛОВ И. А., ТЮРИН И. Н. Сердечно-сосудистые осложнения COVID-19 // **Вестник анестезиологии и реаниматологии**. 2020. Т. 17, № 4. С. 14-22. EDN МКJCLI.

24. САБГАЙДА Т. П. Предотвратимые причины смерти в России и странах Евросоюза // **Здравоохранение Российской Федерации**. 2017. Т. 61, № 3. С. 116-122. EDN YSLAVF.

25. САБГАЙДА Т. П., СЕМЕНОВА В. Г. Связь снижения сердечно-сосудистой смертности 2013-2015 годов с изменением смертности от других причин // **Социальные аспекты здоровья населения**. 2017. № 5 (57). С. 2. EDN ZSVYFL.

26. БОЙЦОВ С. А., САМОРОДСКАЯ И. В. Высокая смертность от болезней системы кровообращения в России: адекватны ли подходы к кодированию причин смерти? // **Кардиология**. 2015. Т. 55, № 1. С. 47-51. EDN THSHDF.

27. ИВИНА В. Ю., КАРМАЦКИХ О. Г., АНУФРИЕВА Е. В. Оценка эффективности управления деятельностью медицинской организации по снижению смертности от болезней системы кровообращения на основе анализа данных о деятельности медицинских организаций Свердловской области за период 2018-2020 гг. // **Вестник Уральской медицинской академической науки**. 2022. Т. 19, № 5. С. 523-532. EDN QJUNHC.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Сабгайда Тамара Павловна – доктор медицинских наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (главный научный сотрудник; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); tsabgaida@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 4249, ORCID: 0000-0002-5670-6315.

Зубко Александр Владимирович – кандидат медицинских наук; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ведущий научный сотрудник; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); zalexandrae@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 915184, ORCID: 0000-0001-8958-1400.

Семенова Виктория Георгиевна – доктор экономических наук; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (главный научный сотрудник; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); vika-home@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 76028, ORCID: 0000-0002-2794-1009.

Статья получена: 27.02.2023. Заключение рецензента: 11.03.2023. Принята к печати: 21.04.2023.

EFFECTIVENESS OF THE FEDERAL PROJECT “FIGHT AGAINST CARDIOVASCULAR DISEASES” IN THE CONTEXT OF PREVENTABLE CAUSES OF DEATH IN THE RUSSIAN URBAN AND RURAL SETTLEMENTS

Sabgayda T. P.^a, Zubko A. V.^a, Semyonova V. G.^a

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

Introduction. In 2019, within the framework of the National project “Healthcare”, a Federal project “Fight against Cardiovascular Diseases” was launched to reduce mortality from heart attack, stroke and other vascular disorders by a quarter by 2024, predominantly among the Russian working population. For the health policy measures in the field of cardiovascular diseases to be successfully implemented, activities stipulated by the Federal project should be revised and updated and target indicators reassessed with due regard to the current situation. Another important managerial aspect is the overall project performance assessment in the context of the COVID-19 pandemic, which is associated with a significant increase in cardiovascular mortality.

Material and methods. The Russian mortality among population aged 5-64 in 2003-2021 was analyzed identifying periods of rapid and slow mortality reduction (2005-2013, 2013-2019) as well as the pandemic period (2019-2021). Comparative analysis was conducted by gender, preventable and unavoidable death, urban and rural settlements.

Results. Generally, dynamics in mortality from diseases of the circulatory system among population aged 5-64 is similar to the one in preventable mortality: the correlation coefficient in 1999-2021 equaled to 0.984 in males and 0.998 in females. From the beginning of the century and up to 2019, the contribution of male cardiovascular mortality to the total mortality hardly changed (37.3% in 2003 and 35.5% in 2019), while in females it decreased from 38.6% in 2003 to 29.3% in 2019. By 2021, it has decreased to 32.2% and 23.5%, respectively.

Discussion. Improvements in quality of medical care can be evidenced by the decreased share of acute cardiovascular events in the structure of mortality from coronary heart disease. The use of the preventable mortality concept regarding diseases of the circulatory system makes it possible to evaluate effectiveness and develop practical recommendations for further mortality reduction, which fully corresponds to the entire process of increasing management efficiency.

Conclusions. The study results show that the concept of preventable mortality is applicable to “Diseases of the circulatory system”; the technique allows for more in-depth analysis results regarding the impact of cardiovascular risk factors, which can serve as an evidence base to assess project performance in the field of fighting cardiovascular diseases. The use of this technique makes it possible to track improvements in diagnostic capabilities, access to and quality of medical care, despite the fact that the improved socio-economic well-being and preventive activities to reduce behavioral risk factors remain the main contributors to the decreased mortality from diseases of the circulatory system.

KEYWORDS: controllable death causes, mortality prevention levels, healthcare performance indicators, mortality growth rate, cardiovascular mortality, federal project efficiency.

FOR CITATION: Sabgayda, T. P., Zubko, A. V., & Semyonova, V. G. (2023). Effectiveness of the Federal project “Fight against cardiovascular diseases” in the context of preventable causes of death in the Russian urban and rural settlements. *Management Issues*, 17(2), 71–85. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-71-85>.

REFERENCES

1. YARMONOVA, M. V., CHAYKINA, N. N., & YARMONOV, S. N. (2022). On the incidence of cardiovascular diseases and ways of its prevention at the regional level. *The Scientific Heritage*, (82-2), 45–48. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2022-82-2-45-48>.
2. BULANOVA, M. A. (2022). Assessment of the impact of demographic policy to reduce mortality (using the example of the Far-Eastern federal district). *Power and Management in the East of Russia*, (1), 60–75. <https://doi.org/10.22394/1B1B-4049-2022-9B-1-60-75>.
3. CARSTENSEN, B. (1989). European community atlas of ‘avoidable death’ (Book review). *Statistics in Medicine*, 8(5), 635–635. <https://doi.org/10.1002/sim.4780080513>.
4. WESTERLING, R. (2001). Commentary: Evaluating avoidable mortality in developing countries – an important issue for public health. *International Journal of Epidemiology*, 30(5), 973–975. <https://doi.org/10.1093/ije/30.5.973>.
5. TREURNIET, H. F. (2004). Avoidable mortality in Europe (1980-1997): A comparison of trends. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 58(4), 290–295. <https://doi.org/10.1136/jech.2002.006452>.
6. WESTERLING, R., GULLBERG, A., & ROSÉN, M. (1996). Socioeconomic differences in ‘avoidable’ mortality in Sweden 1986-1990. *International Journal of Epidemiology*, 25(3), 560–567. <https://doi.org/10.1093/ije/25.3.560>.
7. NOLTE, E. (2003). Measuring the health of nations: Analysis of mortality amenable to health care. *BMJ = British Medical Journal*, 327(7424), Article 1129. <https://doi.org/10.1136/bmj.327.7424.1129>.
8. SIMONATO, L., BALLARD, T., BELLINI, P., & WINKELMANN, R. (1998). Avoidable mortality in Europe 1955-1994: A plea for prevention. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 52(10), 624–630. <https://doi.org/10.1136/jech.52.10.624>.
9. TOBIAS, M., & YEH, L. (2009). How much does health care contribute to health gain and to health inequality? Trends in amenable mortality in New Zealand 1981-2004. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 33(1), 70–78. <https://doi.org/10.1111/j.1753-6405.2009.00342.x>.
10. SANTOS-JAÉN, J. M., LEÓN-GÓMEZ, A., VALLS MARTÍNEZ, M. DEL C., & GIMENO-ARIAS, F. (2022). The effect of public healthcare expenditure on the reduction in mortality rates caused by unhealthy habits among the population. *Healthcare*, 10(11), Article 2253. <https://doi.org/10.3390/healthcare10112253>.
11. VALLS MARTÍNEZ, M. (2019). Patient satisfaction in the Spanish national health service: Partial least squares structural equation modeling. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(24), Article 4886. <https://doi.org/10.3390/ijerph16244886>.
12. RAMÍREZ-ORELLANA, A., DEL CARMEN VALLS MARTÍNEZ, M., & GRASSO, M. S. (2021). Using higher-order constructs to estimate health-disease status: The effect of health system performance and sustainability. *Mathematics*, 9(11), Article 1228. <https://doi.org/10.3390/math9111228>.
13. KORDA, R. J., & BUTLER, J. R. G. (2006). Effect of healthcare on mortality: Trends in avoidable mortality in Australia and comparisons with Western Europe. *Public Health*, 120(2), 95–105. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2005.07.006>.
14. FAVALORO, R.G. (1968). Saphenous vein autograft replacement of severe segmental coronary artery occlusion: Operative technique. *The Annals of Thoracic Surgery*, (5), 334–339. [https://doi.org/10.1016/S0003-4975\(10\)66351-5](https://doi.org/10.1016/S0003-4975(10)66351-5).
15. ZUBKO, A. V., & SABGAYDA, T. P. (2016). Vascular surgery in hospitals of different levels. *Social Aspects of Population Health*, (6), Article 2. <https://elibrary.ru/xeptcb>.
16. GALIMZYANOV, A. F., GARIPOV, R. Z., & SLEYTER, M. (2021). Special software for management of risk factors for cardiovascular diseases. *Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs*, (1), 70–74. <https://elibrary.ru/lritxg>.
17. IVANOVA, A. E., GOLOVENKIN, S. E., & MIKHAYLOV, A. YU. (2014). Evaluating effectiveness of policy measures aimed at reducing mortality from cardio-

vascular diseases. *Social Aspects of Population Health*, (3), Article 1. <https://elibrary.ru/sinaih>.

18. ZHELEZNYAK, N. L., BOYUSHENKO, E. N., PANOVA, A. V., & TANOVA, A. A. (2020). Medical and statistical analysis of indicators of the implementation of the regional project “Combating cardiovascular diseases”. *Glavnyi Vrach Uga Russia*, (4), 9–12. <https://elibrary.ru/tzygmp>.

19. DMITRIEVA, T. B., & DROZDOV, A. Z. (2010). Sex and gender aspects of stress resistance: Analytical review (Part 1). *Russian Journal of Psychiatry*, (1), 18–24. <https://elibrary.ru/ndsxpr>.

20. WESTERLING, R. (2003). Decreasing gender differences in “avoidable” mortality in Sweden. *Scandinavian Journal of Public Health*, 31(5), 342–349. <https://doi.org/10.1177/14034948030310050201>.

21. CHEN, C., ZHOU, Y., & WANG, D. W. (2020). SARS-CoV-2: A potential novel etiology of fulminant myocarditis. *Herz*, 45(3), 230–232. <https://doi.org/10.1007/s00059-020-04909-z>.

22. NANNONI, S., DE GROOT, R., BELL, S., & MARKUS, H. S. (2020). Stroke in COVID-19: A systematic review and meta-analysis. *International Journal of Stroke*, 16(2), 137–149. <https://doi.org/10.1177/1747493020972922>.

23. KOZLOV, I. A., & TYURIN, I. N. (2020). Cardio-

vascular complications of COVID-19. *Bulletin of anesthesiology and resuscitation*, 17(4), 14–22. <https://doi.org/10.21292/2078-5658-2020-17-4-14-22>.

24. SABGAYDA, T. P. (2017). The preventable causes of death in Russia and in the EU countries. *Health Care of the Russian Federation*, 61(3), 116–122. <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122>.

25. SABGAYDA, T. P., & SEMYONOVA, V. G. (2017). Relationship between decline in cardiovascular mortality in 2013–2015 and change in mortality from other causes. *Social Aspects of Population Health*, (5), Article 2. <https://elibrary.ru/zsvyfl>.

26. BOYTSOV, S. A., & SAMORODSKAYA, I. V. (2015). High cardiovascular mortality in Russia: Are approaches to coding causes of death adequate? *Kardiologiya*, 55(1), 47–51. <https://doi.org/10.18565/cardio.2015.1.47-51>.

27. IVINA, V. YU., KARMATSKIKH, O. G., & ANUFRIEVA, E. V. (2022). Assessment of the effectiveness of management of the activities of a medical organization to reduce mortality from diseases of the circulatory system based on the analysis of data on the activities of medical organizations of the Sverdlovsk region for the period 2018–2020. *Journal of Ural Medical Academic Science*, 19(5), 523–532. <https://doi.org/10.22138/2500-0918-2022-19-5-523-532>.

AUTHORS' INFORMATION:

Tamara P. Sabgayda – Advanced Doctor in Medical Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (chief researcher; 6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); tsabgaida@mail.ru. RSCI AuthorID: 4249, ORCID: 0000-0002-5670-6315.

Aleksandr V. Zubko – Ph.D. of Medical Sciences; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (leading researcher; 6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); zalexandrae@gmail.com. RSCI AuthorID: 915184, ORCID: 0000-0001-8958-1400.

Viktoriya G. Semyonova – Advanced Doctor in Economic Sciences; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (chief researcher; 6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); vika-home@yandex.ru. RSCI AuthorID: 76028, ORCID: 0000-0002-2794-1009.

Информация для авторов

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- **введение** (должно быть достаточно коротким и не содержать лишних сведений. В этом разделе уместно указывать, почему это исследование было проведено, какова предыстория и контекст изучаемого вопроса, какие термины и аббревиатуры будут использоваться в статье);
- **материалы и методы** (что именно было предпринято для сбора сведений, как именно они были проанализированы и представлены. Здесь же необходимо перечислить методы, которые применялись для исследования. Если для работ был создан новый метод, его нужно подробно описать);
- **результаты** (представление новых данных, которые стали доступны благодаря проведенному исследованию. Предыдущие разделы должны описывать причины и средства, которые привели авторов к определенным результатам. Ценность статьи зависит именно от содержания этого раздела. В нем же чаще всего представляются иллюстративные материалы: таблицы, графики и рисунки и пр.);
- **обсуждение** (основная цель раздела – показать, чем полученные результаты важны, и убедить читателя, что проведенные работы имеют ценность. Тезисы из введения и обсуждения должны соответствовать друг другу).

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (*Web of Science* или *Scopus*). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять от 2 до 2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью);
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ) – обязательно; ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) – при наличии;
- место работы (учебы) и занимаемая должность;
- ученая степень, ученое звание;
- почтовый адрес (указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом);
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков
Корректурa: С. А. Кокорин
Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012

Дата выхода в свет: 30.04.2023. Формат 60 × 84 1/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 10,27. Уч.-изд. л. 9,58. Тираж 999.
Цена свободная.

Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____.

